

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Обращение тов. И. В. Сталина к народу	3
Яковлев А. — Ленинский декрет о продналоге и крестьянство	5
Гуральский А. — Из истории пангерманизма	22
Лебедев В., проф. — Москва при Петре I	34
Татарина К. — Маколей как историк	44
Авдиев В., проф. — Социальная борьба и господство гакбосов в Египте	53

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Вавилов С., академ. — 220 лет Академии наук СССР	70
Марлинский С. — Первая допетровская рукописная газета	74

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Дьяконов М. — Шеблыкин И. П. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами	76
Щаревская Б. — Аверкиева Ю. П. Рабство у индейцев Северной Америки	79
Шафрановский К. — Сокурова М. В. Общие библиографии книг гражданской печати 1708—1937 гг.	82
Симон К. — Важнейшие библиографии по истории Англии	83

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	87
-------------------------------------	----

ХРОНИКА

Альтман В. — Всесоюзное археологическое совещание	91
---	----

ПОПРАВКА

В № 4 «Исторического журнала» за 1945 г., на стр. 3, четвертая строка сверху, следует читать: «на жизнь царя Александра III...»

Редакционная коллегия:

{ Б. М. Волин
И. А. Кудрявцев
И. И. Минц
А. М. Панкратова
С. И. Гопнер

Адрес редакции: Москва ул. «Правды», 24, комн. 239. Д 3-31-04.

A5659. Изд. № 347. Зак. № 885. Тираж — 20 000.

Подписано к печати 24/V 1945 г. 6 печ. л. 68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ОБРАЩЕНИЕ ТОВА. И. В. СТАЛИНА К НАРОДУ

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооружённых сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии всё ещё уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести её в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него

Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чём бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

ЛЕНИНСКИЙ ДЕКРЕТ О ПРОДНАЛОГЕ И КРЕСТЬЯНСТВО *

А. Яковлев

Как только отгремели последние бои с Врангелем, Ленин всё чаще и чаще в своих выступлениях говорил о необходимости внимательного изучения отношений между рабочим классом и крестьянством, указывая, что требуются новые формы союза с крестьянством и новые методы подхода к нему.

В речи на объединённом заседании делегатов VIII съезда советов, членов ВЦСПС и МГСПС — коммунистов — 30 декабря 1920 г. Ленин говорил: «Анализируя текущий политический момент, мы могли бы сказать, что переживаем переходный период в переходном периоде. Вся диктатура пролетариата есть переходный период, но теперь мы имеем, так сказать, целую кучу новых переходных периодов. Демобилизация армии, конец войны, возможность гораздо более длительной мирной передышки, чем прежде, более прочного перехода с военного фронта на трудовой фронт. От одного этого, только от этого уже изменяется отношение класса пролетариата к классу крестьянства. Как изменяется? К этому надо внимательно присмотреться... Пока мы не присмотрелись, до тех пор надо уметь выжидать. Народ переустал, целый ряд запасов, которые надо было употребить на некоторые ударные производства, уже употреблены, отношение пролетариата к крестьянству изменяется»¹.

Первый шаг в определении новой формы смычки пролетариата с крестьянством сделал VIII всероссийский съезд советов. Все вопросы, рассмотренные съездом, имели непосредственное отношение к новому периоду развития нашей страны, к переходу от войны к мирному строительству. По повестке дня съезда можно судить о характере его работы. Вопросы восстановления промышленности, развития сельскохозяйственного производства, транспорта, электрификации, советского строительства, демобилизации Красной Армии, постановление об учреждении ордена Трудового красного знамени и др. были проникнуты одной целью — поднять советский народ на борьбу с разрухой, на решение хозяйственных задач. В работе VIII съезда центральное место занимает вопрос о мерах развития и укрепления крестьянского хозяйства; вокруг аграрного законопроекта, «как около фокуса, группируются сотни постановлений и законопроектов Советской власти»².

Правда, VIII съезд советов не выработал новой установки, не определил переход к новой экономической политике, — эту задачу разрешил лишь X съезд партии. Но принятие съездом советов закона о мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства, содержанием которого был вопрос о создании посевкомов и селькомов, означало первый шаг партии, правительства на новом пути, это было начало новой линии. Постановлением об организации посевкомов и селькомов была сделана попытка сочетать меры государственного регулирования, при-

* Автор — Александр Семёнович Яковлев — погиб в боях за Москву 7 ноября 1941 года. Настоящая статья является частью его кандидатской диссертации, которую он защитил в июне 1941 г. в МИФЛИ.

¹ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 73.

² Там же, стр. 39.

нуждения (через посевкомы) для прекращения дальнейшего сокращения посевной площади, с личной заинтересованностью крестьянства в повышении производительности труда и улучшении сельскохозяйственной техники, используя для этого премирование крестьянских хозяйств продуктами и сельскохозяйственными машинами.

Однако в то время ещё не ставился вопрос о замене продразвёрстки продналогом, и закон, принятый VIII съездом, по выражению М. И. Калинина, оказался без фундамента. Фундаментом, на базе которого можно было поднять крестьянство и создать стимул в развитии сельского хозяйства, стал ленинский декрет о продналоге.

С декабря 1920 г. Ленин, партия в исключительно трудной обстановке, в ожесточённой борьбе с антиленинскими группами и фракциями, подходили к определению того решающего исторического поворота, который был осуществлён на X съезде РКП(б). И троцкисты, и «рабочая оппозиция», и группа «демократического централизма», навязав партии дискуссию о профсоюзах, по существу, ставили своей задачей сорвать переход партии к новой экономической политике. Ленин и ленинское большинство ЦК в дискуссии о профсоюзах видели не только принципиальное разногласие большинства партии с троцкистами, «рабочей оппозицией», «децистами» по вопросу о роли и задачах профсоюзов, но и доказывали, что на деле шла борьба по вопросу «об отношении к крестьянству, подымавшемуся против военного коммунизма, об отношении к беспартийной массе рабочих, вообще о подходе партии к массе в полосу, когда гражданская война уже кончалась»¹.

В докладе на II всероссийском съезде горнорабочих 23 января 1921 г. Ленин говорил о роли и задачах профессиональных союзов: «Мы дошли до величайшего момента в своей революции, мы подняли массы пролетариев, мы подняли массы бедноты в деревне к сознательной поддержке нас»². И здесь же Ленин указывал, что крестьянство будет за нас в том случае, если мы «поведём правильную политику».

4 февраля 1921 г. на московской широкой конференции металлистов Ленин говорил: «Надо направить все усилия к тому, чтобы наладить отношения рабочих и крестьян... надо наладить правильные взаимоотношения рабочих и крестьян»³. Отвечая на предложения, касавшиеся посевной кампании, Владимир Ильич сделал следующий важнейший вывод: «Давайте пересмотрим отношения рабочих к крестьянам... Мы не против пересмотра этих отношений»⁴. В это время, в начале 1921 г., уже вполне определяется вывод Ленина, что продовольственная развёрстка должна быть заменена продналогом, что продналог — единственное средство, которое поможет партии и советской власти разрешить труднейшие вопросы восстановления народного хозяйства, обеспечить создание прочного экономического союза рабочего класса с крестьянством, дать стимул к подъёму всего народного хозяйства и прежде всего сельского. Ленин считал, что продналог послужит отправным пунктом, началом исторического поворота во всей внутренней политике страны.

Обдумывая и разрабатывая основы новой экономической политики, Ленин внимательно прислушивался к голосу крестьянства, изучал крестьянские письма. В феврале и начале марта 1921 г. он неоднократно обращался в редакцию крестьянской газеты «Беднота» с просьбой присылать ему крестьянские письма. Накануне X съезда партии (февраль — март 1921 г.) Ленин принимал ряд крестьянских делегаций от различных губерний. В конце 1920 и начале 1921 г. в приёмной Ильича в Москве побывало много крестьянских ходоков, рассказывавших о своих нуждах и заботах. В феврале — начале марта 1921 г. Ленин беседовал с крестья-

¹ ВКП(б) в резолюциях. Ч. 1-я, стр. 651. 1936.

² Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 100.

³ Там же, стр. 147, 148.

⁴ Там же, стр. 149.

нами Тамбовской губернии, с представителем крестьян Сибири, с крестьянскими делегациями Владимирской губернии, Чувашской области и др. Большинство делегаций высказывало Ленину свою затаённую мысль о продналоге, об уничтожении продотрядов, продразвёрстки, об установлении определённого процентного отчисления.

14 февраля 1921 г. в Кремле Ленин принял делегацию крестьян Тамбовской губернии из шести человек. Об этом приёме крестьяне-ходоки рассказывают следующее: «Тов. Ленин принял нас в зале один, любезно поздоровался, пожал руки и пригласил сесть и сказал: «Крестьяне-тамбовцы, дорогие товарищи, объясните мне, какое у вас неудовольствие и что такое банда Антонова и что она делает». Крестьянин Бочаров Ивановской волости объяснил: «Банда грабит советские хозяйства и потребиловки и частных граждан, у крестьян отнимают скот, лошадей, сбрую, фураж. А после приходят красные и тоже обижают крестьян». Тов. Ленин записал это на бумаге и просил высказаться ещё. Тов. Бочаров указал, что наложили непосильную продовольственную развёрстку. Тов. Ленин спросил: «А в 1918 и 1919 годах вы без скандала выполняли развёрстку?» Бочаров ответил: «Без скандала. Только в этом году был сильный неурожай и развёрстку выполнить невозможно»... Тов. Ленин... просил нас выбирать в советы самых лучших, добросовестных людей из трудового класса, также обратил наше внимание на беспартийную конференцию, куда, сказал, побольше посылать хороших людей и высказывать... все нужды крестьянства. «А если люди, избранные вами, и власти оказались негодными, то надо их смещать и заменять другими». Иван Кобозев спросил: «А как нам быть с землёй в смысле дележа?» Тов. Ленин ответил: «Распоряжайтесь землёй как вам лучше. Хотите ежегодно делите, хотите — на многие годы». А ещё мы сказали тов. Ленину, как, бывает, сидят в советских имениях лодыри и всё получают: и керосин, и спички, и соль. И он это записал, а после сказал: «Если теперь крестьяне будут обижены властью, сообщайте в губернию, а если губернская власть не примет внимания, то обращайтесь в Москву, в Кремль, ко мне. Можно письменно и лично». И ещё тов. Ленин сказал: «Вы вместе с рабочими проливали кровь за свободу, за свою власть. Держите её крепко в своих руках вместе с рабочими. И тогда увидите, какая будет власть». И товарищ Ленин просил передать всем крестьянам, что принял крестьян, как любезных гостей, и просит всех крестьян крепко держать свою рабоче-крестьянскую власть и выбирать в советы самых честных людей из трудового крестьянства. И кончил так: «Я знаю, как трудно жить крестьянину, когда с них всё берётся и так мало им дают. Я знаю крестьянскую жизнь, люблю их и уважаю. Прошу крестьян немного потерпеть, придти в сознание и идти на помощь своей власти». На этом, — передают крестьяне, — мы простились с тов. Лениным. И теперь, как вернёмся в свои волости, расскажем, что он нам говорил и как надо нам держаться советской власти и помочь общей нашей беде»¹.

Так Ленин в многочисленных беседах и разговорах с крестьянами выяснял важнейшие вопросы политики того времени. Приведённая со слов тамбовских крестьян беседа, безусловно, не воспроизводит полностью её ход и содержание. Крестьяне передают её так, как она осталась в их памяти. Но даже в таком виде эта беседа чрезвычайно знаменательна. В. И. Ленин выясняет два основных вопроса — об отношении крестьян к бандитизму и к продразвёрстке.

Не случаен, конечно, вопрос Ленина: «А в 1918 и 1919 годах вы без скандала выполняли развёрстку?» В этом вопросе, как в зеркале, отражается то главное, над чем так напряжённо работал, что так внимательно изучал Ленин накануне X съезда партий. На имя Ленина от крестьян поступало бесчисленное количество писем с предложениями, советами

¹ «Тамбовские известия» от 26 февраля 1921 года.

и думами: одни — непосредственно в Кремль, другие — в центральные газеты.

Так, крестьяне Панфиловской волости, Грязовецкого уезда, Вологодской губернии, писали: «Шлём привет нашему уважаемому зождю и великому гению товарищу Ленину. В этом письме излагаем нижеследующее: в настоящее время у крестьян нашей волости взято почти всё: хлеб, скот, сено, сырьё. Кустарничество захирело. Крестьянину оставлено продовольствия от 18 до 30 фунтов в месяц... К весеннему севу мы остались почти без семян. Купить их где-либо для нас очень трудно — очень уж дорого. Посевкомы и вся посевная кампания нужны в смысле помощи семенами, организации инвентаря, сельскохозяйственных орудий. И сделать это надо всё во-время. Желательно бы, где возможно, теперь же перейти к многополью. Но вся посевная кампания будет ни к чему, если вместо развёрстки не обложить крестьян податью, только не денежной, а хлебной. Налог надо рассчитывать согласно почвы земли, примерно от 10 до 15 пудов с каждой засеянной десятины в нашем северном крае. Когда крестьянин будет знать свою норму налога и время его сдачи, тогда нам не нужно будет держать в волости десятки продагентов. Мы думаем, что все крестьяне-трудовики будут согласны принять эту систему налога и улучшить своё хозяйство... Ещё обращаем внимание, Владимир Ильич, на недостатки в заготовке дров. Лучше всего, если бы крестьянам давали норму заготовки и назначали срок. А крестьянин заготавливал бы и вывозил, когда ему было бы удобнее всего. Заявляя о необходимости проведения этих мер, просим не считать нас зловерными элементами для советской власти, а, наоборот, желающими плодотворной работы, дабы укрепить свободу за крестьянами и рабочими.

Крестьяне: Александр Соловьёв, Павел Суворов, Николай Исаков, Николай Фрулёв, Алексей Соколов, Михайло Викторов, Захар Жуков, Кузьма Жуков, Алексей Фрулёв, Яков Соколов, Яков Исаков, Андрей Кузнецов, Василий Суворов, Иван Ершов, Алексей Ершов, Павел Соколов»¹.

Это письмо, написанное накануне X съезда партии, является, пожалуй, наиболее типичным. Крестьяне во многих случаях, как указывал В. И. Ленин, сами выставляли требование о замене развёрстки налогом. Перед началом весеннего сева крестьяне хотели знать «свою норму налога и время его сдачи». Установление налога — основное пожелание крестьян; оно проходит красной нитью через все их письма.

9 марта 1921 г. газета «Беднота» поместила первые отзывы крестьян о налоге: письмо сибирского крестьянина Осипа Чернова и письмо фронтовика-коммуниста В. Кушелёва. Осип Чернов, бывший в феврале 1921 г. в Москве у В. И. Ленина и высказавший ему свои думы о тяжести продразвёрстки для крестьянства Сибири, в письме «Я за налог» писал: «Многие винят продагентов, говоря, что это они возмущают деревню своими действиями. Так ли это? Всегда ли виноват стрелочник во всех крушениях железнодорожных? Нет. Я скажу, что виновата сама система. То-есть при развёрстке иначе и быть не могло. Попробуем разобраться. Вот на нашу деревню наложили 8 тыс. пудов разного хлеба. Как мы, каждый в отдельности, думаем? А вот как. Когда мне скажут, сколько у меня излишков и сколько на меня наложат, тогда пускай приезжает комиссия и разбирается, как хочет. Так думаю я, и мой сосед, и все исполкомы, те тоже формально относятся к делу. Время пока идёт, остатки я свои уничтожаю, больше в свою пользу. Комиссии сверху всё ещё нет, а хлеба на свои нужды, на скот, на обмен уплыло порядочно. Ну вот начинаются разные боевые приказы. Дождались мы комиссии сверху. А когда комиссия пришла, то у меня взять стало хитро.

¹ «Беднота» от 5 апреля 1921 года.

Я вижу, что голодный могу остаться. Комиссия в лице агентов меня должна принуждать или, вернее, взять у меня с боем. А всякий бой озлобляет людей, и тогда понятны все эксцессы. При развёрстке мы имеем коллективное противодействие ей. Коллектив этот не есть сговор, но он получается в силу того, что мы все как бы друг за дружку прячемся. Другое дело получается при налоге. Тогда я, Иван Петров, буду знать. Вот с меня по засеву приходится 100 пудов. И как я только начал молотить, мне могут сказать: Вы, Иван Петров, везите хоть 10 пудов пока, остальное потом, когда спросим. В этом случае у Ивана Петрова нет предлога увернуться, ни за других спрятаться, и он отвезёт. А раз отвёз Петров, то и Кузнецов подумает так: не оставаться мне перед властью одному, и я свезу. Если бы с осени был налог, а не развёрстка, то из Сибири можно было бы хлеб вывозить самой ранней осенью, и не получилось бы такой остроты ни между крестьянами и агентами, ни того ужасного положения в Европейской России. Учтите ещё экономию зря изведённого хлеба, погноённого на складах. Всё те же последствия мы видим и с мясной развёрсткой, и обратные последствия получаются при налоговой системе. Не надо будет винить стрелочника.

Сибирский крестьянин Осип Чернов».

О необходимости поощрения старательного крестьянина путём замены продразвёрстки и обложения крестьян налогом в зависимости от количества земли рассказывает в своём письме и В. Кушелёв: «Нам надо поощрять старательного крестьянина... Как это сделать? А вот как. Не делать развёрстку по усмотрению волсовета, а зачастую даже отряда, а обложить крестьян натуральной податью по количеству земли. Посмотрим, что из этого выйдет. Предположим, что крестьянин имеет 5 десятин удобной земли. Сейчас он пашет не более трёх, по десятине на поле. С него по развёрстке можно взять не более 5 пудов жита. Обложите налогом каждую десятину. Ну хоть по 2 пуда жита. Тогда увидите, что на будущий год он снова распашет ещё полдесятины неудобной земли и даст вам уже 11 пудов. В то же время он не будет так жаловаться на развёрстку, ибо будет знать, что к весне у него обязательно останутся семена. И сам он не будет голодать, и скоту в пойло подсыпать мучицы найдётся, и избу как-нибудь починить... Теперь о мясе. Сейчас крестьянин держит одну корову, потому что если у него заведётся вторая, то её возьмут в развёрстку. Попробуем ему сказать, что развёрсток не будет и что с него просто полагается налог, пример: 1 пуд говядины. Что из этого будет? А вот что. Через год у него будет корова, телка, через два — две коровы (второго телёнка он отдаст в виде налога за два года)... Вы с него сможете спросить тогда и масло... Вот простые мужицкие соображения»¹.

Живое общение с крестьянами и поток писем из различных районов страны помогли В. И. Ленину найти новые формы отношения пролетарского государства к многомиллионным массам крестьянства. 8 февраля 1921 г. Ленин составил знаменитый «Предварительный, черновой набросок тезисов насчёт крестьян», в котором формулировались конкретные задачи партии в связи с переходом к новой экономической политике. Это был первый ленинский документ, в котором определялась новая форма связи рабочего класса с крестьянством, сущность перехода от системы военного коммунизма к новой экономической политике. Черновой набросок состоит всего из четырёх пунктов: «1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене развёрстки (в смысле отображения) изъятия излишков) хлебным налогом. 2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней развёрсткой. 3. Одобрить принцип сообра-

¹ «Беднота» от 9 марта 1921 года.

зования размера налога с (размерами) старательностью (хозяйин) земледельца в смысле понижения процента налога при повышении старательности земледельца. 4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного (завершен выполнения) внесения налога»¹.

Ленинские тезисы легли в основу всей подготовительной работы партии к X съезду РКП(б).

8 февраля 1921 г. на заседании Политбюро ЦК обсуждался доклад «О посевной кампании и положении крестьянства». Политбюро ЦК создало специальную комиссию, в основу работы которой были положены ленинские тезисы. Комиссии было поручено всесторонне изучить крестьянский вопрос и подготовить проект постановления ЦК о замене развёрстки продналогом. 24 февраля этот вопрос снова обсуждался на пленуме ЦК. Пленум ЦК рассмотрел и принял за основу «Проект постановления ЦК о замене развёрстки натуральным налогом», составленный комиссией Политбюро 8 февраля. В проекте указывалось, что для укрепления крестьянского хозяйства, увеличения посева и поднятия производительности сельского хозяйства развёрстка как способ государственных заготовок продовольствия заменяется натуральным налогом; что норма налога должна быть известна населению до начала весенних полевых работ и что налог взимается в каждом крестьянском хозяйстве в виде процентного отчисления с засеянной площади, с учётом урожайности, количества трудоспособных членов хозяйства и фактического наличия скота. Проект отмечал прогрессивный характер налога: «Размер налога должен также сообразоваться со старательностью земледельца»². Общая сумма налога на 1921 г. устанавливалась в 350 млн. пудов зерна. Срок сдачи — 1 декабря 1921 года. В проекте также говорилось о праве крестьян распоряжаться своими излишками по выполнению продналога, о создании при Наркомпродом специального фонда предметов хозяйственного инвентаря, оборудования и предметов широкого потребления для обмена на продовольствие, сдаваемое крестьянами добровольно после выполнения ими налога. Проектом предусматривались заготовка хлеба на 1921 г., путём товарообмена сверх налога, 30 млн. пудов и расширение посевной площади по стране на 1 млн. десятин. В проекте также говорилось: «НКПРОДУ, ЦСУ, НКЗЕМУ даётся поручение немедленно установить конкретные цифры, подлежащие внесению в текст декрета (общая сумма налога, средний процент отчисления и т. п.)»³.

3 марта проект, переработанный комиссией, был передан Ленину. В этот же день Владимир Ильич просмотрел его и внёс свои поправки. Он указал на необходимость опубликовать закон до начала посевной кампании, уточнил порядок организации контроля за выполнением налога (по группам плательщиков) и поставил вопрос о выработке способов контроля «за тем, чтобы обмен не мог вырождаться в спекуляцию»⁴. 7 марта на пленуме ЦК была создана новая комиссия, под председательством Ленина, для окончательной разработки решения о замене развёрстки продналогом. Этот окончательный проект X съезд партии 15 марта 1921 г. принял без всяких поправок.

Тщательная подготовка решения о замене развёрстки продналогом показывает, как партия и правительство внимательно и осторожно подходили к выработке и осуществлению важнейшего исторического решения.

Установление продналога X съездом партии было первым шагом новой экономической политики. Партия начала осуществление дела с подъёма производительных сил сельского хозяйства, ибо развитие народ-

¹ Ленинский сборник XX, стр. 57—58.

² Там же, стр. 59.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 60.

ного хозяйства в первый период нэпа «упиралось в сельское хозяйство» (С т а л и н). Промышленность была настолько разорена, что восстановить сразу её было невозможно: не было необходимых запасов хлеба, топлива, машин. «Итак: в первую голову, — говорил Ленин, — нужны немедленные и серьёзные меры для поднятия производительных сил крестьянства»¹. Такой мерой был продналог.

Продналог создавал у крестьян личную заинтересованность в повышении производительности труда, в подъёме сельского хозяйства. Налог исчислялся с учётом в каждом крестьянском хозяйстве урожайности, количества пашни, количества едоков. Сумма налога, по решению X съезда партии, была меньше продрозвёрстки и объявлялась до начала весеннего сева. Устанавливался определённый срок сдачи налога.

На основе продналога развивался товарооборот, создавались прочные экономические связи между городом и деревней. Всё это положило начало новым взаимоотношениям между пролетариатом и крестьянством.

Решение о замене продрозвёрстки продналогом было важнейшим делом X съезда партии. «В этом повороте от военного коммунизма к нэпу сказались вся мудрость и дальновидность ленинской политики»².

Довести до каждого крестьянина новый закон о продналоге, добиться укрепления связей партии с массами — таковы были первоочередные задачи советских и партийных организаций, поставленные X съездом партии и позднее Всероссийской конференцией РКП(б) 1921 года. Ленин особенно заботился о том, чтобы решение X съезда о замене продовольственной розвёрстки продналогом как можно быстрее прошло через законодательные органы и до начала весенней посевной кампании было доведено до крестьянства. На следующий день после принятия решения X съездом партии, 16 марта 1921 г., Президиум ВЦИК принял постановление о замене розвёрстки натуральным налогом и одновременно поручил специальной комиссии к 20 марта разработать основные положения этого закона. Срочно была созвана 2-я сессия ВЦИК, на которой 20 марта был принят закон о замене продовольственной сырьевой розвёрстки натуральным налогом. Совнаркому было поручено в месячный срок в развитие данного закона издать подробные декреты, устанавливающие норму налога, порядок исчисления налога и другие мероприятия в полном соответствии с законом о продналоге.

2-я сессия ВЦИК обратилась с воззванием к крестьянству РСФСР, в котором призывала трудящиеся массы деревни к дружной работе в весеннюю посевную кампанию, к проявлению максимума организованности, инициативы и твёрдости в преодолении трудностей при проведении сева. «Приближается время весеннего сева, — говорилось в воззвании, — ВЦИК и Совнарком призывают земледельцев России напрячь все силы к тому, чтобы ни одна десятина пашни не осталась незасеянной. Каждый крестьянин должен теперь знать и твёрдо помнить, что чем больше он земли засеял, тем больше будет тот излишек хлеба, который останется в его полном распоряжении, но пусть так же твёрдо помнит вся рабоче-крестьянская Россия, что советская власть имеет теперь возможность облегчить тяготы землепашцев только потому, что героическая Красная Армия разогнала врагов трудящегося народа и доказала всему миру незыблемость рабоче-крестьянского государства»³.

В марте 1921 г. Президиум ВЦИК образовал специальную комиссию для разработки законов, относящихся к введению натурального налога. Коллегия Наркомпрода создала комиссию для выработки организационного плана проведения налога, создания заготовительного аппарата,

¹ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 331.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 244.

³ Сессия ВЦИК 8-го созыва. Приложения, стр. 15. Гиз, 1921.

определения его функций и методов работы. 21 марта 1921 г. ВЦИК издал декрет о замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом, и в этот же день Президиум ВЦИК принял постановление об обеспечении за крестьянским населением правильного и постоянного пользования землёй.

28 марта 1921 г. Совнарком издал декрет, устанавливавший размер продовольственного натурального налога на 1921—1922 г. в сумме не свыше 240 млн. пудов, не считая Украины и Туркестана, вместо 423 млн. пудов зерновых продуктов развёрстки 1920—1921 года. Этим же декретом разрешался свободный обмен, продажа и покупка хлебных и зернофуражных продуктов в 44 губерниях, включая Татарскую, Чувашскую и Башкирскую республики, закончивших развёрстку. Им разрешалось свободное гужевое передвижение хлебных и зернофуражных продуктов — картофеля и сена, — снимались все заградительные отряды как на гужевых путях, так и на железнодорожных и водных путях сообщения.

7 апреля 1921 г. Совнарком издал декрет о потребительской кооперации, отменявший все ограничения и предоставлявший кооперациям право заготавливать всякого рода продукты сельского хозяйства¹. 29 апреля по распоряжению Наркомюста были прекращены все судебные дела, связанные с нарушением продовольственной развёрстки. В апреле—мае 1921 г. Совнарком издал декреты, введившие натуральные налоги на основные продукты сельскохозяйственного производства: хлеб, картофель, масличные семена, молочные продукты, яйца. 10 мая Совнарком издал декрет о натуральном налоге на шерсть, льняное и пеньковое волокно, 11 мая — на табак, 17 мая — на сено, 31 мая — на продукты огородничества и бахчеводства, 9 августа — на кожевенное сырьё; 15 сентября ВЦИК и Совнарком издали декрет о натуральном налоге на домашнюю птицу; декретом Совнаркома от 27 октября был введён налог на пушнину. Все эти декреты ВЦИК и Совнаркома были первым практическим шагом советской власти в решении задач, поставленных X съездом партии в области изменения продовольственной политики.

Постановление 2-й сессии ВЦИК о замене продразвёрстки продналогом и декреты Совнаркома были переданы на места по телеграфу и по радио и опубликованы местной печатью. Как в центре, так и на местах массовым тиражом издавались листовки о продналоге, воззвания 2-й сессии ВЦИК, обращение Совета народных комиссаров, постановление ВЦИК о замене развёрстки налогом, декреты Совнаркома о продналоге, кооперации, товарообмене; выпускались плакаты о продналоге, издавались брошюры, книги и т. д. В разъяснении декрета о продналоге, сущности новой экономической политики большую роль сыграла ленинская брошюра «О продовольственном налоге». Большую роль также сыграли: брошюра М. И. Калинина «О продналоге», тезисы ЦК РКП(б) о продналоге и др.

Всё внимание партии было обращено на вопросы практического осуществления решений X съезда партии и в первую очередь на разъяснение и проведение продналога в деревне.

Вскоре после X съезда партии Центральный Комитет создал институт ответственных инструкторов ЦК, прикрепил каждого из них к отдельным районам страны (страна была разбита на 11 районов) для руководства и практической помощи местным организациям в выполнении решений X съезда². Одновременно по решению ВЦИК были посланы на места чрезвычайные уполномоченные ВЦИК для организации и проведения продовольственно-налоговой кампании, для всесторонней помощи в налаживании на местах советской работы. По решению ЦК местные партийные организации проводили мобилизации лучших коммунистов для

¹ СУ. 1921 г. № 26, стр. 149 и 150.

² «Известия ЦК РКП(б)» № 31 за 1921 г., стр. 4.

разъяснения декретов о продналоге. Например Московский комитет партии для разъяснения решений X съезда в уездах Московской губернии на 27 и 28 марта мобилизовал 56 человек¹. Позднее, по решению ЦК партии от 2 июня 1921 г., московская организация послала в ряд губерний 350 человек для разъяснения решений съезда и усиления партийной и советской работы. ЦК провёл несколько мобилизаций коммунистов на советскую и партийную работу в деревню. Эти мобилизации приравнивались к мобилизациям на фронт. Для проведения продналога Центральный Комитет мобилизовал около 800 человек (по август 1921 г. включительно). ЦК провёл ряд мобилизаций специально для укрепления работы отдельных губерний. Так, с 1 мая по 1 июня 1921 г. для оказания помощи тамбовской организации в борьбе с бандитизмом ЦК мобилизовал 249 чел., для Саратова — 179 чел., для Тюмени — 43 человека². Для проведения продналога на Украине за июнь — август 1921 г. ЦК послал 489 человек. Вместе с этим Центральный Комитет и Совнарком укрепляли аппараты Наркомзема и Наркомпрода лучшими партийными работниками. Вся работа по выборам в советы в 1921 г. проводилась для оживления политической и хозяйственной работы в деревне в соответствии с историческим поворотом, который сделала партия на X съезде.

Для разъяснения декрета о продналоге, проведения крестьянских сходов и собраний местные партийные организации послали в сёла и деревни тысячи агитаторов и пропагандистов, проводивших повсеместно митинги и собрания.

В Архангельске по решению губкома РКП(б) брошюра Ленина «О продовольственном налоге» была переиздана в количестве 400 тыс. экз., при этом пример исключительной революционной сознательности показали печатники. «Происходящая сейчас в Архангельске конференция печатников, — сообщали 24 мая «Известия», — заслушав сообщение о продналоге и о решении Архангельского губкома РКП(б) отпечатать срочно брошюру т. Ленина «О продовольственном налоге» 400 тыс. экз., постановила: «Послать приветствие непоколебимому, стойкому борцу за пролетарское дело т. Ленину, прервать работу конференции и немедленно набрать и отпечатать брошюру»³. Постановление конференции было выполнено в ту же ночь.

Партия уделяла большое внимание вопросам агитации и пропаганды нового курса. Центральный Комитет партии после X съезда не раз проверял состояние агитационно-пропагандистской работы среди крестьян. Насколько большое значение придавала партия этой работе, видно из того, что для руководства отделом агитации и пропаганды ЦК назначил товарища Сталина.

В отчёте ЦК за сентябрь 1921 г. говорилось: «Придавая большое значение дальнейшему развёртыванию работы отдела и для руководства отделом агитации и пропаганды, ЦК назначил т. Сталина»⁴.

Документы, изданные ЦК за период с 15 марта по 1 мая 1921 г., показывают, как внимательно, изо дня в день ЦК направлял работу местных организаций, какое значение он придавал правильному разъяснению широким рабоче-крестьянским массам декрета о продналоге. Прежде всего всем губкомам РКП(б) и политотделам был разослан следующий документ: «Приступив к разработке кампании в связи с особой важностью вопроса, ЦК предлагает срочно, в сжатой форме, по телеграфу ответить на нижеследующее: 1) каково отношение населения к продналогу; 2) перечислить вопросы, возникающие при агитации за налог и требующие разъяснения центра путём освещения в печати; 3) указать пре-

¹ «Известия» (Москва) от 23 марта 1921 года.

² «Известия ЦК РКП(б)» № 32 за 1921 г., стр. 5.

³ «Известия» от 24 мая 1921 года.

⁴ «Известия ЦК РКП(б)» № 35 за 1921 г., стр. 4.

пятствия, которые встречаются при проведении налога. Секретарь ЦК РКП(б) Ярославский»¹.

В письме губкомам и областкомам РКП(б), подписанном секретарём ЦК РКП(б) тов. Молотовым, указывалось: «Партии чрезвычайно важно учесть отношение населения и в первую очередь различных слоёв крестьянства к последним мероприятиям советской власти (декреты о продналоге, кооперации и пр.). Однако поступающие об этом в ЦК сведения слишком неясны и несистематичны. Губкомы до сих пор не ответили на телеграфный запрос ЦК об отношении к продналогу. Считая чрезвычайно вредным для дела отсутствие живого обмена мнений по таким вопросам между местами и партийным центром, ЦК предлагает губкомам возможно быстрее устранить этот недостаток. Необходимо собрать сведения из уездов (по отдельным волостям) о том, как понят новый продовольственный курс различными слоями крестьян и рабочих (если неправильно, то как именно понимается), наблюдается ли изменение политических настроений, имеет ли место повышение хозяйственного интереса у крестьян и в чём оно выражается (расширение посевов и т. д.), изменяется ли в связи с изданием последних декретов отношение к коммунистам и советской власти. Выводы обязательно подтверждать фактами, которые нужно тщательно собирать. Нужно поставить систематическое наблюдение и учёт этих настроений укомрами и сельячейками. Требуемые сведения сообщить в докладах и специальными письмами возможно подробнее и обстоятельнее, подкрепляя все заключения достаточным количеством проверенных фактов. Выдающиеся факты и краткое содержание по этим вопросам передавайте по телеграфу»².

И наконец, приведём ещё одно решение, изданное в начале мая 1921 г., в связи с проведением кампании по продналогу: «Всем губкомам. ЦК РКП(б) постановил: 1. Кампанию по всестороннему разъяснению крестьянским и рабочим массам продналога считать важнейшей для настоящего момента. 2. Всем губкомам немедленно же дать точные сжатые отчёты, что ими сделано в этом направлении, прислав в ЦК исчерпывающие материалы, отметив все возникшие на местах, в связи с проведением продналога, новые, неразрешённые вопросы. Давать сводки еженедельно. 3. Прислать свои практические предложения. 4. Признать совершенно недопустимым отсутствие быстрой связи, выразившейся в том, что на срочный запрос ЦК, разосланный по радио и опубликованный в «Правде», по вопросу о продналоге, отозвались только несколько комитетов. 5. Возложить ответственность на секретарей губкомов за исполнение настоящего постановления. Секретарь ЦК Молотов»³.

Не было ни одного заседания ЦК, на котором бы не ставились вопросы основ новой экономической политики. «ЦК партии должен был в вопросе о продналоге конкретно подойти к тем заданиям, которые ставила советская власть перед органами Наркомпрода. Выяснение способов сбора натурпродналога, установление количества этого налога, соотношения между налогом и товарообменным продовольственным фондом, установление принципов сбора налога — всё это прошло через внимательное обсуждение ряда заседаний ЦК»⁴.

Для разъяснения закона о продналоге и других декретов партия мобилизовала центральную и местную печать. ЦК систематически проверял работу местных газет, направляя её посредством инструктивных писем. О стиле такого конкретного руководства можно судить по письму на имя Тамбовского губкома РКП(б) о работе газеты «Тамбовский пахарь». В письме говорилось: «...Точно так же не отражено в газете и настроение местного крестьянства в связи с декретом о продналоге и по-

¹ «Известия ЦК РКП(б)» № 31 за 1921 г., стр. 11.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Из отчёта ЦК РКП(б) за период с 15 марта по 1 мая 1921 года.

севной кампании. Жизни деревни в газете нет. Помещённые заметки из деревенской жизни носят протокольный характер. Они сухи и безжизненны. Давать надо свежий, живой материал, рисующий действительный деревенский быт и работу в деревне со всеми положительными и отрицательными её сторонами... Основной недостаток газеты — это сухость, общая официальность материала. И форму и язык статей необходимо оживить, без чего газета не может быть популярной и массовой»¹.

ЦК партии учил местные организации ценить каждый экземпляр газеты, каждую брошюру, книгу, обращал внимание на то, чтобы газеты, брошюры, книги были прочитаны как можно большим числом читателей, и даже касался таких «мелочей», как расклейка агитационной литературы, выбор места, прочность клея и т. д. Это было время, в буквальном смысле слова, борьбы за каждый экземпляр газеты, за каждую брошюру. Крупным шрифтом на первых полосах центральных и местных газет писалось: «Берегите газеты: у нас их мало».

Особо следует выделить роль беспартийных крестьянских конференций. Ещё в письме от 2 февраля 1921 г. ЦК РКП(б) писал: «Наилучшей формой агитации за проведение посевной кампании следует считать беспартийные конференции крестьян»². Однако созыв и проведение крестьянских конференций были связаны с большими трудностями, если иметь в виду условия и состояние партийной и советской работы в то время. Вокруг созыва крестьянских конференций и особенно на самых конференциях происходили горячие схватки нашей партии с эсерами и меньшевиками. «Опыт беспартийных конференций доказал, что они становятся ареной для агитации и организации социал-революционеров и меньшевиков. Обе эти партии выработали специальные директивы об использовании беспартийных конференций для контрреволюционных эсеров-меньшевицких целей»³.

Поэтому, признавая беспартийные конференции необходимой и лучшей массовой формой агитации, ЦК партии в специальном письме на имя губкомов предупреждал о необходимости серьёзной и тщательной их подготовки и обязывал местные организации сообщать о каждой проведённой беспартийной конференции.

В. И. Ленин придавал большое значение беспартийным крестьянским конференциям, особенно после окончания X съезда партии. В плане брошюры «О продовольственном налоге» Ленин выделил специальный раздел, посвящённый значению беспартийных конференций⁴.

20 апреля 1921 г., по инициативе Ленина, Наркомзем созвал совещание беспартийных крестьян. В крестьянской конференции в Москве приняли участие представители Смоленской, Витебской, Псковской, Тульской, Воронежской, Тамбовской, Уфимской и Оренбургской губерний. Обсуждались два вопроса: о посевной кампании и о продналоге. По докладу о продналоге крестьяне высказали ряд предложений по практическому проведению продналога. Все делегаты единодушно отмечали целесообразность и большую пользу введения продналога. Делегаты-крестьяне получили специальное задание от Наркомзема. Каждый из них по возвращении работал при земотделе и посевке и докладывал о ходе работы на местах. По предложению Ленина, два делегата были оставлены для непосредственного участия в работе Наркомзема⁵.

В первой половине 1921 г. крестьянские конференции прошли по всей стране: в губернских городах, уездах, волостях и сёлах. 16 марта 1921 г. закончила работу тамбовская губернская конференция крестьян; 20 марта открылась иркутская губернская беспартийная конференция рабочих, кре-

¹ «Вестник агитации и пропаганды» № 14—15 за 1921 г., стр. 57.

² «Известия ЦК РКП(б)» № 30 за 1921 г., стр. 8.

³ «Вестник агитации и пропаганды» № 11—12 за 1921 г., стр. 1.

⁴ См. Ленинский сборник IV, стр. 372, 375.

⁵ «Известия» от 26 апреля 1921 года.

стьян и красноармейцев; 30 марта открылась уфимская губернская крестьянская конференция; 19 апреля в Чебоксарах закончилась первая областная крестьянская конференция Чувашии; 9 мая состоялась широкая рабоче-крестьянская конференция в Воронеже. В начале апреля по всем районам Москвы были проведены беспартийные рабоче-крестьянские конференции; на отдельных конференциях число присутствовавших доходило до 2500, из них большой процент составляли крестьяне близлежащих сёл и деревень.

О ходе крестьянских конференций и характере развёртывавшейся борьбы на них в первый период ярко рассказал М. И. Калинин в своём докладе на XII съезде партии (1923 г.). Он вспоминал о крестьянской конференции весной 1921 г. в Иваново-Вознесенске: «Там было много эсеров и меньшевиков. Бой начался с первого момента. И вот во время заключительного слова я получил одну из ядовитейших записок, которая гласила: «А что дороже для советской власти — рабочий или крестьянин? И кто больше сделал для революции — рабочий или крестьянин?» Когда я огласил эту записку, разразилась буря аплодисментов и ядовитого смеха. Все думали: «А ну-ка, как Калинин выкрутится из этого положения?» Вопрос был неожиданный, и я тогда ответил: «А что для человека дороже: правая или левая нога? Я говорю, что в нашей революции сказать, что дороже рабочий, а дешевле крестьянин, это всё равно, что отрубить у революции, как у человека, левую или правую ногу». Так я ответил на записку. После этого раздался гром аплодисментов, и в конечном счёте крестьяне удовлетворились тем, что советская власть признаёт значение крестьянина. После целого дня боя, в конце заседания, уже в 12 часов ночи, поднимается один из крестьян и заявляет: «От имени крестьян я имею претензию к председателю ВЦИК, к Калинину. Вчера Калинин был на рабочем собрании и приветствовал рабочих, а сегодня Калинин, когда начал свою речь, не начал с приветствия крестьянам. Вот здесь мы видим разницу отношений». Я ответил: «Когда я выступал перед рабочими, перед моею речью выступил рабочий с приветствием мне, как председателю ВЦИК, а здесь крестьяне, вместо того чтобы приветствовать, чуть не забаллотировали председателя Иваново-вознесенского совета в президиум конференции». Прошло 5—10 минут, вдруг выступает представитель от крестьян с приветствием председателю ВЦИК. Я после этого, разумеется, тоже выступил с приветствием крестьянам»¹.

Этот факт показывает, что основным вопросом на конференциях было отношение между рабочими и крестьянами; крестьяне хотели получить ясные ответы на вопросы, интересовавшие их в то время, хотели знать существо политики партии и советской власти по отношению к деревне.

Смысл боя, о котором говорил М. И. Калинин, заключался в том, что на этих конференциях меньшевики и эсеры, все враги советской власти стремились вбить клин между рабочим классом и крестьянством, противопоставить советскую власть как рабочую крестьянству, разжечь вражду между рабочим классом и крестьянством. Все эти попытки были биты, ибо советская власть своей политикой наглядно показала крестьянству, что она является рабоче-крестьянской властью, что только пролетариат — единственный руководитель крестьян в борьбе за социализм.

В кратчайший срок (апрель—май) партия и правительство проделали огромную законодательную, организационную и практическую работу по проведению продналога в жизнь. Все основные декреты, определявшие новый курс экономической политики, изданные в марте—мае и позже, не раз обсуждались в ЦК, СНК, СТО и ВЦИК, каждый декрет Ленин

¹ Калинин М. Статьи и речи 1919—1935, стр. 97—98. Партиздат. 1936.

тщательно подготавливал, редактировал, и только после серьезнейшего изучения и подготовки он опубликовывался.

С конца марта 1921 г. Ленин приступил к работе над статьёй «О продовольственном налоге», а 21 апреля она была уже закончена. Впервые ленинская работа «О продовольственном налоге» была издана отдельной брошюрой редакцией журнала «Красная новь» тиражом в 100 тыс. экз. Брошюра эта явилась настольной книгой для каждого члена партии. В ней Ленин с исключительной простотой и ясностью обосновывает значение новой экономической политики и условия её проведения. В 1921 г. среди широких слоёв партийных работников не было более популярной книги, чем ленинская брошюра «О продовольственном налоге», переиздававшаяся много раз местными партийными и советскими организациями.

В это же время, с 18 апреля 1921 г., Ленин работал над наказом Совета труда и обороны, которому он придавал большое значение.

В соответствии с переходом к новой экономической политике партия и правительство перестраивали центральный и низовой советский аппарат. Перед промышленностью, транспортом, наркоматами внешней торговли, финансов, земледелия и др. в связи с проведением новой экономической политики были поставлены новые задачи. Сдача советской властью отдельных предприятий в аренду, разрешение концессий, организация кооперации в деревне и т. д. — все эти вопросы требовали практического разрешения.

Вот почему Ленин в это время исключительное внимание уделяет организационной перестройке центрального и местного аппарата, требуя быстрого поворота к новым задачам экономической политики. На протяжении более двух месяцев день за днём Ленин работал над подготовкой практического проведения начал новой экономической политики¹. Знаменитый ленинский «Наказ от ЦТО (Совета Труда и Оборон) местным советским учреждениям» был важнейшим документом, который определил практические задачи партийных, советских и хозяйственных организаций по проведению новой экономической политики и помог понять смысл перехода от военного коммунизма к новой экономической политике. Наказ давал основные практические установки по всем важнейшим вопросам жизни страны, охватывал решающие отрасли работы.

«Совет Труда и Оборон...—говорилось в наказе,—обращается ко всем местным учреждениям с настоятельным требованием напрячь все силы и развернуть во что бы то ни стало широкую деятельность по всестороннему улучшению крестьянского хозяйства и подъёму промышленности, строго выполняя новые законы»².

В мае, в связи с экстренным созывом всероссийской партийной конференции, Ленин работает над подготовкой и проведением конференции. В июне Ленин, ЦК партии подготавливает наказ Совнаркома о проведении в жизнь начал новой экономической политики, утверждённый 9 августа 1921 года.

Один из первых откликов на решение X съезда РКП(б) о замене продразвёрстки продналогом прозвучал на тамбовской губернской беспартийной конференции крестьян, происходившей в дни работы X съезда партии. Когда на конференции было сделано сообщение о докладе Ленина на X съезде партии о продовольственном налоге, крестьяне-делегаты сёл, волостей вначале беспокоились, как бы не получилось, как при развёрстке, сетовали на большую разруху, на отсутствие достаточного количества лошадей и т. д. После разъяснения, что продналог будет меньше развёрстки, что излишками крестьянин может распоряжаться по своему усмотрению и это гарантируется законом, губернская конференция 16 марта

¹ См. Ленинский сборник XX, стр. 79—93.

² Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 365.

приняла следующую резолюцию: «Мы приветствуем заявление товарища Ленина о необходимости дать простор крестьянину-единоличнику и перейти от государственной развёрстки к натуральному налогу, при котором каждый крестьянин будет заранее знать, сколько должен будет отдать государственных налогов»¹.

Волнующие строки написали крестьяне Тульской губернии в статье «Мы удовлетворены»: «Мы, крестьяне Урусовской волости, Венёвского уезда, Тульской губернии, обсудили между собой настоящее положение, решили написать все наши мысли на чистоту в нашу крестьянскую газету «Беднота». В Октябрьскую революцию мы все как один встали на сторону большевиков, потому что эта революция дала нам землю и с ней кончилась затеянная буржуями война. Но потом, когда стала проводиться продовольственная развёрстка, дело пошло круче и многим из нас стали такие порядки не по душе. Некоторые совсем откачнулись и стали ругать советскую власть. Особенно не понравились нам продотряды... Каково же было наше удивление и радость, когда мы только что прочитали о намерении центральной власти объявить замену развёрстки налогом. Нет слов передать наше удовлетворение. Наконец-то центральная власть верно поняла наше стремление и нужды. Пусть только поскорее будет издан настоящий закон о замене развёрстки налогом, и пусть этот закон распространят по всем деревням. У нас все стоит за налог, и нет ни одного, кто был бы против. Крестьяне говорят, что они готовы заплатить налогом даже больше, лишь бы внести определённую ясность в отношения наши с государством. Уже теперь все вздохнули свободно. В деревне будто постом наступила паша. Голосов против советской власти уже не слышно. Все заботы только об одном, как бы улучшить своё хозяйство, и, узнавши наверняка о налоговом законе, посеять побольше, чтобы быть и излишкам. В деревне теперь одна дружная семья. Крестьяне Трофим Ревякин, Брыков, Е. Копылов»².

В бесчисленных резолюциях, принятых на местных съездах, беспартийных крестьянских конференциях, сходах, митингах, в телеграммах на имя Ленина и правительства выражалось удовлетворение многомиллионных крестьянских масс мудрой ленинской политикой, направленной на оказание всемерной поддержки крестьянства для подъёма производительных сил деревни.

С переходом к новой экономической политике, с введением продналога всё внимание крестьянства переключилось на хозяйственные задачи, на подготовку к севу. 15—16 апреля 1921 г. в селе Шаталино, Алтайской губернии, состоялась районная конференция крестьян 12 волостей. По докладу о продналоге крестьяне приняли следующее постановление: «Мы, крестьяне-землеробы, ещё лишний раз убеждаемся, что советская власть, руководимая РКП(б), является не на словах, а на деле, единственной защитницей всех трудящихся. Отдавая себе ясный отчёт о тех условиях, которые диктовали советской власти необходимость проведения развёрстки как метода государственных заготовок, мы признаём, что жертва, принесённая в защиту социалистической революции, была мерой, плоды которой сказываются в растущей мощи нашего трудового государства. Приветствуя закон о продналоге, конференция признаёт необходимым... напрячь все трудовые силы деревни для того, чтобы не только площадь, данная к засеvu государством, но и малейший клочок свободной земли был использован под засеvu»³.

Продналог вызвал производственный подъём среди крестьянства. Не было собрания, на котором при обсуждении декрета о продналоге кре-

¹ «Тамбовский пахарь» от 21 марта 1921 года.

² «Беднота» от 23 марта 1921 года.

³ «Красный Алтай» (Барнаул) от 25 мая 1921 года.

стьяне не признавали бы необходимым, в интересах и государства и самого крестьянства, засеять всю посевную площадь.

В июне 1921 г. на алтайской беспартийной конференции крестьян с представителями части Барнаульского, Змеиногорского и Каменского уездов по докладу о продналоге было принято решение: «Мы признаём, что замена развёрстки продналогом была желанием нас всех. Мы признаём, что введение продналога даёт возможность при личной ответственности каждому из нас показать нашим Советам, Красной Армии и голодающему центру истинное стремление к поддержке его продуктами нашей деревни. Мы рады, что введение продналога и персональная ответственность даёт нам возможность выявить шкурников и противников трудового народа, укрывающихся в общей массе от помощи голодающим нашим братьям и не желающих исполнять декретов трудового народа. Мы заявляем, как один, что продналог должен быть собран, как один пуд, без всяких шкурных оговорок, и призываем крестьян всей Сибири быть сознательными, отречься от злостного собственничества и последовать нашему примеру... Мы приветствуем защитницу наших интересов — РКП(б), которая учла тяжесть для крестьян развёрстки и вынесла на X съезде партии замену таковой продналогом»¹.

10 апреля 1921 г. «Известия» привели краткую, почти оперативного характера, сводку об отношении крестьян к продналогу. В Пятигорском районе крестьяне и казаки приветствовали декрет о продналоге. В Вяземском и Дорогобужском уездах, Смоленской губернии, крестьяне на митингах приветствовали замену развёрстки продналогом. В Самарской губернии декреты о продналоге и свободном обмене везде ещё не были обнародованы, но там, где они уже были опубликованы, крестьяне встречали их восторженно. Крестьяне Архангельской губернии сочувственно отнеслись к декретам о продналоге и о свободном обмене. В Нижегородской губернии как крестьяне, так и рабочие к декрету о продналоге и свободном обмене отнеслись очень хорошо. В Пензенской губернии декрет о продналоге крестьяне встретили весьма сочувственно. В Донской области население, особенно земледельческое, встретило с воодушевлением декрет о натуральном налоге как справедливую меру советской власти. В Терской области введение натурналога и расширение свободного обмена произвели хорошее впечатление как на казаков, так и на рабочих.

27 апреля «Правда» сообщала: «Владимир. 26 апреля. По всему уезду прошли волостные беспартийные конференции. Крестьянство определённо выражает свои симпатии к последним мероприятиям советской власти и твёрдо решило побороть все трудности в сельскохозяйственной кампании».

Уже в первых откликах о налоге крестьяне высказывают своё желание увеличить посевную площадь. Стремление засеять всю имеющуюся землю было почти общим явлением. В апреле 1921 г. были получены первые сообщения об увеличении посевной площади в Закаспии, Самаркандской области, Семиречье, в Алтайской губернии и др. В Черкасском округе (Донская область) в связи с заменой развёрстки налогом население некоторых станиц стало отрывать зарытое в ямах зерно и готовиться к засеву всей земли².

Дружно взялись за посев крестьяне Псковской губернии. «В Ставропольской губернии, — сообщали «Известия», — есть сёла, не оставившие незасеянным ни одного клочка земли. В Закаспийской области посевная кампания проходит успешно. В деревнях Екатеринославской губернии крестьяне устраивают посевные субботники. В Симбирской губернии крестьяне прилагают все старания к полному засеву полей. Посевная площадь на многих пунктах Симферопольского уезда значительно выше прошлогод-

¹ «Красный Алтай» от 6 июля 1921 года.

² «Известия» от 21 апреля 1921 года.

ней. В Царицынской губернии в некоторых сёлах засев превышает задание»¹.

Такое же влияние оказал продналог на крестьян Витебской, Подольской и других губерний. 11 мая 1921 г. «Известия» поместили сводку о ходе посевной кампании: «Витебск. Продналог вызвал среди населения большой трудовой подъём. По всей губернии наблюдается стремление крестьян расширить площадь посева. Повсюду проводится усиленная запашка».

Изменилось отношение крестьян и к созданным по решению VIII Всероссийского съезда советов посевам. Крестьяне стали активно участвовать в работе посева, селькомов, как, например, в Уфимской, Семипалатинской, Омской и других губерниях страны. Если раньше казачество недоверчиво относилось к посевным органам и к посевной кампании, то теперь введение натурального налога повысило у казаков энергию и желание как можно больше засеять². Из Ставрополя корреспондент «Известий» сообщал: «Хлеборобы все как один выехали в поле. Начался сев. Красноармейских семей не забывают. Желание притти к республике на помощь и засеять поля велико»³.

О чём говорят эти многочисленные отклики крестьян на ленинский декрет о продналоге? Они говорят о единодушии, с которым большинство крестьян — бедняков и середняков — восприняло решение партии и правительства о замене продразвёрстки продналогом, с горячей поддержке со стороны крестьянства ленинского декрета о продналоге, о желании крестьян восстановить сельское хозяйство, как можно лучше подготовиться и провести весеннюю посевную кампанию.

Результатом доведения ленинского декрета о продналоге до широких масс был не только большой трудовой подъём среди крестьян. Налицо был и серьёзный политический перелом. Союз рабочего класса и крестьянства на новой основе укреплялся с каждым днём. Этот политический перелом — укрепление позиций советской власти и большевистской партии в деревне — выразился также и в том, что кулацкий бандитизм был быстро подрезан и уничтожен и что большую роль в этом сыграли крестьянские массы. Неслучайно с кулацким бандитизмом было повсеместно покончено к лету 1921 года. Крестьяне создавали свои вооружённые отряды и дружины и активно помогали советской власти в борьбе с кулацкими мятежами. Это и явилось одной из решающих и основных причин повсеместной ликвидации бандитизма.

1921 год — первый год осуществления новой экономической политики — показал, что «коренная задача», которую решали большевистская партия и правительство, — «соединение рабочих и крестьян в прочный экономический союз, даже в обстановке наибольшей нищеты и разорения — поставлена нами теперь правильно, линию мы приняли правильную»⁴.

На IX Всероссийском съезде советов В. И. Ленин, подводя итоги первого года новой экономической политики, говорил: «Продналог в общем и целом дал крестьянам во всей массе, беря всё крестьянство, облегчение. Это не требует доказательств. Дело не только в том, какое количество хлеба было взято с крестьянина, а в том, что крестьянин почувствовал себя обеспеченнее при продналоге, и у него поднялась заинтересованность в хозяйстве»⁵.

Продналог вызвал подъём производительных сил сельского хозяйства, он явился первым шагом на новом пути, развязавшим руки мелкому производителю и давшим толчок к усиленному производству продовольствия, сырья и др. продуктов. Благодаря переходу от продразвёрстки

¹ «Известия» от 21 апреля 1921 года.

² «Известия» от 28 апреля 1921 года.

³ «Известия» от 11 мая 1921 года.

⁴ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 140.

⁵ Там же, стр. 129.

к продналогу сельское хозяйство стало на путь возрождения, на путь подъёма.

Успешное окончание продовольственно-налоговой кампании в 1921 г. — наглядное подтверждение правильности ленинско-сталинской политики партии. Продналог явился единственным путём установления новых форм союза рабочего класса и крестьянства, который помог партии укрепить основу основ советской власти.

Говоря об итогах 1921 г., итогах перехода к продналогу, Ленин на IX съезде советов РСФСР в конце 1921 г. сказал: «Новое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо. Рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, оно придёт, и для него, для этого общества, помогаем мы выработать формы союза рабочих и крестьян, когда трудимся над решением нашей новой экономической политики. Мы эту задачу решим и союз рабочих и крестьян создадим настолько прочным, что никакие силы на земле его не расторгнут»¹.

Великое ленинское пророчество оправдалось полностью.

¹ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 141.

ИЗ ИСТОРИИ ПАНГЕРМАНИЗМА

А. Гуральский

История пангерманизма представляет не только историко-теоретический интерес для понимания особенностей исторического развития Германии — она имеет и большое актуально-политическое значение. История пангерманизма вскрывает с предельной ясностью глубокие корни изуверских теорий «расового превосходства», «жизненного пространства» и «борьбы за прусско-германское мировое господство»; она показывает, как глубоко проникли эти человеконенавистнические теории в широкие народные массы Германии; она полностью разоблачает лживость утверждений защитников германского империализма об «исторической случайности» гитлеризма, о «террористическом завоевании немецкого народа богемским ефрейтором».

Значительную роль в истории кайзеровской Германии сыграл Всенемецкий, или Пангерманский, союз, организованный в 1891 г. представителями влиятельных политических партий и групп: он впервые разработал разбойничью программу мирового господства германского империализма, тщательно охранял реакционные, старопрусские государственные традиции, содействовал организации и торопил развязывание первой мировой войны; после поражения 1918 г. он выступил с планом войны-реванша, а в 1931 г. активно участвовал в создании «гарцбургского блока», предопределившего передачу власти юнкерско-буржуазными партиями гитлеровскому фашизму.

Официальная историография Германии не случайно старательно обходила вопрос о роли пангерманцев, характеризуя их как «малочисленную, маловлиятельную группу политических романтиков», ответственность за которую не может не нести ни одна политическая партия; не нашлось в Германии и прогрессивных историков, которые уделили бы должное внимание раскрытию политических особенностей этой организации и разоблачению её действительной роли.

Насколько велико было влияние и значительны были связи пангерманцев, видно хотя бы из той полемики, которую они вели против брошенного им князем Бюловым упрека, что они разрешают вопросы международной политики без учёта реального соотношения сил и без достаточных данных.

«По многочисленным каналам, — возражали они, — к нам шла информация, которая служила предметом нашего обсуждения, нам удавалось заглядывать за кулисы совершающихся событий. Местные группы и доверенные лица посылали нам отчёты со всех частей света, члены «Всенемецкого союза» сидели в парламентах и исполнительных органах вплоть до союзного совета; личные связи имелись с отдельными носителями короны, как и с руководителями науки и хозяйства, секретные информации приходили из министерских канцелярий и управлений. Через балтийских и австрийских немцев связи доходили до комиссии по иностранным делам Государственной думы и до дворца наследника эрцгерцога Франца-Фердинанда. Всё это позволяло всенемцам полагать, что они могут иметь своё суждение и по вопросам внешней политики»¹.

Как возникла и складывалась эта своеобразная партия, которая по осведомлённости могла конкурировать с государственным аппаратом, ко-

¹ «Der Alldeutsche Verband 1890—1918», D-r Lothar Werner, S. 71. 1935.

торая обладала самыми широкими международными связями, открыто выступала с критикой действий кайзера, зорко следила за каждым политическим шагом канцлера, порицая «медлительность и компромиссы», добиваясь последовательной организации войны с самой широкой захватнической программой?

Идея «Великой Германии», устанавливающей «пруссский мир» на земле, возникла в Пруссии ещё задолго до образования Всенемецкого союза. Свыше десяти лет до воссоединения Германии под прусским владычеством «Прусский еженедельник для обсуждения политически злободневных вопросов» намечал «в качестве цели, к которой надлежало стремиться Пруссии как передовому борцу Европы», следующую программу: «расчленение России, отторжение её остзейских губерний... включая Петербург... раздробление остальной части на Великороссию и Малороссию»¹. Этим ставился вопрос о «преобладании прусского оружия над остальной частью Европы».

На грабеже, разбое и уничтожении славянских племён было построено бранденбургско-прусское государство. Железом и кровью подчиняло себе это государство немецкие земли. На ограблении Франции создавалась Германская империя, угрожавшая и всей остальной Европе.

Особенность политики Бисмарка заключалась в том, что он предостерегал против одновременной постановки вопросов имперской и мировой политики. Бисмарк слишком живо помнил бессилие германских разрозненных земель во время наполеоновских войн и зависимое положение Пруссии после победы России над Наполеоном, чтобы решиться бросить вызов одновременно Англии и России, коалицию которых он, как известно, считал фатальной для дальнейших завоевательных планов Германии.

В трёх последовательных войнах — против Дании в 1864 г., Австрии в 1866 г. и Франции в 1870—1871 гг. — Бисмарк разрешил основной вопрос имперской политики Пруссии. На аннексии Эльзаса и Лотарингии и на ограблении Франции он построил расцвет своей империи. Всем этим он создал именно то положение, которого он больше всего боялся. Реакционная, грабительская Пруско-Германия становилась угрозой Европе и тем самым ускоряла сплочение сильнейших держав Европы в антигерманский блок.

В своей дипломатической борьбе за осуществление поставленных целей Германия использовала противоречия между европейскими державами. Одновременно шла лихорадочная работа по превращению её в крупную морскую державу, разрабатывались планы колониальных завоеваний. В своей колониальной политике Германия стремилась разрешить не только экономические проблемы — она добивалась организации групп немецких эмигрантов в опорные пункты для дальнейшей борьбы за мировое господство. Эмиграция сотен тысяч немцев должна была нести с собой не потерю и распыление «национальных сил», а завоевание новых немецких позиций.

До создания Всенемецкого союза стал возникать ряд объединений и организаций, которые формулируют колониальные и территориальные требования германского империализма.

В 1878 г. в Берлине было организовано Центральное объединение по изучению торговой географии для защиты немецких интересов; вслед за этим подобные же объединения возникли в Лейпциге и Дюссельдорфе.

Летом 1886 г. в Берлине был созван Всенемецкий конгресс. На нём обсуждались задачи германской колониальной политики, усиления германского экспорта, охранения германского языка и «духа» среди заокеанских немцев и установления единства действий с немцами-эмигран-

тами. В результате этого конгресса возник «Всеобщий германский союз защиты заокеанских интересов Германии». Бисмарк считал официальное участие империи в колониальных предприятиях подобного рода неосторожным шагом, ведущим к преждевременному столкновению с Англией, но, учитывая настроения влиятельных кругов юнкерства и промышленного капитала, он оказывал новой организации всемерную поддержку.

Всеобщий германский союз защиты заокеанских интересов Германии должен был сплотить и возглавить (в качестве центральной организации «Dachorganisation») все существующие объединения подобного рода.

Пангерманцы считают, что поводом для организации Всенемецкого союза послужило заключение канцлером Каприви, преемником Бисмарка, Занзибарского соглашения с Англией по вопросу о Восточной Африке и Гельголанде. «Сначала, — пишет по поводу этого соглашения представитель «всенемцев» фон Либерт, — ужас лишил нас дара речи и пера, позже возмущение охватило всю национальную прессу и вызвало бурю негодования против канцлера, который отдал за Гельголанд половину Африки»¹. Имперский комиссар в Восточной Африке Петерс писал по этому поводу, что за удобную ванну в Гельголанде были отданы три королевства: Занзибар, Виг и Уганда.

В действительности первое организованное выступление пангерманцев далеко не исчерпывалось выражением возмущения по поводу Занзибарского соглашения: «всенемцы» требовали более решительной и целеустремлённой империалистской политики и мобилизации народа на борьбу за завоевательные цели; они объявляли немецкий народ народом господ, который только при помощи силы может занять подобающее ему в мире положение.

«Немецкий народ, — писали «всенемцы», — готов взять на себя все тяжести и жертвы за цель, достойную этих жертв: эта цель — принадлежать к народу господ (Herrenvolk), который своё место в мире сам себе отвоёвывает, а не получает его по милости другого народа. Германия, пробудись!»².

Инициативу по созыву организационного съезда Всенемецкого союза взяла на себя Цюрихская группа немцев. Она поручила видному промышленнику, будущему лидеру партии немецких националистов и министру в первом гитлеровском правительстве — Альфреду Гугенбергу, — подготовить съезд, а имперский комиссар Петерс ведал организационной стороной дела.

Первое обращение пангерманцев из Цюриха с призывом к немецкому народу организовать Всенемецкий союз (1890) выдвигало лозунг: бороться за завоевание новых мировых позиций. «Опьянённая победами в великих боях прошлого, — гласило воззвание, — нация верит, что она может без дальнейшего напряжения сил занять надлежащие ей мировые позиции. В течение десятилетий тускнеет слава прошлого, и только сила и мощь настоящего может нам дать возможность сохранить наше влияние и позиции»³.

В апреле 1891 г. в Берлине был организован Всенемецкий союз. В состав и руководство его вошли видные депутаты рейхстага и ландтагов, влиятельные представители юнкерства, крупные банкиры и промышленники, видные профессора, дипломаты и чиновники.

На первых порах во Всенемецком союзе руководящую роль играли: эльберфельдский банкир Карл фон Хейдт — председатель дирекции германо-западноафриканского общества; обербургмейстер Аугсбурга фон Фишер; организатор и руководитель партии свободных консерваторов,

¹ Von Liebert. Aus einem bewegten Leben, S. 136.

² «Der Alldeutsche Verband», S. 29.

³ Alldeutsche Mitteilungsblätter, S. 54.

основатель центрального фрейна германских промышленников Вильгельм фон Кардорф; депутаты — члены партии германских консерваторов граф Мирбах-Зикинген; прусские депутаты: доктор Арендт, фон Белов-Зиленке, профессор университета Гассе, учёный Эрнст Геккель, представитель юнкерства Бер-Берендорф и др.

Из 73 членов исполнительного органа союза 16 — влиятельных депутатов — членов консервативной, национал-либеральной и демократической партий.

Состав и структура Всенемецкого союза обеспечивали ему значительное влияние на кайзера, на партии рейхстага и ландтагов, армию, государственный аппарат и дипломатию и в особенности на всю сеть воспитательной, учебной и научно-исследовательской работы. Наряду с этим Всенемецкий союз служил германским интересам в колониальных владениях, на юговостоке и севере Европы, в Бельгии, Швейцарии и Англии, обладая крупнейшим разветвлённым аппаратом информации и разведки во всех частях мира. К нему примыкали многочисленные организации, как например Колониальное объединение, Союз вооружённых сил и Союз морского флота, Союз германской школы Восточной марки, Имперский школьный союз, Союз германского студенчества, союзы немцев в Богемии и Моравии, Народный союз в Тироле и т. д. К нему также примыкало организованное в 1893 г. имперским комиссаром Карлом Петерсом совместно с графом Иоахимом Пфейлем, графом Бер-Банделином и доктором Фридрихом Ланге Общество по вопросам германской колонизации.

Задачи, выдвинутые союзом после его образования, были сформулированы в его официальных изданиях следующим образом: объединение немцев во всех частях света; активное отстаивание германской позиции во всём мире, в особенности проведение активной колониальной политики для достижения практических результатов; беспощадная борьба против всех сил, задерживающих внутреннее национальное развитие. В 1903 г. к этой программе был добавлен пункт, согласно которому во «вненемецких странах члены союза могут с разрешения руководства создавать организации с другими целями и в других формах».

Борьба за эти цели должна была служить укреплению зарубежных связей и мобилизации сил «народа господ» на завоевание всемирного господства. Один из историков пангерманизма, Реймер, откровенно писал об этой задаче: «Для нашего практического политического поведения нужна ясность в том, что вместо национальных понятий (народ, нация, государство) выступает подчёркивание связи крови... Германия не признаёт больше народов, наций, государств, а только нордландскую расу, которая имеется в различной степени чистоты в немецкой, датской, шведской и т. п. нациях»¹. Все эти нации Германия должна была объединить под своим владычеством.

«Водворить мир в Европе, — писал Беттихер (Поль де Лагард), — может одна лишь Германия, которая простирается от Эмса до устья Дуная, от Мемеля до Триеста, от Меца до, примерно, Буга, — лишь такая Германия сможет прокормить себя и в состоянии будет разгромить Францию или Россию одной лишь своей армией мирного состава, а Россию и Францию одновременно армией, усиленной своими пополнениями».

Доктор Гассе неоднократно подчёркивал, что «Великая Германия» возможна только тогда, когда великая славянская держава — Россия — будет разорвана на куски и окончательно низвергнута. «Всенемцы» рассматривали свою программу как естественное продолжение немецкой политики бисмарковских времён, как переход от имперской политики крови и железа к политике мировой, построенной на тех же принципах. «Миссия нашего народа, — писали она, — не может ограничить свой го-

¹ Reimer. Ein pangermanisches Deutschland, S. 42.

ризонт узкими рамками германской империи, его история, культура, самооценка дают ему право на мировое положение».

Расцвет германской промышленности после 1870 г., превращение Германии в морскую державу, завоевание решающих позиций на мировом рынке давали ей возможность упорно готовиться к решающей битве за мировое господство.

Руководящие круги германского империализма отдавали себе отчёт в трудности поставленной перед ними задачи. Они старались сочетать наступательную политику, авантюристические наскоки с политикой лавирования между своими противниками, по возможности оттягивая их неизбежное сплочение. Поэтому германские империалисты не шли на создание официально массовой партии с открытой программой мирового господства, но они сохраняли за «всенемцами» возможность сплочения всех сил германского империализма. Этим в значительной мере определялось своеобразие структуры «Все немецкого союза» (к 1907 г., по преуменьшённым данным, к союзу примыкало около 140 тыс. членов, число активных членов доходило до 40 тыс.).

Идея превращения Все немецкого союза в массовую националистическую партию, куда мог входить каждый немец, вне зависимости от партийной принадлежности, как это намечалось вначале, никогда не была осуществлена. Все немецкий союз оставался «генеральным штабом» империалистских группировок Германии, а примыкавшие к нему союзы — организациями наиболее агрессивных элементов, игравших руководящую роль во всех областях государственной и общественной жизни.

При таком положении за Все немецким союзом обеспечивалось эффективное влияние в качестве неофициального генштаба империалистических сил. Хотя Союз воздерживался от превращения его в массовую партию и от официального признания его программы программой руководящих политических партий, руководители этих партий считали программу Все немецкого союза для себя обязательной.

Все немецкому союзу не удалось в заметных размерах организационно охватить рабочую массу. Правда, «все немцы» пользовались значительным влиянием на профсоюзную бюрократию и парламентскую фракцию социал-демократической партии, но рассчитывать на серьёзный организационный успех в среде рабочего класса они ещё не могли. Однако, образовав сверхпартию наиболее хищнических и разбойничьих элементов юнкерства, финансовой плутократии и магнатов промышленности, Все немецкий союз имел через многочисленные каналы решающее идейное влияние не только на все буржуазные партии Германии, но и на широкие народные массы.

Таким образом, наиболее влиятельная организация германского империализма, официально оставаясь в тени, сохраняла за собой идеологическое руководство и общее направление германской политики.

Это двойственное положение Все немецкого союза отражалось также на структуре его руководящих органов. Союз официально возглавляли не те влиятельные представители политических партий, депутаты, дипломаты, банкиры, юнкера, промышленники, которые его создали, а сравнительно мало известные профессора и чиновники: профессор Гассе до 1908 г., а после его смерти — советник юстиции Класс. Свои пропагандистские работы они предпочитали издавать под псевдонимами. Так, например, Класс написал под псевдонимом Эйнгарт историю Германии — «Развитие немецкого народа во всех частях земли», вышедшую в 1909 г. в количестве 30 тыс. экземпляров, а в 1934 г. — в 140 тыс. В 1912 г. он же под фамилией Даниель Фриман написал книгу «Если бы я был императором». Обе работы намечали разбойничьи цели и задачи германского империализма и пропагандировали объединение немцев во всех частях света.

В области политической борьбы «всенемцы» отказались от образования самостоятельной массовой партии, предпочитая влиять на общественную и политическую жизнь через существующие массовые партии, организации и государственный аппарат. В соответствии с этим они избегали формирования законченной, самостоятельной идеологической системы, используя в качестве своего идейного оружия историческое наследие германской классической идеалистической философии, науки и искусства. Пангерманизм использовал немецкую философию, вся система которой была пресмыкательством перед прусско-реакционным убожеством, презрением к общечеловеческому, антидемократическим национализмом и истинно немецким высокомерием. Своё вдохновение пангерманизм черпал в немецкой идеалистической философии Канта, Фихте и Гегеля; отбрасывая «рациональное зерно» их философии, он выделял всё истинно прусское как важнейшее и основное для поднятия «национального самосознания немцев». В своих практических политических документах они искали идеологическое обоснование у Шопенгауэра, Ницше, Хоустона Стюарта Чемберлена, Поля де Лагарда, у Трейчке, Лампрехта и других представителей прусской исторической школы.

В формировании идеологии пангерманцев особенно большую роль сыграли «Речи к немецкому народу» и «Патриотические диалоги» Фихте.

Основные положения Фихте были предельно использованы, развиты и приспособлены пангерманцами к новым условиям. В особенности же были широко развиты следующие его положения: противопоставление исторической роли «Normalvolk'a» (нормального, примерного народа) другим народам — «диким», «грубым», «элементарным»; поднятие национального самосознания до уровня кичливого, антидемократического утверждения о превосходстве германского народа, его науки и моральных качеств над всеми другими народами; учение об особой роли и миссии немецкого народа, якобы единственно способного по-настоящему любить свою родину и дать законченную научную систему понимания мира. Наконец, языковой принцип, положенный Фихте в основу понятия нации, давал пангерманцам оружие в борьбе за объединение немцев в единый мировой союз.

Генерал фон Бернгарди, разрабатывая положения предстоящей войны и считая себя учеником Фихте и Гегеля, писал: «Германский народ является избранным народом, ни один другой не может сравниться с его духовным превосходством... его цивилизаторская миссия очевидна... с другой стороны, теперешняя территория Германии является с географической точки зрения только остовом старогерманской империи, она охватывает только обломки германского народа... Эта уверенность в превосходстве обязывает нас расширить насколько только возможно наше духовное и моральное влияние, открыть все пути немецкому труду и немецким идеалам... но мы не сможем выполнить нашу миссию, если наша политическая мощь не позволит нам умножить наши колониальные владения, расширить нашу торговлю, усилить влияние немецких идей во всех частях света и прежде всего прочно укрепиться в Европе»¹.

Выполнить свою историческую миссию, по мнению пангерманцев, Германия может только, исходя из положения, что война является основным законом эволюции в природе и обществе. Мир должен жить только отражённым светом величия Пруско-Германии. *Am deutschen Wesen wird die Welt genesen* (германским духом будет мир исцелён). Во французской литературе антидемократический национализм Фихте получил сле-

¹ Bernhardi. La guerre d'aujourd'hui, p. XXII. Цит. по книге Capitaine Panaite Juganadra, L'apologie de la guerre dans la philosophie contemporaine, pp. 123—124. Paris. 1933.

дующую оценку: «Другие народы являются в отношении Германии тем, чем «не я» в отношении «я».

Так же как в метафизике «не я», или внешний мир, не имеет в отношении абсолютного «я» другого смысла, как удовлетворение потребности в действии этого «я», так другие народы не имеют другого назначения, как быть объектом просветительного воздействия со стороны избранной нации»¹.

Идеал государства, как он был изображён Фихте в «Замкнутом торговом государстве» и Гегелем в «Философии права», был поднят на щит пангерманцами; в основу своей пропаганды они положили идеализацию прусского сословного государства, утверждение права землевладельческой аристократии на государственную власть, ограниченной лишь привлечением буржуазии к законодательной власти, объявление реакционного прусского чиновничества «всеобщим сословием», призванным к охранению всеобщих интересов общества.

В этих произведениях бранденбургско-прусская монархия рассматривалась как «шествие бога в мире»², прусско-чиновничье отношение к долгу — как выполнение кантовских заветов о долге и категорическом императиве, бранденбургско-прусская армия — как воплощение истинно немецкого «социалистического» идеала.

Маркс и Энгельс в своё время беспощадно заклеили эту реакционную идеологию, подхваченную в дальнейшем пангерманцами.

«Всё это мирозерцание, — писал Энгельс, — было философски несостоятельно, ибо под его углом зрения весь мир был создан ради немцев, а сами немцы давно достигли высшей ступени развития. Неметчина... создавала абстрактных немцев, отмечая всё то, что не было истинно немецким на шестьдесят четыре поколения назад... она хотела толкнуть нацию вспять в германское средневековье или даже в чистое дрезнее тевтонство из Тевтобургского леса... Больше всего иконоборческая ярость обрушилась на французов... Великие, вечные результаты революции подверглись глумлению «как романская мишура» или даже «романская гниль»... всякое мирозерцание, умевшее стать на более высокую точку зрения, клеймилось иноземщиною»³.

Подчинив своему влиянию университеты, среднюю школу, систему воспитания и просвещения (свыше 60% всенемецкого актива составляли профессора, старшие преподаватели средних школ, попечители школьной сети), пангерманцы при помощи учителя и унтер-офицера, школы и казармы всемерно использовали реакционные элементы и антидемократические традиции классической германской культуры эпохи её расцвета, прививая народу пренебрежение ко всему иноземному, высокомерие и самолюбленность.

Наряду с этим «всенемцы» популяризировали самые реакционные течения, характеризующие упадок духовной и умственной жизни Германии эпохи империализма.

«Трейчке был для меня, — пишет советник юстиции Класс, — учителем, определившим содержание всей моей жизни; его слова о том, что евреи являются нашим несчастьем, проникли в мою плоть и кровь, когда мне было 20 лет, они в значительной мере определили мою дальнейшую политическую работу»⁴.

Книга француза Гобино о неравенстве рас была переведена на немецкий язык пангерманцем Людвигом Шеманом и была использована для создания в различных частях Германии в 1894 г. расистских объединений.

¹ Panaitie Juganadra. L'apologie de la guerre dans la philosophie contemporaine Fichte.

² Гегель. Соч. Т. XVIII, стр. 268.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II, стр. 70, 71.

⁴ «Der Alldeutsche Verband», S. 70—71.

Эти «союзы Гобино» пользовались всесторонней поддержкой пангерманцев, их местные организации примыкали к этим объединениям. Исполнительный орган Всенемецкого союза дал директиву: «Оказывать этим объединениям всяческую поддержку для поднятия расового самосознания нации».

В 1904 г. пангерманцы выступили с требованием запрещения евреям и полякам селиться в Германии, чтобы «ещё в большей степени не ухудшать состава германской расы»¹.

«Всенемцы» опирались на взгляды о «превосходстве германской расы» онемеченного англичанина Хоустона Стюарта Чемберлена («Основы XIX столетия») и последователя Шопенгауэра — геттингенского теолога Поля де Лагарда. Чемберлен исходил из того, что арийская раса должна быть создана в ряде войн, при помощи которых Германия добьётся господства над всеми другими народами; в горниле этих войн будет выкован новый слой народа-господ, новая арийская раса победителей. «Война, в которой это произойдёт, может продолжаться 100 или 200 лет, — писал Чемберлен, — в этой войне всякое поражение будет только отодвинутой победой». В настоящее же время, по его мнению, речь идёт не о существовании подобной расы, а только о воле к её созданию².

Ещё более определённо высказывался по этому поводу Беттихер (Поль де Лагард): «Небезызвестно, что, например, мы, немцы... в различных местностях едва ли являемся несмешанной германской крови, что кельты, римляне, славяне, пожалуй, как группы, в некоторых областях Тироля в такой же мере являются нашими предками, как и гермундуры, инговены и исковены Тацита... Да эта чистота крови нас мало беспокоит. Немецкая сущность не в крови, а в духе» (*Nicht im Geblüte, sondern im Gemüte*).

Опираясь на Чемберлена и Поля де Лагарда, пангерманцы утверждали, что нация состоит не из массы, а из «аристократов духа» и немецкий народ с радостью отбросит парламент, ландтаги, либерализм, прогресс. Республика для него — «совершенно лишённая поэзии и поэтому самая недостойная человека форма государственной жизни». В патриархально-феодальном принципе бранденбургской «народной монархии» (*Volksmonarchie*), в послушании народа и в господстве избранных, в высоком самосознании и презрении к другим народам заложены особенности истинно немецкого развития. В этих особенностях они видели безусловное превосходство немцев над всеми другими народами и источник неизбежной победы в войне. «Расовая теория» исчерпывалась понятием борьбы за господство, принципом рабовладения как «естественного и высшего закона жизни». Эта идея особенно упорно отстаивалась Фридрихом Ницше. «Рабство, — писал он, — не должно быть истреблено, оно необходимо»³. «Более высокая культура сможет возникнуть лишь там, где существуют две различные общественные касты: каста работающих и каста праздных»⁴. Как известно, Ницше рассматривал рабство как сущность культуры, а в отсутствии рабства видел неизбежную гибель германской культуры.

Экономическая и политическая власть юнкерства в объединённой Германии накладывала печать на всю её идеологическую жизнь и обусловила живучесть тенденции к средневековой реакции. Этот «пруско-милитаристский дух» служил благоприятной почвой для пангерманизма. При помощи учителя и унтер-офицера «всенемцы», используя эти традиции, стремились, и не безуспешно, воздействовать на широкие массы народа. Министр Гельферих указывал на исключительную роль, какую играл в хозяйственной и военной жизни Германии учитель. «Но и здесь, — пи-

¹ «Alldeutsche Blätter», Nr. 25. 1905.

² Houston Steward Chamberlain. Grundlagen des XIX. Jahrhunderts.

³ Ницше Ф. Посмертные фрагменты. Современность и будущее, § 433.

⁴ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое, § 439.

сал он, — помогает не только учитель, но и унтер-офицер. Дело не только в одном обучении, ибо всякая крупная организация нуждается в такой же степени в дисциплине. И в этом отношении Германия выгодно выделяется среди других стран»¹. Об особенностях этой прусско-милитаристской дисциплины с величайшей гордостью писал фон Белов следующее: «Дух дисциплины, который господствует в германской армии, господствует во всей нашей жизни, ему мы обязаны тем экономическим расцветом, который вызвал к нам ненависть Англии. Милитаризм является школой наших рабочих»².

Армия и школа были в основном завоеваны пангерманцами. Они уделяли серьёзное внимание воспитанию в духе истинно прусского, зоологического национализма не только широких масс мелкой буржуазии, но и рабочего класса. Однако на этом пути они встречали серьёзное препятствие в отрицательном отношении жадного юнкерства и усиливавшейся финансовой плутократии к проектам социального законодательства, в которых пангерманцы видели мостик к рабочим массам.

«Всенемцы»-католики являлись далеко не единственным каналом воздействия на трудящиеся массы. Социальная демагогия Шульце-Геверница, исходившего из бисмарковских традиций «социальной политики», опирающейся на господство прусского юнкерства и юнкерско-буржуазной монархии, облегчала доступ к мелкой буржуазии и к широким слоям рабочего класса. «Для осуществления идеальной социальной политики требуется широкая социальная база и новый экономический порядок... Нация, которая всё это осуществит, — писал Шульце-Геверниц, — станет на благо человечества и по воле божьей во главе человечества»³. Рабочий класс должен стать, по мнению Шульце-Геверница, опорой юнкерско-буржуазного империализма. Это должно привести к «идеальной социальной политике», а Пруссию поставить во главе человечества.

Недовольство рабочих масс растущей капиталистической эксплуатацией и антинародной, протекционистской политикой пангерманцы старались использовать для создания союза рабочего класса с абсолютистскими и феодальными противниками буржуазии. Лассальянские традиции «королевско-прусского социализма», служившие опорой бисмарковской политики, вызывали у пангерманцев надежду на достижение национального единства в случае обострений международной обстановки. Как известно, Маркс и Энгельс с тревогой следили за развитием этих тенденций в рабочем движении Германии. В 1875 г. Энгельс писал Беккеру по этому поводу: «В Германии... после объединения с лассальянцами и без того слабая связь с Интернационалом окончательно порвана»⁴. Но эти тенденции в немецком рабочем движении всё нарастали. Выступление бернштейнианского ревизионизма в 90-х годах прошлого столетия, добивавшегося легального распространения империалистических идей в среде рабочего класса и в социал-демократической партии, усилили надежды «всенемцев» на завоевание позиции в рабочем классе. «Стремления присоединить к всенемецкому движению национальное рабочее движение, которое возьмёт верх над интернациональным марксизмом, требуют со стороны Всенемецкого объединения всемерной поддержки»⁵, — писал официальный орган «всенемцев», а социал-империалист Кальвер убеждал немецких рабочих в том, что невозможно поднять заработную плату германских рабочих без колоний и без новых рынков.

Для идеологического «воздействия на беднейшие слои населения» в 1895 г. гамбургской группой Всенемецкого объединения была организована библиотека. Гугенбергом в 1895 г. пропагандируется политика «ши-

¹ Гельферих. Развитие народного хозяйства Германии, 1888—1912, стр. 37.

² Von Below. Militarismus und Kultur, S. 37. 1920.

³ Шульце-Геверниц. Британский империализм. 1906.

⁴ К. Маркс. Критика Готской программы, стр. 35. Примечание.

⁵ «Der Alldeutsche Verband», S. 97.

рокой социальной реформы» как путь к сельскохозяйственному пролетариату. К этому времени доктор Гассе выступил с «идеей» объединения социализма и национализма. «Социализм и национализм», писал он, по существу не являются антиподами, их нужно объединить для достижения национального благосостояния, которого добиваются все «Volksgenossen», все части народа¹. Руководитель пангерманцев в Богемии Рудольф Юнг требовал от рабочего класса полного подчинения германскому империализму, а свою партию он ещё в 1913 г. предложил называть «австро-немецкой национал-социалистской партией». В объединении всех немцев, связанных общностью «языка и крови», и создании самой мощной в мире армии «всенемцы» видели предпосылку для завоевания мирового господства. Разбойничья идеология пангерманизма проникла в широкие толщи народа, послужила объединению широких слоёв немецкого народа вокруг империалистических целей и сыграла огромную роль в развязывании германским империализмом первой мировой войны.

Быстрый рост милитаризма и в особенности завоевание Германией решающих позиций на мировом рынке заставили пангерманцев торопиться с развязкой мировой войны до того, как Франция, Россия и Англия заключат прочный союз и будут готовы к войне. С 1907 г. пангерманцы начинают особенно интенсивно разрабатывать политические и стратегические планы войны.

В 1907 г. поступившие во Всенемецкий союз доклады (в частности отчёт графа Ревентлова) подчёркивали, что организация военных сил Германии идёт слишком медленными темпами и не соответствует требованиям военного и внешнеполитического положения. В качестве ближайших военно-политических целей Всенемецкое объединение к этому времени намечало создание среднеевропейского таможенного союза, который должен наряду с Германской империей охватить Австрию, Венгрию, Польшу и Голландию, может быть, также Швейцарию и Румынию.

Этот союз под главенством Германии должен был изменить соотношение сил на Средиземном море в пользу Германии. Кроме того влияние Германии в качестве государства, возглавляющего таможенный союз, должно было расшириться и выйти далеко за пределы Средней Европы за счёт ожидавшегося распада Турецкой империи. Наряду с этим «Дунай, в прошлые столетия великий путь германской колонизации, указывает путь в Чёрное море, на Балканы, в Малую Азию. Старый натиск на Восток — «Drang nach Osten» — снова должен получить жизненное содержание»².

«Великая Германия», подчиняющая себе большую часть Европы и значительную часть России, естественно, должна была расширить программу колониальных завоеваний, играть руководящую роль в Малой Азии и создать между Тигром и Евфратом «Германскую Индию». Не скрывая того, что эта широкая программа завоеваний является только первым шагом, созданием предпосылок для борьбы за мировое господство, «всенемцы» писали по этому поводу: «Создание среднеевропейского таможенного союза является великой задачей для нынешнего поколения». Для следующего поколения они намечали более «великие и решающие задачи». Широте этих задач соответствовала их «философия войны». «Политика не только является искусством возможного, — писал Гассе, — она также включает планомерную подготовку воли к действию»³.

На «воле к действию» и на военной силе, исключительно на них,

¹ «Alldeutscher Verband», S. 97.

² «Alldeutsche Blätter», Nr. 2, 1891.

³ H a s s e. Deutsche Politik. Bd. I, Heft 3, S. VI.

строили «всенемцы» все свои политические расчёты. «Мы, кажется, начинаем забывать,— писал фон Бернгарди,— что успех нашей политики зависит исключительно от нашей силы и что, с другой стороны, физическое и моральное здоровье нашего народа имеет свои корни в могуществе нашего оружия»¹.

В отличие от других империалистических группировок пангерманцы строили свои расчёты не исключительно на использовании противоречий между своими противниками: они считали политику как «искусство возможного» ликвидированной для Германии в эпоху империализма. В этом вопросе они разделяли взгляды князя Бюлова, что Германия не может строить свою политику на враждебных отношениях других держав между собой и что вообще не существует таких противоречий между двумя державами, которые Германия могла бы в течение продолжительного времени использовать как плюс для себя и минус для других.

Положение Германии становилось слишком угрожающим для Европы, а её захватническая программа — слишком очевидной угрозой для всего мира. «Всенемцы» в связи с этим изображали военно-политическое положение Германии в самых мрачных красках, отвергая как опасную иллюзию какие бы то ни было расчёты на достижение дипломатическим путём выгодных для себя сдвигов. «На Востоке, — писали они, — всегда будет находиться могучий русский народ, всегда останется Азия с сотнями миллионов монголов... Франция никогда не простит Германской империи того, что она отняла у неё гегемонию в Европе, и никогда Англия не откажется от борьбы против страны, которая сумела стать её главным конкурентом в торговле и на море»².

Единственный выход из этого положения «всенемцы» видели в решающем военном превосходстве Германии: «При помощи превосходной и хорошо организованной армии и мощного флота обрести способность к наступательной войне на два фронта»³.

При этом пангерманцы доказывали, что для Германии нет выбора: война изображалась одновременно и как «судьба» и как «миссия» немецкого народа. Немцы в результате своего срединного положения находятся якобы в состоянии окружения, они задыхаются и, только пробив эту враждебную стену, смогут выполнить как народ господствующий свою цивилизаторскую роль.

Завоевание Германией накануне первой мировой войны решающей роли на мировом рынке совершенно не удовлетворяло «всенемцев». Они видели разрешение поставленной германским империализмом задачи только в монопольном владении, в насильственном установлении «пруссского мира» на земле..

Рассматривая войну как «судьбу Германии», «всенемцы» задолго до войны интересовались вопросом о возможном поражении Германии и тем, какую пользу могут юнкера и финансовые плутократы извлечь из этого поражения. «Если мы потерпим поражение, — писал Класс, — то наша разодранность и хаос неизбежно возрастут, только мощная воля диктатора и в этом случае сможет восстановить порядок»⁴. В поражении «всенемцы» видели средство к упрочению диктатуры юнкерства и финансовых плутократов; путь к усилению прусского государства и к повторению традиционной политики на более усовершенствованной основе.

Война 1914—1918 гг. показала, как глубоко проникли пангерманские идеи в широкие слои германского народа. Не без основания пангерманцы отмечали, что военные цели, намеченные шестью крупнейшими хозяйственными объединениями 20 мая 1915 г., повторяли их установки, а шовинистическое выступление тогда же 1341 представителя немецкой интел-

¹ Bernhãrdi. La guerre d'aujourd'hui, p. XX. Paris. 1933.

² «Der Alldeutsche Verband», S. 227—229.

³ «Alldeutsche Blätter», Nr. 3. 1911.

⁴ Olden Hindenburg, S. 225.

лигенции (среди них 352 преподавателя средней школы) явилось результатом деятельности пангерманцев.

Националистическая позиция германской социал-демократии и победа среди германских рабочих социал-шовинизма в начале войны 1914—1918 гг. показали, что и значительные рабочие массы Германии втянуты во все немецкий империалистический фронт.

В годы первой мировой войны, когда всё ближе надвигалась опасность поражения, Бетман-Гольвег, немало потрудившийся на пользу «все немцев», в беседе с известным журналистом Теодором Вольфом заговорил о роли и ответственности «все немцев». «Война, — сказал Бетман-Гольвег, — возникла не из отдельных дипломатических действий, она результат народных настроений, и в этом есть доля нашей вины — вина наших все немцев. Мы жили в нашей внутренней и внешней политике ложью. Крикливый, напыщенный, хвастливый, пустозвонный дух привит был нашему народу. Какая самовлюблённость, какое грубейшее невежество у этих людей, считающих, что все прочие, кроме них, народы ничего не стоят! И эти милые крылатые словечки «am deutschen Wesen wird die Welt genesen».

Страшно было бы, если бы после заключения мира это хвастовство, эта истерия, эта самовлюблённость сохранили власть в нашей стране»¹.

Наследником и продолжателем пангерманизма явился «национал-социализм». Оба течения выражают идеологию и политику наиболее разбойничьего империализма, германского, на различных этапах его развития. Германский фашизм признал «правильность взглядов все немцев на цель немецкого обновления» и полностью перенял его разбойничью программу «Великой Германии», расчленения России, подчинения прусско-германскому оружию малых и средних народов Европы и завоевания мирового господства.

Борьба за «Великую Германию» — подведение «национального» фундамента под империалистическую войну, восхваление разбойничьей и грабительской политики как средство воспитания «доблести и храбрости» в молодёжи, антисемитизм в качестве «социализма для дураков» — всё это у них является общим. Общей является также людоедская расовая «теория», а также попытка провозгласить Германию, превращённую в прусскую казарму, носительницей особого рода, «национального прусского социализма». Сущность этого прусского «социализма» фон Бюлов выразил очень метко: «В отличие от других стран, Германия не является страной, имеющей армию, а её армия владеет страной». С присущими ему бесцеремонностью и цинизмом Геббельс подтвердил это предельно ясно: «Наш социализм, как мы его понимаем, является лучшим прусским наследием. Это — наследие прусской армии, прусского чиновничества. Это тот социализм, который осуществил Семилетнюю войну за великого Фридриха и его гренадёров».

Используя все стороны пангерманскую идеологию, программу, связи и традиции, германский фашизм подвергал в то же время пангерманизм суровой критике за неумение использовать социальную демагогию в качестве орудия завоевания масс и за «либеральное» отношение к вопросу «германизации», категорически отвергая «старые идеи» об «ассимиляции» и подчинении других народов. Под «полезной германизацией» фашисты понимали «германизацию завоёванной мечом земли» и уничтожение независимых народов.

Подготовка второй мировой войны заставила германский империализм приступить с 1918 г. к пересмотру старого арсенала средств воздействия на широкие народные массы. Основные положения пангерманизма были германским фашизмом доведены до крайности.

¹ Wolf Theodor. Von Pontius zu Pilatus.

МОСКВА ПРИ ПЕТРЕ I

(по донесениям губернаторов)

Проф. В. Лебедев

В 1714 г. Пётр I объявил столицей русского государства Санкт-Петербург. Перенос столицы в Петербург объяснялся прежними историками, начиная с Щербатова и кончая Забелиным, как начало упадка Москвы.

И. Забелин писал: «Москва таким образом была оставлена сама себе, своей печальной ветхости и разрушению. Оценить историческое значение и достоинство её памятников было некому... Москва представлялась городом, так сказать, изношенным, как старое платье и ни к чему непригодное. Это был ветхий дом, на новые глаза примечательный только крайним неудобством для жизни и даже опасностью, чтобы совсем не обрушился и не погубил насаждения нового, ещё очень молодого русского быта»¹.

Однако при ознакомлении с документальным материалом² убеждаешься, что Москва, несмотря на тяжёлый урон, нанесённый ей пожарами 1701 и 1712 гг., продолжала быть экономическим, политическим и культурным центром страны. Москва всегда поражала своим внешним видом. Живописно расположенная на холмах, вся в зелени, она блистала на солнце сотнями позолоченных глав и крестов. Красавец Кремль возвышался в ожерелье своих древних стен с высокими башнями; издалека была видна высокая колокольня Ивана Великого. Английский капитан Джон Перри так описывал своё впечатление от Москвы: «Когда путешественник подъезжает к городу, то этот последний представляется ему со множеством церквей, монастырей, боярских и дворянских домов, колоколен, куполов, крестов над церквями, позолоченными и раскрашенными, и всё это заставляет думать, что это самый богатый и красивый город в мире»³.

Иное впечатление оставляла Москва при въезде в город. «Проезжая по улицам, замечаешь,—писал Перри,—что дома,—за исключением домов, принадлежащих немногим богатым людям, все построены из дерева, преимущественно же лицевая сторона, выходящая на улицу, и очень непримечательны с виду. Стены и изгороди между улицами и домами также деревянные, а

¹ Забелин И. Материалы для истории Москвы (предисловие).

² Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА). Кабинет Петра Великого. II, книги 13, 19, 21, 25, 28, 30, 35, 40, 44, 45, 50, 54, 57, 59, 62, 66. Дела Московской губернской канцелярии.

³ «Москва в её прошлом и настоящем». Т. IV, стр. 23. Изд. «Образование».

сами улицы, вместо того, чтобы быть вымощенными камнем, выложены деревом, сосновыми балками»⁴.

Москва преимущественно была деревянная. Изредка попадались каменные палаты. По свидетельству Невилля, в Москве во время правления царевны Софьи было построено более 3 тыс. каменных домов. Но это число явно преувеличено. Нам известно, что Каменный приказ ещё с 1675 г. начал постройку каменных зданий приказов в Кремле, от Архангельского собора к Спасским воротам. Постройку продолжали и при Фёдоре. Всего было построено 28 палат, в которых были размещены приказы: Посольский, Разряд Большая казна, Поместный, Казанский дворец, Стрелецкий приказ. При Софье стали возводить каменный мост через Москву-реку; он был закончен только в 1692 году.

Каменные палаты кн. Голицына, Черкасских и др. были расположены главным образом в черте Белого города. В Китай-городе было много монастырских и торговых каменных помещений. В Москве было множество садов при частных владениях. Кроме того огромные площади занимали дворцовые царские сады: Верхний Красный набережный сад, Нижний Красный набережный сад, Аптекарский сад у Неглинной, Васильевский сад у Яузских ворот, сад набережной в Садовниках.

Огромные фруктовые дворцовые сады (свыше 50) находились в селе Воскресенском на Пресне, в сёлах Преображенском, Покровском, Измайлове, Коломенском, в Воробьёве. За Земляным валом тянулись пустыри, укосные луга, роши, выгоны, огороды, поля, среди которых в зелени садов было расположено тридцать подмосковных слобод. За подмосковными слободами были разбросаны дворцовые сёла: Красное и Покровское-Рубцово, Васильевское, Воскресенское на Пресне, Сущёво, Хвыли (Льва Кирилловича Нарышкина), Всехсвятское (Троице-Сергиева монастыря), Покровско-Стрешнево (Стрешневых). Село Бутырки принадлежало боярину Никите Романову, село Пепровское — Кириллу Нарышкину, село Владыкино — патриарху, Останкино — кн. Я. Черкасскому, село Ростокино — Троицкому монастырю, Свиблово — патриарху, село Алексеевское с царским путевым дворцом — Нарышкиным. За Алексеевским тянулся сосновый бор (Остров), где происходила царская охота. За сосновым бо-

⁴ Там же.

ром тянулись луга дворцовых сёл Преображенского и Измайлова.

Из подмосковных сёл и деревень можно отметить также Дубровку, Тухоли (Ф. Ромодановского), Кожухово, Верхние и Нижние Котлы.

За Земляным городом протекала речка Пресня с двумя притоками, ручьями. У Сущёва протекали речки Неглинная и Самотёка, запруженная и образующая пруды Сущёвский, Самотёчный, Вышеславцев. Недалеко от речки Самотёки находились два Троицких пруда и пруд Балкан. Самым большим прудом за Земляным городом был Красносельский, площадью в 22 десятины.

На северо-востоке от Земляного города протекали речки: Синичка, Чечорка и Золотой Рожок.

Земляной город опоясывался валом и глубоким ровом, выложенным деревянными брёвнами на сваях. В черте Земляного города проживало большинство московских жителей (по данным 1701 г., 7394 двора). В нём находились бывшие слободы стрельцов (теперь Левшицкий пер.), казаков (теперь Казачий пер.), Кадашевская, Дворцовая, Овчинная и Конюшенная слободы; к западу от Кадашевской слободы — государев монетный двор, Кузнецкая, Татарская, Толмацкая и Голутвенная слободы. Возле Москвы-реки тянулся обширный луг, на котором паслись царские лошади. У реки, около нынешнего Крымского моста, находился «Крымский двор», в котором жили послы крымского хана.

Западная часть Земляного города была занята дворцовыми слободами. На берегу Москвы-реки (теперь Остоженка) были расположены дворцовые луга, среди которых возвышался женский Зачатьевский монастырь. Недалеко были расположены царские конюшни. Близ Арбата находились денежный серебряный двор (Денежный пер.), царский кречетный двор, куриный двор, плотничья слобода, царский двор, поварская слобода. Эти слободы образовывали улицы и переулки с многочисленными домами бояр, дворян, дьяков, духовенства и посадских людей.

Близ Поварской слободы находились Гранатный двор (ныне Гранатный пер.) и Бронная слобода (ныне Бронная улица), патриаршая козья слобода, бывшая Благовещенская, стрелецкая слобода, Страстной женский монастырь. У теперешней улицы Чехова была слобода воротников (теперь Воротниковский пер.); у Трубы (отверстие для Неглинной в стене Белого города) находились Лубяной торг и слободы пушкарей, колокольников, бывшая Панкратьевская, или Сухарева, стрелецкая слобода. У ворот Белого города была расположена слобода мясная (где теперь Кировская). За нынешней Покровкой тянулись слобода барашей и царская казённая слобода, далее было расположено Воронцово поле.

В юго-восточной части Земляного города, между дугой Москвы-реки и Земляным валом, находились слободы кузнецов, изготовлявших котлы (Котельническая слобода), Гончарная слобода, Таганская слобода, где

делали таганы-треножки с кругом наверху для котлов.

В воротах Земляного вала с 1683 по 1723 г. собирались различные пошлины: «с дров, брёвен и соломы по одной копейке, с сена и угля по 2 коп., с теса и досок по алтыну (3 коп.), с прочей клади (кроме порожняка) с воза каждого как с саней, так и с телег по гривне (10 к.)»¹.

Привозившие для продажи сено, дрова старались не платить пошлин и у ворот Земляного города устраивали торг. Отсюда произошли дошедшие до нашего времени названия площадей: Смоленская, Сенная, Угольная на Садовой, Дровяная, Таганская.

Белый город имел стены по нынешнему бульварному кольцу А. По переписи 1701 г., в нём находилось всего 2532 двора. Вокруг стен Белого города с одной стороны был выкопан глубокий ров, а с другой — небольшой земляной вал.

До нашего времени сохранились названия башенных ворот: Арбатские, Никитские. Там, где теперь строится Дворец советов, находились Алексеевский монастырь и церковь Всех святых. По имени этой церкви каменный мост через Москву-реку, построенный в 1687—1692 гг., назывался Всехсвятым. По этому имени назывались и ворота Белого города, шедшие к мосту.

Недалеко от того места, где теперь расположены здания институтов общественных наук Академии наук СССР, находился царский колымажный двор. В Кисловской слободе жили дворцовые служащие Царицыной палаты. Рядом находился Никитский женский монастырь. В Белом городе было много каменных палат с садами и службами. Слободы дворцовых ремесленников образовывали улицы и переулки. В Столешниках жили ткачи, изготовлявшие скатерти. На нынешней Новомаижевой была расположена бывшая стрелецкая слобода Стремянного полка. На месте нынешней Маросейки жили украинские переселенцы.

В Китай-городе (по данным на 1701 г.) было всего 272 двора. Вдоль китайгородской стены, в восточной её части, проходил глубокий сухой ров, а перед ним был насыпан земляной вал. В начале Северной войны здесь были воздвигнуты бастионы, через этот ров у Ильинских и Никольских ворот были деревянные мосты. У Воскресенских ворот через Москву-реку был деревянный мост на сваях.

В Китай-городе жили представители знатной феодальной аристократии, богатых купцов (гостей) и духовенство. Рядом с Кремлём, на Красной площади, находились «ряды» с каменными и деревянными лавками. Это был центральный рынок страны, где продавались всевозможные русские и иностранные товары. В Зарядье жили купцы средней руки и ремесленники, связанные с «рядами». Улица Ильинка заканчивалась Ильинскими воротами в Китай-городе. Кроме этих ворот в стенах Китай-города находились Варварские ворота. В центре города, за собором Василия Блаженного, возвышал-

¹ Полное собрание законов (ПСЗ). 3146. 24 января 1718 года.

ся Кремль — резиденция московских царей — со своими древними соборами, церквями, дворцом и приказами. В Кремле, по данным 1701 г., было всего 43 двора. У Кремля, с восточной стороны Красной площади, был глубокий и широкий ров, устланный кирпичом, и через него каменный мост у Спасских ворот. От Никольских ворот был переброшен деревянный мост. У Троицких ворот, на реке Неглинной, был каменный мост, а у Боровицких ворот через эту реку был деревянный мост.

Опасаясь вторжения шведской армии в страну, Пётр I в начале 1707 г. повелел укрепить Кремль и Китай-город. Осенью того же года царевич Алексей осматривал возведённые земляные бастионы, или башни. 5 декабря 1707 г. Пётр во время пушечной стрельбы осматривал возведённые башни. Вокруг Кремля со стороны реки Неглинной возведено было несколько башен (бастионы Боровицкий, Неглинный, Троицкий, Никольский, Воскресенский), со стороны Москвы-реки также были возведены башни, между Тайницкой и Водозводной башнями. Со стороны Москвы-реки был сооружён двойной вал, идущий уступами со стороны Красной площади. Кремль был обведён валом, который шёл параллельно стенам. Никольские и Спасские ворота были особо укреплены выступами вала.

На башнях было 53 медные пушки, 311 чугунных и 75 мортир. Для защиты Москвы было выделено 3148 солдат, 97 офицеров и 245 артиллеристов. При возведении башен была проведена трудовая мобилизация всего московского населения (по 2 человека с двора).

Москва страдала от многочисленных пожаров. Особенно огромны были пожары в 1701 и 1712 годах.

19 июня 1701 г. «учинился пожар и загорелись кельи в Новоспасском подворье и разошёлся огонь по всему Кремлю, и выгорел царёв двор весь без остатку, деревянные хоромы и каменные все нутры, в подклетах и в погребах запасы и в ледниках питьё и льду много растаяло от великого пожару, ни в едином леднике человеку стоять было невозможно. Ружейная и мастерская палаты, святые церкви на государевом дворе, кресты и кровли, иконостасы и всякое деревянное построение сгорели без остатку; также и дом святейшего патриарха, и на Иване Великом колокола многие от того пожара рассеклись и все государевы приказы, многие дела и всякая казна погорели без остатку. Во время пожара монахов и монахинь, священников и мирских людей погибло много в пламени. Огонь был так велик, что им уничтожена была Садовническая слобода, государевы палаты в саду, даже струги и плоты на Москва-реке погорели без остатку. Во время пожара в Кремле невозможно было ни проехать на коне, ни пешком прсбежать от великого ветра и вихря»¹.

Так ярко описывает современник этот пожар, во время которого были уничтожены

все деревянные здания в Кремле. В огне погиб казённый магазин с табаком (на 100 тыс. руб.).

После этого пожара появились многочисленные указы о постройке только каменных зданий (указы 1701 г. и др.) в Кремле и Китай-городе. Было предписано «строить каменные строения по большим улицам и по переулкам линейно, а не среди двора, как встарь, строить добрым мастерством».

После пожара в Кремле строились каменные здания. Так, по приказу Петра I, был заложен «Оружейный дом», или цейхгауз, на площади, очищенной от пожара 1701 г., от Никольских до Троицких ворот. В этом цейхгаузе предполагалось хранить не только оружие, но и трофеи и «лушки медные и железные». На постройку цейхгауза были затрачены большие средства. Так, «из канцелярии рекрутного щёта и с поворотного сбора» в штатс-контору на строение в Москве цейхгауза было отпущено: в 1722 г.—34 241 р. 17 к., в 1723 г.—23 391 р. 94 к., в 1724 г.—6800 руб. (всего за три года — 64 433 р. 11 к.)².

Дворец, пострадавший от пожара, был отчасти восстановлен. Полностью были отремонтированы «угольная палата, что у Троицких ворот», Грановитая и Столовая палаты. Отремонтирована была церковь Иоанна Предтечи, покрыты крышей Грановитая, Столовая и Ответная палаты, Поместный, Провиантский и Земский приказы. Восстановливались Конюшенный двор, расположенный напротив цейхгауза, и Потешный двор³.

13 августа 1715 г. Алексей Баскаков доносил обер-секретарю А. В. Макарову о строительных работах в Чудовом и Вознесенском монастырях в Кремле. Началось усиленное замощение Кремля и Китай-города. Посланный в Москву с особым поручением кн. Барятинский в августе 1719 г. просил задержать в городе на некоторое время архитектора Михаила Земцова, так как без него «мосты все останоятся и делать без архитектора невозможно, а я в том опасен»⁴. Архитектора Земцова всё-таки вызвали в Петербург. Вместо него из Петербурга генерал-архитектором Трезини был назначен некий Геззель Дедно, умерший в 1721 г., в самый разгар строительства⁵.

Кремль с его древними соборами, дворцом приводился спешно в должный порядок в связи с коронацией Екатерины I. Отстраивали уцелевшие во время пожара 1701 г. «каменные все нутры», строили каменные мостовые.

Во время торжеств Кремль украшали картинами, знамёнами и слюдяными фонарями. Особенно пышно был украшен Кремль после взятия Нотебурга, а также по случаю полтавской виктории и заключения Ништадского мира. В 1705 г. начали устанавливать на Спасской и Троицкой башнях часы с бо-

² ЦГАДА. Кабинет Петра Великого. II, кн. 59, л. 1114.

³ Там же, кн. 62, лл. 852—853.

⁴ Там же, кн. 40, л. 975.

⁵ Там же, кн. 53, донесение вице-губернатора Войекова, л. 548.

¹ «Москва в её прошлом и настоящем». Т. IV, стр. 24.

ем, сделанные по заказу Петра. 9 декабря эти кремлёвские куранты «начаша бити»¹.

В 1712 г. Москву вновь постигло стихийное бедствие. «13 мая в девятом часу пополудни,— доносил тогдашний московский губернатор М. Ромодановский,— учинился пожар за Пречистенскими воротами близ Белова города и выгорело в городе и за городом в Мещанскую слободу по двор Ильи Исаева непродолжительным часом, ибо zelo велик был ветер без перестатку во весь пожар и тем великим ветром переносило и зажигало во многих разных и дальних местах»².

От этого пожара пострадали 19 монастырей, 86 церквей, 37 монастырских подворий. Всего пострадало 4543 дома с 24 566 дворами. В делах кабинета Петра Великого имеется подробный перечень сгоревших мона-

¹ Баргнев. «Московский Кремль», стр. 143. М. 1912.

² ЦГАДА. Кабинет Петра Великого. II, кн. 15, л. 1072.

³ Огнём были уничтожены государевы дворы: коношенин на Пречистенке, ямской у Арбатских ворот, прядильный на Дмитровке, Большой кружечный на Петровке, каменный у Старого Каменного моста, Аптекарский садовый за Боровицким мостом, Поместная изба у Пушкиного ряда, две съезжих избы, два двора графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина на Арбатской улице, два двора графа П. М. Зотова у Всецехватских ворот, двор генерала иезуитенциора кн. Я. Ф. Долгорукова на Тверской, другой за Арбатскими воротами. Сгорели два двора ближнего боярина и московского губернатора М. Г. Ромодановского на Тверской, другой за Тверскими воротами, дворы бояр Прозоровских—Петра и Бориса Ивановичей, Б. Г. Юшкова, Ф. А. Лопухина, Л. К. Нарышкина, кн. М. Я. Черкасского, П. М. Апраксина, боярыни княгини Параскевы Ромодановской, вдовы кн. Фёклы Семёновны Урусовой, боярыни А. И. Соковниной, боярыня А. П. Прозоровского, боярыня И. П. Троскурова, боярыня К. Ф. Нарышкина, боярыня П. И. Хованского, боярыня князя Б. А. Голицына, боярыня П. С. Салтыкова, боярыня М. А. Черкасского. В Земляном городе выгорели оружейный двор за Арбатскими воротами, кирпичный двор за Тверскими воротами, громадный двор за Никитскими воротами, двор «дехтярный» за Тверскими воротами, фартенных изб 15, караулен 6, двор грузинского царя Арчила Вахтанговича за Воскресенскими воротами, двор сибирского царевича меж Тверской и Никитской, двор фельдмаршала светлейшего князя А. Д. Меншикова на Чистых прудах. Из других дворов феодальной знати отметим сгоревшие три двора графа Г. И. Головкина, двор адмирала Ф. М. Апраксина, один за Старым Каменным мостом, другой за городом, что в Панкратьевской, три двора тайного советника Г. Н. Стрешнева на Знаменке, кн. А. И. Волконской, боярыни Е. С. Волынской, боярыня князя М. Г. Черкасского. (ЦГАДА. Кабинет Петра Великого. II, кн. 15, л. 1066—1067 и кн. 16, л. 896—900).

стырей, церквей, государевых дворов, боярских домов с указанием их местоположения³.

Всего сгорело 38 боярских дворов. Сгорели дворы генералов Н. И. Репнина, А. М. Головина, М. М. Голицына, Я. В. Брюса, П. И. Яковлева, В. А. Опухтина. В описи подробно перечисляются дома кравчих, окольных, думных дворян, думных дьяков-стольников (383), дома полковников и подполковников (126), царедворцев (211), дьячих и подьячих (1319), домов попов, дьяконов и церковных причетников и певчих (520), драгун и солдат (179), гостей и гостинной сотни посадских (311), дворовых людей (170), нижних разных чинов (346), ямщицких (124), торговых бань (19), лавок, харчевень и кузниц (517).

В описи указано, что сгорело и побито у Гранатного двора 136 человек, но сделана оговорка: «которые сгорели и побиты сведений нет. Их свойственники свезли в дома свои, а кто именно их свойственники неизвестно»⁴. По этой оговорке можно судить, что во время пожара погибло значительно больше людей, чем это указано.

После пожаров в Москве интенсивно развернулось новое строительство. Тяготение Петра I к Иноземной слободе и к Преображенскому вызвало оживление строительства на пугах из города к реке Яузе — по улицам Мясницкой, Покровке, Старой и Новой Басманной, на Разгуляе и пр.

На мичуринском плане (1739 г.) в послепетровское время можно видеть, что дома были выстроены «по линии», согласно указам Петра I. На Покровке находились дома Румянцева, на Новой Басманной — Куракиных, на Гороховом поле — Демидовых, на Разгуляе—Мусина-Пушкина, на Басманной, в приходе Петра и Павла,— Головкина, у Лефортова дворца — Бестужевых, в Немецкой слободе — Брюса, Апраксина, Скавронских, Нарышкиных. Дом Головина, расположенный на Яузе, против Лефортовского дворца, и купленный Петром I ещё в 1713 г., был расширен новыми постройками. Был выстроен новый деревянный дворец и на берегах Яузы разбит сад. По одобренному Петром I плану, были вырыты пруды и каналы. Сад был разбит садовником Брантгофом, или, как его тогда называли в перелеске, Браудраым, и доходил до Яузы, где соединялся с парком Лефортовского дворца. Великолепный Лефортовский дворец также перешёл во владение царя. Оберкомандант Москвы Пумайлов в 1724 г. доносил о том, что вновь вырыты три пруда⁵. В этом же году Пётр осматривал этот сад и приказал в саду в Яузе и каналах «содержать в прелорции с брусьями (брезвчатые етечи.— В. Л.) на ровень». Это приказание было передано содержателю яузской плотической мельницы Меэру⁶. На Яузе образовалась новая резиденция царя, напоми-

⁴ Там же, кн. 16, л. 900.

⁵ Там же, кн. 66, л. 911.

⁶ Забелин П. «Опыты изучения русских древностей и истории». Т. II, стр. 191—192. 1873.

навшая ему юные годы. Здесь остранивался Пётр во время частых посещений Москвы.

Обветшалый Коломенский дворец — чудо русского строительного искусства, — по приказу Петра, срочно ремонтировали. Древний Кремль напоминал Петру I о кровавых майских днях 1682 г., когда стрельцы на копья бросали бояр с дворцового крыльца, рубили их бердышами и волокли их тела по пыльной площади. Кремль напоминал годы правления властолюбивой царевны Софьи, мечтавшей о царском венце. В 1714 г., по указу Петра I, был наложен запрет на каменное строительство во всех городах, кроме Санкт-Петербурга, но он был вскоре отменён последующими указами. Особенно быстро отстраивались в Москве торговые помещения, дома феодальной знати, церкви. Появились новые солдатские слободы: Преображенская, Семёновская, Лефортовская, слобода парусной фабрики в селе Преображенском. В селе Воскресенском, на реке Пресне, около дворца грузинского царя и его свиты, возникло населённое место Грузины. О царевиче Георгии, построившем около дворца церковь, напоминает нам Георгиевская площадь на Большой Грузинской улице.

В 1721 г. по случаю празднования Ништадского мира были воздвигнуты триумфальные ворота (там, где теперь находится площадь Маяковского) на средства именитых людей Строгановых. Были воздвигнуты триумфальные ворота у Тверских ворот Белого города. Кроме того триумфальные ворота («порты») находились у нынешней площади Красных ворот и на Красной площади, у Казанского собора.

Москва не только отстраивалась, но принимались меры по благоустройству её. По указу 1712 г., с каждых 10 дворов избирались десятские, наблюдавшие за чистотой на больших улицах. По указам 1712, 1718, 1722 гг., должны были быть немедленно замошены улицы Кремля, Китай-города и Белого города. Особенно интересна инструкция обер-полицейстеру Грекову (1722) о благоустройстве Москвы. Велено было в ночное время на улицах опускать рогатки и иметь караулы из местных жителей «с ружьём», а если ружей нет, — с дубинками и трещотками. Караульные избирались поочерёдно из мужчин от 20 лет и выше. Дежурство начинали нести с 11 час. вечера и кончали за час до рассвета. Пропускать экипажи разрешалось лишь при наличии на них фонарей. «Подлых людей» пропускали только «за крайней нуждой». В случае тревоги караульщики били в трещотки, и «тутошные жители сбегались на помощь».

Всякий помёт и мертвечину на улицах и переулках велено было каждому жителю против своего дома «также в рядах и на рынках чистить и возить в указное место». Требовалось рано утром «всякой сор сметати». В случае неисполнения, «с дворового места взимался штраф с каждой сажени в ширину по 2 деньги». Запрещалось свозить помёт со дворов на Москву-реку и другие речки, «дабы не засаривать». Виновных задерживали и наказывали батогами. Шалаши

для продажи «всяких харчей приказано было по проезжим улицам ставить в стороне, чтобы не случилось никакого помешательства проезжим». Всем торговавшим калачами, пирогами и прочими «харчевыми припасами» предписывалось, по примеру Санкт-Петербурга, носить балахоны и «завески белые» для покрытия товара.

На рынках полиция следила, чтобы «цену не в указную пору не возвышали, но, применяясь того времени к состоящим продажным ценам, располагать прибыли и о том споситесь с магистратом». Для торговли всякими товарами отводились определённые ряды.

Подозрительные дома, шинки, где происходила картёжная игра, «зернь и другие похабства», полицейская контора немедленно ликвидировала. По инструкции обер-полицейстера, запрещалось на улицах пьяным кричать и петь песни и «в неуказанные часы ночью шататься». Велено было жителям без свидетельства в свои дома с улицы никого не пускать на ночлег. В кабаках, как пробьют в набат, никого не держать.

Для всех приезжающих необходима была прописка.

Объявлялась беспощадная борьба с нищенством и попрошайничеством. Всех нищих было приказано задерживать, бить батогами и отправлять на работы, кроме престарелых, которых помещали в богадельнях при церквях (их в Москве насчитывалось около 60).

На каждой улице избирали старосту и десятских, «дабы чтобы не учинилось докладывали офицеру и тот обер-полицейстеру». Наблюдение производилось и за мостами через Москву-реку и другими местами. Полицейстер был ответственен за их исправность и чистоту.

Стрелять из ружья в городе запрещалось. Все заболевшие горячкой должны были об этом заявить через близких своих людей в полицейскую канцелярию. Извозчики обязаны были ездить на взнузданных лошадях.

Чрезвычайно интересны противопожарные мероприятия в Москве, страдавшей от этих стихийных бедствий. По инструкции, требовалось в печах делать широкие трубы, печи класть с фундаментом на земле. В чёрных избах, где не было труб или они были деревянные, требовалось поставить кирпичные печи. В противном случае полицейские должны были ломать такие избы. В летнее время рекомендовалось устраивать печи «для печения хлебов и прочих съестных потреб» на дворах или в огородах, «от строения не по близости». «Ежели на некоторых дворах за теснотой особой печи сделать будет не мочно», то позволялось с мая по сентябрь топить печи в доме в неделю два дня. Московская полиция обязана была каждую четверть года осматривать «печи, очаги и бани и прочее, где огонь водится». По указу от 2 мая 1711 г., гарнизонные части города Москвы снабжались пожарными инструментами¹.

¹ Московский гарнизон состоял из воинских частей: Лямкина (740 человек), Вельяминова-Зернова (605 человек), Воронцового (941 человек), Баранчеева (389 человек), Бибикова (234 человека).

Все эти воинские части имели топоры, вёдра, лопаты, багры, но они были бессильны бороться с громадным пожаром 1712 г., во время которого была уничтожена треть города. По инструкции московскому обер-полицмейстеру полковнику Грекову предписывалось «для унятия от пожарных случаев» по большим улицам иметь «залитые трубы медные и по одной с рукавами»¹, а также иметь в достаточном количестве крюки, «шиты войлоком обитые». Обыватели на улицах и в слободах должны были «в пожарное время бежать без замедления для тушения». Всех уклоняющихся от выполнения приказов предписывалось без пощады штрафовать.

Обер-полицмейстер Москвы был «в зависимости генерал-полицмейстера» и от «члена сенатского в Москве». Эти полицейские мероприятия, по мысли Петра, должны были навести порядок в старом русском городе, подтянуть московских жителей и приучить их к порядку и чистоте.

Каково же было население Москвы по своему социальному составу? В 1701 г. Пётр I приказал собрать в Ближней канцелярии сведения о денежных доходах и расходах государственных учреждений. По его указанию, Земский приказ собрал сведения о числе дворов в Москве по писцовым и переписным книгам [187], 1679 и [188], 1680 и 1701 гг. По этим данным, в Кремле, Китай-городе, Белом и Земляном городах числилось 10 241 двор. Остальные 6117 дворов находились за чертой Земляного города. По данным 1701 г., «по мере Кремля города и с проезжими воротами и с глухими башнями 1055½ саж., по Китай-городу с проезжими воротами и глухими башнями 1205½ саж., Белого города около городской стены и башен 4163¾ саж., Земляного вала с проезжими воротами 7026½ саж.»².

Таким образом, основное население Москвы в 1701 г. помещалось в черте Земляного города на площади 14 вёрст в окружности. Однако надо считать при Петре I городской местностью и пространство за Земляным городом, где находилось 6117 дворов. Если включить это население в черту города, то можно считать, что Москва занимала пространство окружностью 32 версты. Население по составу можно распределить следующим образом. В Кремле было 38 дворов духовенства и пять боярских и дворянских дворов. В Китай-городе находилось 152 двора духовенства со включением служебных лиц Печатного двора, 54 двора бояр и дворян, 24—дьяков, 6 дворов церковных служителей, 29 дворов посадских детей, 6 дворов городских служителей, 1 крестьянский двор. В Белом городе духовенству принадлежало 476 дворов, боярам и дворянству — 1098, дьякам — 382, дворцовым служителям — 84, посадским — 407, военным лю-

дям — 2, иностранцам — 32, городским служителям — 22, крепостным — 22 двора. В Земляном городе духовенству принадлежало 579 дворов, боярству и дворянству — 1445, дьякам и приказным — 927, дворцовым служителям — 746, посадским — 3364, ремесленникам — 73, военным людям — 90, иноземцам — 46, городским служителям — 65, крепостным — 9 дворов. За Земляным валом посадским людям принадлежало 2768 дворов. Таким образом, из 16 358 дворов московского населения духовенству принадлежало 1499 дворов, дворянству и боярству — 3234 двора, дьякам и приказным людям — 1397 дворов, дворцовым служителям — 1704 двора, посадским — 6568 дворов, ремесленникам — 335 дворов, военным людям — 660 дворов, иноземцам — 129 дворов, городским служащим — 161 двор, крепостным — 659 дворов и нищим — 2 двора.

Несмотря на незначительное число крепостных дворов надо полагать, что крепостное население составляло значительную часть населения города. Дворовых крепостных людей можно было найти на любом из 3234 дворов, принадлежащих боярству и дворянству.

Трудно точно определить число жителей в Москве, приблизительно их было не менее 125 тысяч. Голицов насчитывает в петровской Москве 300 тыс. жителей, но он не указывает документов, подтверждающих эти данные.

М. Ключков в своей работе «Население России при Петре Великом» насчитывает в Москве, по переписи 1710 г., 24 566 дворов с 40 059 человек мужского пола от 10 до 60 лет³.

Эти данные свидетельствуют о правильности наших предположений, а также о росте населения города.

Следует иметь в виду, что знатные жители Москвы насильно переселялись в новую столицу — Санкт-Петербург.

В реестре «Кто в Санкт-Петербург поехал в 1724 г.» упоминалось, что «ныне по имени его императорского величества указу высланы с семьями в Санкт-Петербург» граф Гаврила Головкин, боярин князь И. А. Голицын, кн. А. И. Троекуров, генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, граф И. А. Мусин-Пушкин, Шереметевы, Стрешневы, Толстые, Юсуповы, Нарышкины, Ромодановские, Долгорукие, Трубецкие, Салтыковы, Бутурлины, Репняны⁴.

Московский обер-полицмейстер полковник Греков в 1723 г. к своему донесению приложил реестр, «которые в Санкт-Петербург не поехали». В нём перечислены лица, связанные с оставшимися в Москве учреждениями, и больные.

Переселялись и представители духовенства. В делах кабинета Петра Великого имеется любопытный список духовных лиц,

¹ В Москве к концу правления Петра I существовала фабрика пожарных труб Шапошникова.

² Кириллов И. «Цветущее состояние всероссийского государства», стр. 90—94. М. 1830.

³ Ключков М. «Население России при Петре Великом», стр. 48; ЦГАДА. Доклады и приказы Сената. III, кн. II, л. 163.

⁴ ЦГАДА. Кабинет Петра Великого. II, кн. 66, л. 757.

не выехавших в 1723 г. в Петербург. Так, архиерей Антон Савельев не выехал «из-за скудости», ключарь Иван Данилов уехал в деревню и т. д.¹

Из Москвы переселяли и канцелярских работников. Вице-губернатор И. Войсков убедительно просил в своём донесении не брать подъячих из губернской канцелярии, отчего делу «чинится остановка». Пётр I переселял не только представителей господствующих классов, но и «купцов и ремесленников добрых и зажиточных». 18 октября 1714 г. были отосланы в Санкт-Петербург 50 «купцов и ремесленников добрых и зажиточных». В приложенном реестре перечисляются гости Алексей Филатов (десятая деньга с оклада 200 руб.), Семён Панкратьев (десятая деньга с оклада 100 руб.), гостиной сотни Фёдор Семенников (десятая деньга с оклада 160 руб.) и т. д.

Посадские общины по московским слободам должны были выделять своих людей на разные государственные службы. Такой службой считался и переезд в новую столицу — Санкт-Петербург.

Пётр I вернулся из заграничного путешествия с громадным запасом новых впечатлений о западноевропейских городах и их порядках. В январе 1699 г. он издал два указа об устройстве управления городов в Русском государстве. Земские старосты были переименованы на голландский манер в земских бурмистров.

В Москве была учреждена центральная бурмистерская палата, которой подчинялись все земские избы страны. В бурмистерскую палату предложено было «московским гостям, гостинной сотни и слободам выбрать добрых и правдивых людей»².

17 ноября 1699 г. бурмистерская палата была переименована в Ратушу, которая стала центральным органом по управлению городами в стране. Ратуша ведала судными, челобитными, купеческими делами. Все доходы, поступающие в различные приказы, сосредоточивались в одном учреждении. В 1707 г. доходы Ратуши равнялись 1 099 045 рублям³. Во главе Московской ратуши стоял известный прибыльщик Алексей Курбатов, носивший вначале звание президента, а затем обер-инспектора и имевший право без доклада входить к царю.

В Москву из всех городов ежегодно съезжались бурмистры, эти представители нарождавшейся русской буржуазии. Они были обязаны в конце каждого года являться с отчётами в Московскую ратушу. Когда началась Северная война, Московская ратуша увеличила сбор всяких налогов и повинности посадских людей. Посадские в Москве платили постоянные подати со двора, с промыслового дохода и временные, по мере надобности, по десяти денег с рубля. Кроме

того они должны были выставлять рекрутов из своих задворных людей или кто подражался. Бесперывным потоком шли приказы о сборе провианта, о поставках лошадей, о выделении людей на постройку Петербурга и гавани в Ревеле. Пётр требовал отправки посадских из Москвы для заселения Петербурга и Риги.

В самой Москве часто устраивались постои войск. Солдаты ставились в домах посадских людей. Учреждение Московской ратуши не устранило злоупотреблений должностных лиц, бурмистров. «От бурмистров,— писал обер-инспектор А. Курбатов царю,— премногие явились кражи вашей казны. Книги по сборам ведутся фальшиво». Пётр I постепенно освобождал Ратушу от взимания податей. Крепостные сборы и печатные пошлины должна была взимать печатная контора. В Ижорскую канцелярию поступали сборы с рыбной ловли, с мельниц и бань. Из ведения Ратуши был изъят ряд городов и посадов, прикреплённых к корабельному строительству.

Решительным ударом по Московской ратуше было учреждение губерний. Назначенные губернаторы являлись полномочными администраторами не только по подавлению всякого народного недовольства, но и по сбору налогов. Губернатор в Москве обязан был следить за тем, чтобы «ратушские чины угодными и искусными персоны снабжены были». В судебные дела Ратуши стали вмешиваться и губернатор, и вице-губернатор, и обер-комендант, и ландрихтер. Губернатор создавал «кригсрехт» в Москве с вице-губернатором, и обер-комендантом, и ландрихтером⁴.

Ратуша, имевшая всероссийское значение, постепенно превращалась в обычную земскую московскую избу. В 1711 г. в Москве, в качестве известной уступки нарождавшейся буржуазии, была создана купеческая палата из выборных посадских людей города для руководства соляной и табачной торговлей.

В делах кабинета Петра Великого сохранилось любопытное доношение Конюшенной слободы посадского Петра Муромцева от января 1716 г. об увеличении государственных доходов, состоящее из 40 пунктов. Пётр Муромцев предлагал, например, брать «с заёмных кабал пошлин по 3 деньги с рубля», у торговых людей в рядах «описать весы и те весы изоброчить» и т. д.⁵

Война требовала денег. Государство вынуждено было находить их, пользуясь предложениями и посадского люда. По фискальному доношению выяснилось, например, что во второй колокольный сбор в 1716 г. сбор меди был произведён только в черте Земляного города. Новодевичий, Симонов, Донской, Андреевский, Новоспасский, Данилов и другие монастыри не были включены во второй колокольный сбор. По фискальному доношению, «имеетца взять (с монастырей.— В. Л.) 1261 пудов или день»

¹ ЦГАДА. Кабинет Петра Великого. II, кн. 62, л. 844.

² ПСЗ. 1674, 1675.

³ ЦГАДА. Кабинет Петра Великого. II, кн. 53, л. 1193.

⁴ ПСЗ. 2484.

⁵ ЦГАДА. Кабинет Петра Великого. II, кн. 30, л. 136.

гами 5676 рублей» и кроме того и с самой Москвы «во второй сбор кроме вышешисанных монастырей 1202 пуда и деньгами 5411 рублей»¹.

Пётр I стал издавать указы через Сенат и на имя губернатора о новых налогах и повинностях московского населения. В 1710 г. окладные книги были изъяты из Ратуши и переданы в канцелярию Сената. Через четыре года было приказано всем приказам, канцеляриям, Ратуше, денежным дворам и губернской канцелярии и по соляному сбору по приходу и расходу представлять третные и годовые ведомости в ближней канцелярии. Ратуша превратилась в подчинённое бюрократическое учреждение. С 1714 г., по указу, велено в Москве заниматься торгом и промыслом людям всякого звания, неся одинаковые подати с посадскими людьми, кроме земских служб и повинностей.

Москва продолжала быть центром страны. Правительствующий сенат, переехавший в Санкт-Петербург, оставил в Москве члена Сената для ведения дел. 13 апреля 1715 г. был переведён из Москвы Рудокопный приказ. После упразднения многих приказов в Москве продолжали действовать приказ Большого дворца, Оружейный, Печатный, Поместный, Земский, Аптекарский, Монастырский, Дворцовый приказы, Крепостная контора артиллерийская, мундирная счётная контора, военный нижний суд и учреждённый надворный суд.

В Москве находились глава фискалов церковного ведомства протоинквизитор Пафнутий и архиепископ Сарский Леонид — начальник синодальной конторы².

Москва сохранила за собой центральное снабжение армии и флота. В Москве происходил сбор недорослей (1712, 1713) приказных. В 1721 г. происходил сбор царедворцев и дворян-офицеров и обер-офицеров для регистрации у стольника Степана Колычева. Москва становилась центром текстильной промышленности. В ней были созданы пять суконных предприятий, пять каразейных мануфактур, одна коломянковая, четыре полотняных, четыре шёлковых и две шёлково-ленточных мануфактуры. Кроме того возникли мануфактуры: шляпная, чулочная, зеркальная, две карточных, пуговичная и одна по выделке пожарных труб. Всё это многообразие учреждений, предприятий, сборов делало Москву крупнейшим центром страны.

Московскими губернаторами были временный управитель начальник Разрядного приказа Тихон Стрешнев, затем кн. М. Г. Ромодановский (1712—1713), А. П. Салтыков (1712—1716), К. А. Нарышкин (1716—1721). Вице-губернаторами были В. Ершов и И. Войсков. Это целая галерея петровских деятелей. Первый московский губернатор М. Г. Ромодановский начал свою служеб-

ную карьеру с 1669 г. стольником. В 1703 г. при Петре он командовал полком в Севске, Ахтырке и Сумах, в 1705—1707 гг. заведывал Провиантским приказом, а позднее был выдвинут на пост московского губернатора. Человек старого уклада, он был недоволен бурным потоком петровских мероприятий. Он хотел быть «на Москве полновластным воеводой», не подчинялся верховному органу — Правительствующему сенату.

Вице-губернатор В. Ершов — типичный делец петровского времени. Он ещё с 1711 г. состоял управителем Московской губернии, был другом обер-инспектора Ратуши Алексея Курбатова и имел обширные связи с духовенством и купечеством. Ершов — верный слуга крепостнического государства помещиков и торговцев. Он беспощадно боролся с крестьянскими восстаниями и пытался вести борьбу с лихоимством членов Сената. В анонимном письме Петру I, написанном не без ведома Ершова, описывались лихоимства «господ сенатов», из которых «господин Мусин известной, коварной, лукавец и гонитель всякия правды», «господин Волконский тульских кузнецов разорил вконец», а «господа Долгорукие укрывают многие неправды и забрали у Ершова дела в сенат»³.

Автор анонимного донесения просил произвести розыск о злодеяниях сенаторов верному человеку Ершову, «человеку доброму и христианину», хорошо зарекомендовавшему себя бескорыстной службой в дворцовых волостях и судьёй в Конюшенном приказе и в мундирной канцелярии.

Борьба Ершова с злоупотреблениями была неудачна, так как, по словам автора анонимного донесения, «господа сенаты начали его Ершова как осы разнообразными злодейства жалить, что едва от них в нём дух спасся»⁴.

Василий Ершов был человек начитанный, сведущий в церковном писании. Он принимал активное участие в деле Дмитрия Дерюжкина (более известного под именем Тверетина). В январе 1713 г. он участвовал в диспуте о правоте религиозных догматов, устроенном на квартире учителя Леонтия Магницкого, на котором присутствовали монахи Пафнутий, Иван Короткий, архимандрит Антоний и иеромонах Переяславского Николаевского монастыря Филарет. В своём показании о Тверетине вице-губернатор Ершов заявлял, что он «имел голос так смело якоб заграничной иноземец»⁵. В Москве существовало течение иконоборцев, идеологом которых был Тверетин. Эта проповедь шла из Немецкой слободы, в которой с 1695 г. существовали лютеранская и кальвинистская церкви. Ершов не лишён литературного таланта, который обнаруживался в письмах к его «другу истинному», кабинет-секретарю Макарову. Ершову принадлежит сочинительство указа

¹ ЦГАДА. Кабинет Петра Великого. II, кн. 30, лл. 41—42.

² ПСЗ, декабрь 1721 года. ПСЗ, 10 апреля 1722 года.

³ ЦГАДА. Кабинет Петра Великого. II, кн. 19, л. 159.

⁴ Там же, лл. 157—170.

⁵ Памятники древней письменности. XXXVIII. 1882.

(31 марта 1711 г.) о наказании за корчёмство табаком и вином и некоторые пункты в его доношениях (о моровом поветрии, беглецах и т. д.).

Вице-губернатор В. Ершов пережил своего патрона М. Г. Ромодановского, умного, но слабовольного человека. После наложения штрафа в 2 тыс. руб. за неприсылку ведомости и «трёх всяких зборов» престарелый М. Г. Ромодановский заболел и 30 января 1713 г. скончался. На его место губернатором был назначен начальник Провиантского приказа боярин Алексей Петрович Салтыков, получивший это высокое назначение не без участия сенаторов Мусина-Пушкина и Долгорукова.

Новый губернатор «вступил в контру» с Ершовым. Началась скрытая борьба губернатора с вице-губернатором. По повелению Петра I, Сенат должен был расследовать тяжбу «меж губернатора и вице-губернатора московского разыскать в их ссорах»¹. Однако несмотря на вызовы Ершов в Сенат не являлся, ссылаясь на свою болезнь. Это было концом деятельности В. Ершова.

А. П. Салтыков был также временно отстранён от должности. Позднее он был участником в суде над царевичем Алексеем. В 1719 г. он был назначен казанским губернатором.

К. А. Нарышкин, бывший генерал-провиантмейстером, а позднее (1704—1710) псковским и дерптским комендантом, был в 1719 г. назначен московским губернатором.

У губернатора К. А. Нарышкина в Москве были недоразумения с Сенатом, который нещадно штрафовал за всякое промедление и упущение. У губернатора были списаны в казну московские дома и подмосковные деревни. В 1723 г. К. А. Нарышкин скончался.

Энергичным администратором при губернаторе К. А. Нарышкине был вице-губернатор И. Л. Войков. Другим опытным администратором был обер-полицмейстер полковник Греков.

Многообразной была деятельность московских губернаторов и вице-губернаторов: сбор всяких государственных доходов, набор рекрутов и матросов, посылка работных людей, переселение московских жителей в новую столицу сочетались с наблюдением за промышленными предприятиями, ямской службой и посылкой терпентинного масла и коллекции играль-ных инструментов в С.-Петербург. В Москву наезжали для контроля и ревизии гвардейские офицеры (Барятинский и др.). Для проверки переписи в Москву была послана строгая инструкция с гвардии сержантом Семёновского полка Парфёном Огурцовым. Беспрестанные указы о строительстве каменных домов в Москве (1712, 1718, 1720, 1722), частые приезды Петра I в Москву подстёгивали и заставляли московских бояр, одевшихся в иноземные мундиры и парики, принимать активное участие в строительстве и мощении улиц в Кремле и Китай-городе.

Принимались крутые меры против нарушителей благоустройства города.

Московских губернаторов подгоняли указы централизованного аппарата петровской империи. Но губернаторы были поистине беспомощны там, где не было инструкций и соответствующих указов. Починить церковь Иоанна Предтечи в Кремле или уцелевшие от пожара «нутры» каменных зданий было по плечу московским губернаторам. Но всякие новые мероприятия внушали им опасение и нерешительность. Так, по указу Петра I, в ноябре 1715 г. «в Москве и других городах при церквах, у которых пристойно при огородах сделать гошпитали в Москве мазанки и в других городах деревянные и набрать искусных жён для сохранения зазорных младенцев и их приносили к тем гошпиталиям и клали в окно тайно»².

В Москве для «зазорных детей» были открыты первые воспитательные дома в Новодевичьем и Андреевском монастырях. В делах кабинета Петра Великого сохранились любопытные сведения о первом русском воспитательном доме в Новодевичьем монастыре. В 1724 г. в губернской канцелярии³ было записано «зазорных детей» мужского пола 396, женского — 469, а всего 865. Из них младенцев мужского пола 49, женского 64, остальные от 1 года до 8 лет. На их содержание выдавалось «денежного жалования по 3 деньги человеку в день, а на месяц по 15 алтын 2 деньги, а в год 5 руб. 15 алтын». Всего на содержание 865 человек в год тратилось 4731 рубль. При этих «зазорных младенцах» состояло 218 кормилиц. В год им причиталось 674 четверти хлеба и 645 рублей.

Интересны указания Новодевичьему монастырю о содержании младенцев (17 пунктов). Во втором пункте рекомендовалось детей пяти и шести лет обоих полов обучать грамоте. Начать с букваря, «затем учить писать, а которые изучая букварь складу не познают, таковых учить другим книгам, а именно часовнику и псалтыри, дабы познали склад, а обуча складу учить писать». В третьем пункте говорилось, что дети женского пола, обучающиеся грамоте, «должны были учиться прясть, кружева плести и шить».

Инструкция о воспитании «зазорных детей» в первом русском воспитательном доме в Новодевичьем монастыре была послана капитаном А. Баскаковым Петру I для апробации.

Другим мало известным событием московской жизни, показывающим прозорливость великого преобразователя, высоко ценившего Москву, были предварительные работы по проведению канала Москва—Волга. Мысль о постройке канала Пётр I высказал в беседе с известным инженером Гениным. Пётр I приказал Генину осмотреть реки и речки между Волгой и Москвой-рекой и представить проект («априз о их ситуации») строительства канала, по которому можно установить судоходство от Москвы-реки или от Яузы до Клязьмы и далее до Волги.

¹ ЦГАДА. Кабинет Петра Великого. II, кн. 28, л. 476.

² ЦГАДА. Сенатский архив, кн. 8, д. № 30.

³ ЦГАДА. Кабинет Петра Великого. II, кн. 66, л. 138.

Генин в письме кабинет-секретарю А. В. Макарову от 9 мая 1722 г. просил предоставить ему шлюзного мастера и сведения, «как суда с Москвы в Волгу и с Волги в Москву ходят»¹. Пётр I немедленно приказал московскому вице-губернатору Войекову сыскать купеческих людей, имеющих хождение своих судов по Волге до Москвы и от Москвы до Волги.

Вице-губернатор Войеков собрал эти сведения и сообщил, что, по сведениям молодого жителя, «купецкого человека» Фёдора Степанова Юрлова, от Москвы до Коломны могут ходить большие струги — длиной по 18 и 16 сажений, а шириной в 3 или 2 сажени. Такие же сведения дали купцы города Орла Григорий Сеченов и Иван Нагавицын.

Генин во втором письме кабинет-секретарю А. С. Макарову от 17 мая 1722 г. рекомендовал для работы на канале Москва—Волга шлюзного мастера Графорта и для составления чертежа из военной коллегии — инженер-поручика Любераса². Генин переслал обстоятельное «введение или толкование о чертеже». Он писал: «О ситуации коммуникации водяной дабы суда, которые в пять фут глубины ходить могли, а имянно от Москва-реки вверх по Яузе до Гриднева, где речка Лихоборка, и вверх по речке Лихоборке до Коровие врага и от Коровие врага сухими местами чрез Долгие пруды вниз до реки Клязьмы, и от того вверх по Клязьме до села Воскресенского, от Воскресенского поперёк сухим местом до речки Каменка и вниз по Каменке до речки Волгушки и вниз по Волгушке до Яхромы и по Яхроме до Рогачевской пристани. Всего расстояние 148 вёрст»³.

В третьем письме к кабинет-секретарю А. В. Макарову инженер Генин сообщал о приказе Петра I, извещая, что «вице-губернатору московскому Войекову велено к тому делу заготовливать материал, что по осмотру явиться о том велено учиниша чертёж и прислать его величеству для подлинной резолюции»⁴. Вице-губернатор Войеков выделил из московской соляной конторы 5 тыс. руб. на расход «на канал из Яузы в Волгу реку»; впрочем, эту сумму он предпочитал,

судя по его доношению, истратить на строительство цейхгауза (арсенала) в Москве.

Нам известен в делах кабинета Петра Великого другой проект — русского инженера Корчмина, — предлагавшего более короткую трассу канала Москва—Волга. Но, к сожалению, этот проект, видимо, не дошёл до преобразователя.

Постройка канала Москва—Волга была начата. Генин из-за важности дела выскал на уральские заводы не весной 1722 г., а лишь в сентябре 1722 года.

Между тем инженер-поручик Люберас осмотрел «положение мест и течение рек, где бы учинить судовой ход из Москвы-реки в Волгу», и составил чертёж, который был переслан в 1723 г. для рассмотрения Петру I. Однако Пётр I не смог своевременно просмотреть чертёж канала Москва—Волга. Этим воспользовался вице-губернатор Войеков, не представлявший грандиозности и важности затеянного предприятия. Он был занят вопросом о достройке цейхгауза, восстановлением угольной палаты, покрытием крышей приказов и потому просил разрешения истратить на их строительство оставшиеся деньги из ассигнованных на проектирование канала Москва—Волга.

Узость и недалёковидность вице-губернатора особенно проявились в его письме от 22 октября 1723 г. к кабинет-секретарю Макарову, в котором он запрашивал, можно ли инженер-поручику Люберасу отпустить 40 руб. на изготовление весьма нужного инструмента — ватерпаса — для изучения профиля намеченной трассы канала Москва—Волга⁵. План постройки канала был, очевидно, просмотрен Петром, так как в следующем году были продолжены начатые работы, о чём свидетельствуют донесения того же Войекова о подрядных работах крестьянина Фёдора Кучи («сделать водяную переколь от Москвы реки до Волги») ⁶.

По указу Петра I, были посланы инженерные ученики для осмотра местности от устья Дубны до устья Мологи и «сделать чертёж». 15 сентября 1724 г. он был переслан для рассмотрения Петру I⁷. (Этот чертёж хранится в кабинетских делах.) Болезнь Петра I осенью этого года и последовавшая затем смерть остановили это великое начинание.

¹ ЦГАДА. Кабинет Петра Великого, II. кн. 62, л. 94а.

² Там же.

³ Там же, лл. 945—953.

⁴ Там же, л. 850.

⁵ Там же, л. 859.

⁶ Там же, кн. 66, л. 447.

⁷ Там же, л. 456.

МАКОЛЕЙ КАК ИСТОРИК

К. Татарина

Литературная и политическая деятельность Маколей приходится на вторую четверть XIX века¹. В этот период историческая наука повсюду в Европе находилась под сильным влиянием романтизма. В Англии это влияние сказывается более всего во внешних приёмах творчества.

Главное место в английской историографии, начиная с революции XVII в., занимает история борьбы двух партий — вигов и тори. Преобладающим влиянием пользовались историки-виги; они дали ряд блестящих исторических работ, имевших, однако, откровенно апологетический характер.

Английская историография второй четверти XIX в. отличается от континентальной тем, что в Англии смотрели на историю как на прикладную науку. Этим отчасти и объясняется преимущественный интерес англичан к отечественной истории, особенно к истории парламентского строя в Англии, так как изучение его могло пригодиться в практической жизни, в борьбе за усовершенствование этого строя. Это обстоятельство повлияло и на внешнюю сторону творчества английских писателей, создавших особый стиль и форму изложения, чрезвычайно популярную, доступную не только учёным-специалистам.

Самым знаменитым представителем этого направления в английской историографии был Томас Маколей, историк, поэт, политический деятель, автор шумевшей в своё время многотомной «Истории Англии от восшествия на престол Иакова II», а также многочисленных и не менее известных очерков, статей и блестящих речей, произнесённых с парламентской и других общественных трибун. Большая часть произведений Маколей посвящена различным историческим вопросам. Исторические интересы Маколей сосредоточиваются главным образом на истории Англии XVII—XVIII вв.; этому периоду посвящён не только основной труд его — «История Англии», — но и многие из очерков.

«История Англии», по первоначальному плану автора, должна была осветить английскую историю от революции XVII в. до смерти Георга IV и дать «полный обзор событий, которые имели место между той революцией, которая привела корону в гармонию с парламентом, и той, которая привела парламент в состояние гармонии с нацией»².

¹ Годы жизни Маколей — 1800—1859.

² Trevelyan G. The life and letter of Lord Macaulay. Vol. I, p. 531—532. 1908.

Маколею, однако, не удалось довести свой труд до конца. Преждевременная смерть писателя оборвала его труд на 25-й главе, доводящей изложение событий только до 1700 года.

Приступая к созданию «Истории Англии», Маколей составил обширный план предварительных работ, в который входило не только изучение огромного количества опубликованных и архивных материалов, но и личное знакомство со всеми местностями, которые будут упомянуты в книге. И этот план он осуществлял, посетив почти все местности, связанные с событиями описываемой эпохи, и переворотив в истине грандиозное количество документов в публичных и частных архивах. Маколей пересмотрел не только множество официальных документов, мемуаров, писем, но и памятников народного творчества того периода: народные песни, памфлеты и сатиры. Его трудолюбие в этом отношении может справедливо вызывать восхищение, но, к сожалению, не результаты его работы.

Критический метод исторического исследования, который имел в это время таких блестящих представителей, как Нибур на континенте или Грог в Англии, остался чуждым Маколею. Но то течение в историографии, которое придавало большое значение сохранению в исторических произведениях так называемого *couleur locale*, нашло в Маколее одного из выдающихся представителей. По манере изложения, стилю, красноречию, живости Маколей не уступает лучшим представителям французской *école pittoresque*. Чрезвычайная детализация в изложении привела автора к значительному увеличению размера «Истории Англии». Свообразный подход к предварительному сбору материалов и большая прилежность к собственному творчеству, особенно к стилю (Маколей десятки раз переделывал одну и ту же фразу), сильно замедлили выход этой работы в свет. Первые два тома, задуманные ещё в 1833 г., появились в печати лишь в 1848 году.

Очерки и статьи Маколей основывались на менее тщательном изучении материала. Большинство этих статей было написано по поводу появления какой-либо книги либо по злободневному вопросу. Самая необходимость быстро откликнуться на данный вопрос, пока он ещё не потерял своей остроты, изменяла приёмы работы над такими этюдами. Не так тщательно отделывались они и по форме, хотя, может быть, это и придавало им большую непосредственность.

Речи Маколей посвящены злободневным

вопросам; они являются, в сущности, теми же этюдами, но только произнесёнными с парламентской или иной трибуны. Все их Маколей тщательно подготовлял заранее.

Маркс говорит о Маколее как о систематическом фальсификаторе истории¹, подделавшем «английскую историю в интересах вигов и буржуазии»². Чем же заслужил этот, некогда очень известный английский историк столь резкую характеристику?

Во всех своих произведениях, и прежде всего в «Истории Англии», Маколей рассматривает всю историю человечества как непрерывное движение по пути прогресса и особенно подчёркивает этот момент для английской истории. При этом прогресс для него означает ряд постепенных, очень медленных и умеренных изменений в status quo для того или иного периода. Прогрессивными Маколей считает только те изменения, которые соответствуют его политическим требованиям, т. е. в первую очередь изменения, способствовавшие установлению того «идеального» порядка, который был, наконец, достигнут в Англии после парламентской реформы 1832 года.

Такое понимание прогресса было свойственно не только Маколею: оно являлось своеобразной политической философией всей партии вигов, ревностным членом которой Маколей был с самого начала своей политической карьеры.

Вся история Англии для Маколея является историей постоянных и постепенных перемен к лучшему, особенно история последних 160 лет. А процветание Англии является для него наилучшим доказательством превосходства её политических учреждений.

Маколей отмечает, что отличие английской истории от континентальной состоит прежде всего в том, что англичане с самых ранних времён пользовались гораздо большей свободой, чем остальные европейские народы. Ещё в XIII в., в борьбе англичан против попыток деспотического правления, были сформулированы основы той конституции, которая впоследствии явилась образцом для других стран и на протяжении ряда столетий оставалась неизменной в своей основе, «Благодетельным, по мысли Маколея, было для Англии и её географическое положение, которое избавило страну от необходимости сосредоточить большую военную силу в руках короля, что на континенте привело к установлению неограниченной монархии. В Англии же, по мнению Маколея, сохранение ограниченной монархии и старинной конституции обеспечило процветание страны вплоть до периода правления Стюартов. Даже правительство Тюдоров, по словам Маколея, было ещё правительством народным, несмотря на внешнюю форму деспотизма, и только Стюарты, переставшие опираться на народ, превратились в деспотов и угнетателей и этим толкнули верноподданных англичан на сопротивление королевской власти.

Именно в стремлении к деспотическому правлению и состоит, по словам Маколея, главный порок Иакова I и его сына. А в организации сопротивления этим стремлениям, в защите английской конституции от покушений тирана и состоит главная заслуга Долгого парламента, к которому Маколей относится с большим уважением.

Говоря о событиях 40-х годов XVII в., Маколей правильно указывает на распределение общественных сил в этой борьбе, но он не анализирует причин, вызвавших именно такое, а не иное размежевание сил. Приверженность к Карлу I, например, Маколей объясняет прежде всего обаянием его сана и личности, сожалением к поверженному величию и лишь на последнее место ставит страх перед нововведениями. При этом он не объясняет, почему сторонники короля боялись нововведений и в чём эти нововведения могли состоять. Социально-экономической стороны событий автор почти не касается, сосредоточивая всё внимание на политических и идеологических разногласиях борющихся сторон.

Сам Маколей относится к Карлу I без особых симпатий и даже его казнь осуждает лишь потому, что она, по его мнению, повредила делу свободы, украсив мученическим венцом поверженную династию. Он вовсе не считает казнь короля результатом личной злобы или честолюбивых стремлений со стороны Кромвеля. Напротив, он отзывается о Кромвеле с большой симпатией, считает его величайшим из всех английских правителей. Государственная деятельность Кромвеля, особенно его успехи в области внешней политики, то, что он сделал для морского величия и колониального могущества Англии,— всё это вызывает живейшее одобрение Маколея.

Уделяя много внимания Кромвелю как вождю революции, Маколей почти совсем не касается роли народных масс в этой великой борьбе, хотя сам же декларирует, что историк должен писать историю народа.

О революции 40-х годов XVII в. в целом Маколей говорит, что именно насилие, её сопровождавшие, показывают необходимость этой революции. Такое признание и даже оправдание «великого мятежа» объясняются стною не революционными симпатиями Маколея.

«Каждый, кто одобряет революцию 1688 г.,— пишет он,— должен признать, что нарушение основных законов со стороны государя оправдывает сопротивление»³. Иаков II нарушил основные законы страны, постольку революция 1688 г. была вполне законной. Но так как и Карл I был нарушителем этих законов, то, следовательно, и революция 40-х годов была не в меньшей степени законной. Желание оправдать переворот 1688 г. явилось для Маколея одним из побудительных мотивов для оправдания, по аналогии, событий 40-х годов.

Но дело, конечно, не только в этом, а главным образом в том, что революция 40-х

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 785. Примечание 190.

² Там же, стр. 300. Примечание 120.

³ Macaulay T. Critical and historical essays, p. 15. London. 1850.

годов, как её понимает Маколей, была движением среднего класса, отстаивавшего свои прирождённые права и привилегии от посягательств со стороны короны и аристократии. Как представитель и выразитель взглядов английского middle class, Маколей вполне оправдывает революцию 40-х годов. Однако её основным результатом он считает не те глубокие социальные изменения, которые явились её следствием, а то, что верховный контроль над исполнительной властью перешёл от короны к палате общин.

Реставрацию Стюартов Маколей считает наилучшим выходом из положения, создавшегося после смерти Кромвеля, когда надо было спасти Англию от господства солдат. Социально-экономическая сторона вопроса попрежнему не интересует его. Он не задумывается над тем, что «во время реставрации Стюартов земельные собственники... уничтожили феодальный строй поземельных отношений, т. е. сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству, «вознаградили» государство при помощи налогов на крестьянство и остальную народную массу, присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право»¹.

Говоря сочувственно о реставрации Стюартов, Маколей, тем не менее, очень недоброжелателен к представителям реставрированной династии, особенно к Иакову II. С большой силой подчёркивает он все отрицательные стороны личности и правления Иакова II, чтобы тем яснее показать, что подобного произвола не могли бы вынести и самые кроткие подданные.

Совершенно иначе относится историк к Вильгельму Оранскому: рисуя его образ, Маколей не жалеет лучших красок своей богатейшей палитры. И тщетно старается он казаться беспристрастным. Восхищение Вильгельмом, который, несомненно, является его любимым героем, проглядывает в каждой строчке. Свои похвалы он распространяет на весь период правления Вильгельма. Причина такого отношения заключается в том, что Вильгельм возглавил установление в Англии того порядка, который кажется Маколею наилучшим, и при этом не прибегал ни к каким крайним мерам, а действовал главным образом в духе той политики компромиссов, которой следовал и сам Маколей в своей практической деятельности на политическом поприще.

Надо отметить, правда, что Маколей не сразу пришёл к безоговорочному восхвалению «славной революции». В 1828 г. в очерке о книге Галлама «Конституционная история Англии» Маколей ещё называет революцию 1688 г. полезной и счастливой, но отнюдь не «славной», так как со славой из неё вышел один Вильгельм. Но по мере усиления революционного движения пролетариата и в Англии и на континенте растут симпатии Маколея к революции 1688 года. И скоро он приходит к выводу, что эта революция является счастливой эрой в исто-

рии не только английского народа, но и всего человечества.

Панегирик Маколея по адресу «славной революции» звучит с особой силой в 1848 г., когда он заканчивает посвящённые ей главы своей «Истории Англии». Страх, внушённый Маколею событиями 1848 г., невольно толкал его на сопоставление двух революций, которое он и делает в заключительной части 10-й главы. Здесь он подчёркивает, что революция 1688 г. была строго оборонительной и что она имела на своей стороне традицию и законность, что «чернь» не играла в ней никакой роли. Всё это, говорит он, было возможно потому, что только в Англии ограниченная монархия просуществовала до XVI в., только здесь парламентские учреждения неизменно сохраняли свою силу, только здесь существовала такая конституция, которая не требовала замены её новой, а нуждалась лишь в некоторых поправках. Революция 1688 г. внесла эти поправки, определив основные законы государства, провозгласив народные вольности и уничтожив ложное представление о приоритете королевской прерогативы над законом. Маколей с удовлетворением отмечает, что и по своей форме революция 1688 г. отличалась от других революций. Насилия были так мало ей свойственны, что при сопоставлении её, скажем, с революцией 1848 г. можно вообще усомниться в применимости к ней термина «революция». Однако, утверждает Маколей, это всё же была революция, хотя и наименее насильственная, но зато самая благотворительная из всех. Именно эта революция решила спор о том, будет ли народный элемент уничтожен монархическим элементом или же сможет развиваться настолько свободно, чтобы стать господствующим.

Существенным достоинством революции 1688 г. в изображении Маколея является ещё и то, «что она была нашей последней революцией. Несколько поколений прошло с тех пор, как ни один мудрый и патристически настроенный англичанин не помышляет о сопротивлении установленному правительству. Во всех честных и мыслящих умах есть убеждение, ежедневно усиливаемое опытом, что средства для осуществления любого улучшения, которого требует конституция, можно найти в самой конституции»².

Уделяя описанию событий 1688 г. очень много места и внимания, Маколей, однако, как и при описании революции 40-х годов XVII в., совершенно не касается социально-экономической стороны вопроса, ограничиваясь чисто политической. Он ни словом не упоминает о тех больших перемещениях, которым подверглись государственные земли, узурпированные в частное владение новой земельной аристократии. Глубочайшие социальные перемены остаются вне поля зрения Маколея. Главное для него — политические изменения в конституции. Для Маколея история Англии в течение XVII в. есть

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 791.

² Macaulay. History of England from accession of James the second. Vol. III, p. 449. Leipzig. 1849—1861.

история преобразования ограниченной монархии, устроенной по обычаю средних веков, в ограниченную монархию, соответствующую тому более развитому состоянию общества, когда государственные расходы не могут быть долее покрываемы доходами короны и когда государственная оборона не может быть долее вверяема феодалской милиции»¹.

Экономической жизни Маколей касается только в знаменитой 3-й главе «Истории Англии», которая рисует положение различных классов общества, состояние сельского хозяйства, промышленности, торговли, путей и средств сообщения в Англии 1685 года. Но всё это дано в чисто описательном плане, без попытки проанализировать существовавшее положение вещей. Единственный вывод, который делает в этой главе автор, состоит в общей фразе, что XIX век принёс Англии неисчислимые преимущества по сравнению с XVII: повысился урожай, увеличился заработок сельских и промышленных рабочих, улучшились условия труда и быта населения, повысился общий культурный уровень, смягчились нравы, общий прогресс привёл к сокращению числа бедных, живущих на пособие.

Для более полного представления об исторических взглядах Маколей необходимо остановиться на его отношении к французской революции 1789 г., о которой он говорит в нескольких очерках: «Мирабо», «Бергман Барер» и др. Говоря о французской революции 1789 г., Маколей категорически заявляет, что она была благодеянием для человечества. Национальное собрание заслуживает величайшей признательности, несмотря на то что созидательная деятельность революции была ничтожна, ибо обстоятельства требовали тогда не созидания, а разрушения.

Маколей решительно возражает тем, кто, сравнивая французскую революцию с английской, безоговорочно осуждает первую. Он считает, что форма и сила революции определяются степенью и формой угнетения, ей предшествующего. Во Франции правительство, аристократия и церковь получили лишь то, что заслужили, так как они сами сделали нацию такой, какой она предстала перед ними в 1789 году.

Подобно Борку, Маколей считает, что на характере французской революции сказалось и то, что ею руководили теоретики, лишённые опыта в государственных делах, тогда как в Англии революцией руководили государственные люди.

Являясь вообще сторонником монархии, Маколей, тем не менее, одобряет низвержение монархии французским Конвентом. Он считает, что главными виновниками этого низвержения были европейские державы, вмешательство которых поставило перед французами вопрос о спасении Франции как государства. Нежелание Людовика XVI возглавить организацию сопротивления си-

лам коалиции требовало его устранения. А это в свою очередь привело к уничтожению королевства. Если бы не вмешательство держав, то, думает Маколей, во Франции укоренилась бы конституция 1791 года. Но когда перед французами встал вопрос: чем лучше пожертвовать—свободой народа или королём,—Франция пожертвовала королём и была совершенно права.

Одобрив революцию 1789 г. в целом как неизбежную, Маколей, однако, резко осуждает её насильственный характер. Прежде всего осуждению подвергается вся деятельность якобинцев, так как симпатии автора явно на стороне жирондистов, которых он особенно ценит за то, что они хотя и горячо любили свободу, но только «в сочетании с порядком, справедливостью, милосердием и цивилизацией». С большой симпатией говорит он о том, что жирондисты сумели вовремя остановиться на том пути, по которому следовали за движением революции, что они всегда умело прибегали к компромиссным решениям, что их поддерживала нация. Якобинцев же, напротив, поддерживали только клубы и чернь Парижа, а вся Франция была против них. Целью якобинцев, утверждает Маколей, было подчинить Францию новой аристократии, которая представляла собой «скопище, столь преступное и бесчеловечное, что по сравнению с ним сам Робеспьер мог называться великодушным и милосердным»².

С ужасом и ненавистью говорит Маколей о периоде революционного террора. Франция этого периода кажется ему более дикой, чем Новая Зеландия, а деятелей этого периода революции он считает просто преступниками. Насколько его изображение периода революционного террора и его характеристика деятелей этого периода далеки от действительности, говорить не приходится. Те меры, которые были вызваны необходимостью сохранения и спасения якобинской республики от натиска внешней и внутренней контрреволюции, расцениваются Маколеем как проявление личной жестокости и дурных наклонностей. Он очень далёк от понимания того, что «весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии, абсолютизмом, феодализмом и филистерством»³.

Весь период революционного террора Маколей изображает как самую мрачную страницу в жизни Франции, представляющую резкий контраст с периодом, наступившим вслед за 9 термидора. «Заря арктического летнего дня после зимней арктической ночи, внезапное пробуждение вод, оживление животной и растительной жизни, быстрое смягчение атмосферы, распускающиеся цветы, внезапная зелень лесов — всё это может быть лишь слабым подобием счастливейшего и радостного переворота — пе-

² Macaulay T. Biographical essays, p. 230. Leipzig. 1857.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. VII, стр. 54.

¹ Macaulay. History of England from accession of James the second. Vol. I, p. 149.

революта 9 термидора»¹. Реакцию, наступившую после термидорианского переворота, Маколей изображает как установление эры гуманности. Такое отношение Маколей к событиям и деятелям французской революции является следствием его политических взглядов.

Маколей одобряет революцию 1789 г. в целом, поскольку это была буржуазная революция, приведшая к победе буржуазного порядка над феодальным. Но, естественно, он не мог одобрить и даже просто признать необходимыми те мероприятия, которые затрагивали интересы буржуазной собственности. Собственность для Маколей — основа основ, краеугольный камень цивилизации. Без неё он не мыслит себе существования общества. Самое понятие «общество» равнозначно для него понятию «люди, владеющие собственностью». При этом Маколей прекрасно понимает, что «в наши времена собственность — власть, могучая, всеобъемлющая власть»². Он видит, что собственность распределена в обществе неравномерно, но не интересуется причинами этого. Маколей не интересуется вопросом о том, как владельцы собственности её приобрели, ему важно знать, как сохранить её за ними и увеличить. Основную задачу государства, которое, по его мнению, в прошлом существовало не всегда, но в будущем будет существовать вечно, он видит в защите собственности от всяких посягательств со стороны лиц, лишённых таковой. Наилучшим образом эту задачу может разрешить ограниченная монархия, которую Маколей считает лучшей формой правления. Наихудшей же формой государства является демократия, которая неминуемо приводит к разрушению всех благ цивилизации, т. е. к уничтожению собственности, ибо народ, не имеющий своей собственности, не будет уважать чужую, вопреки своим интересам. Следовательно, говорит Маколей, народ должен быть управляем для своего же блага.

Этим же страхом за безопасность собственности вызвана и решительная борьба Маколей — политического деятеля — против всех попыток ввести в Англии всеобщее избирательное право. Он горячо убеждает, что народ, как только получит власть, благодаря всеобщему избирательному праву, первым делом употребит её на то, чтобы ограбить каждого, имеющего хорошее платье на плечах и хорошую крышу над головой. Для Маколей введение в Англии всеобщего избирательного права равносильно установлению полной анархии, призраком которой он запугивает общество. Он, правда, не говорит, что предоставление рабочим избирательного права вообще невозможно.

«Если бы рабочие Англии были в таком положении, в каком я от всей души хочу их видеть, если бы работа была всегда в изобилии, заработная плата всегда высока, пища всегда дешева, если бы большая семья считалась не бременем, но благом, то глав-

ное прелютствие для всеобщего избирательного права, я думаю, было бы устранено»³. Больше же всего Маколей одобрял ту реформу избирательного права, которая была проведена в Англии в 1832 году.

Ещё в 1829 г. в статье «Утилитаризм», написанной в опровержение взглядов Дж. Стюарта Милля, Маколей писал, что мечтает о такой реформе палаты общин, которая бы сделала последнюю представителем всего среднего класса Англии, но, конечно, при сохранении денежного ценза, достаточного для лишения избирательного права бедноты. Реформа 1832 г., в борьбе за проведение которой Маколей снискал себе славу блестящего оратора и пламенного вигга, и была, по его мнению, тем последним штрихом, который придал законченность шедевру, каким он считал английский государственный строй. Этой реформе он поёт дифирамбы не меньше, чем революции 1688 года. Он считает её большим благодеянием для страны и утверждает, что хотя она по форме является только парламентским актом, проведённым по строгим правилам закона, но по существу, по своей важности она может быть приравнена к революции. В том, что именно англичане сумели провести, и при этом мирным путём, столь важную реформу, Маколей, как и вся его партия, видит ещё одно доказательство особой судьбы Англии, избранности её народа.

На деле же эта реформа просто облегчила буржуазии доступ к власти, которой она усиленно добивалась с тех пор, как её политическое значение перестало соответствовать её возросшему экономическому влиянию. Кроме того эта реформа должна была создать видимость крупной народной победы и тем отвлечь внимание народа от попыток добиться удовлетворения своих непосредственных нужд. И эту роль реформы прекрасно учитывал Маколей, усиленно подчёркивая в своих многочисленных речах, произнесённых в парламенте в защиту билля о реформе, что проведение этой реформы предотвратит назревающий революционный взрыв и прочие «неконституционные действия».

Народные массы, конечно, ничего не получили от этой реформы, вопреки всем уверениям виггов. Но поскольку для Маколей понятие «народ» ограничивается «приличными фермерами и торговцами», постольку его дифирамбы по адресу реформы имеют некоторое основание. С этой точки зрения правозмерно даже и то, что Маколей придаёт этому событию всемирноисторическое значение. Установившийся в Англии после 1832 г. политический порядок действительно на долгие годы стал тем идеалом, к достижению которого стремилась средняя буржуазия других стран, где она была отстранена от власти.

Если в политическом строе Англии Маколей находил нужным провести только те изменения, которые входили в билль о ре-

¹ Macaulay T. Biographical essays, p. 262.

² Маколей. Соч. Т. XIV, стр. 15.

³ Macaulay T. Speeches. Vol. I, p. 3—4 Leipzig. 1853.

форме, то в экономической области он вместе со своими партийными единомышленниками считал совершенно необходимым установление системы фритреда в её самом широком понимании и прежде всего ратовал за отмену хлебных законов.

Система фритреда была необходима английской буржуазии для её дальнейшего развития, и именно поэтому Маколей, последовательный выразитель интересов средней буржуазии, стал её защитником. С этой же позиции Маколей с яростью обрушивается на деятелей и сторонников чартизма. С его точки зрения введение в жизнь шести параграфов Народной хартии равносильно уничтожению всей английской конституции. Он снова и снова повторяет, что «в нашей стране всеобщее избирательное право несовместимо ни с той или другой формой правительства, но со всеми формами правительства и со всем тем, для блага чего существуют формы правления; что оно несовместимо с собственностью и, следовательно, несовместимо с цивилизацией»¹.

Маколей враждебен революционному движению. С негодованием и плохо скрытым страхом говорит он о событиях 1848 г. на континенте. Он боится, как бы чартизм не перерос в революцию, и старается доказать, что в Англии благодаря её особому пути развития невозможны те ужасные явления, которые имели место на континенте. В 10-й главе «Истории Англии» он наряду с пылким панегириком событиям 1688 г. раздражается злобным пасквилем на революцию 1848 г.: «Все дурные страсти, жажда наживы и жажда мести, вражда класса к классу, расы к расе, вырвались из-под контроля божеских и человеческих законов... Доктрины, враждебные всем наукам, искусствам, всем видам промышленности, всем домашним узам, доктрины, которые, если их осуществить, в 30 лет уничтожили бы всё, что было сделано для человечества за 30 столетий, и превратили бы прекраснейшие области Франции и Германии в пустыни, подобные Конго или Патагонии,— эти доктрины открыто провозглашались с трибун и защищались мечом. Европе угрожало покорение её варварами, сравнительно с которыми варвары, шедшие с Аттилой и Альбином, были гуманными и просвещёнными»².

Ещё в самом начале своей литературной деятельности, в статьях «История» и «Конституционная история Галлама», написанных в 1828 г., Маколей очень чётко изложил свой взгляд на задачи историков и исторической науки.

Прежде всего он заявил, что способность быть великим историком—одна из редчайших способностей, что до сих пор не создано ещё ни одного исторического произведения, которое приближалось бы к идеалу. От хорошего историка Маколей требует изображения всех сторон жизни страны и при этом во взаимосвязях с жизнью других стран, изображения жизни и деятельности

не только правительства, но и народа. Начиная «Историю Англии», он заявляет: «Я исполнил бы предпринятую задачу весьма несовершенно, если бы стал описывать только сражения и осады, возвышение и падение министерств, интриги во дворцах и дебаты в парламенте. Я попытаюсь рассказать историю народа так же, как историю правительства, проследить прогресс полезных и изящных искусств, описать возникновение религиозных сект и перемены литературного вкуса, изобразить нравы сменяющих друг друга поколений и не оставить без внимания даже тех переворотов, которые имели место в одежде, утвари, яствах и общественных увеселениях»³.

Но этого обещания Маколей не выполнил. Он не дал всестороннего изображения жизни Англии,—политическая история у него решительно преобладает. Показа истории Англии в её взаимосвязях с другими странами, хотя бы европейскими, у Маколея совсем нет. Не показана у него и жизнь народа, так как все события в его «Истории Англии» развёртываются во дворце короля, в парламенте, в домах отдельных вельмож и на полях сражений. Маколей подчёркивает, что историк должен уметь отличать случайное и преходящее в человеческой природе и исторических явлениях от существенного и необходимого, что он не должен презирать мелочей, не только придающих истории больший интерес, но и способствующих уяснению многих сложных вопросов. Маколей утверждает, что наибольшие перемены в жизни человечества зависят не от битв и трактатов, заметных всем, а от повседневных, мелких перемен, происходящих незаметно повсюду. Однако сам Маколей далеко не всегда следует своим установкам.

Маколей неоднократно подчёркивает, что историк не должен судить о прошлом с точки зрения настоящего и из добросовестного судьи превращаться в недобросовестного адвоката; при этом сам же он признаёт, что историки-виги в этом отношении были не на высоте. Но он не замечает, что и сам он ничем не отличается от своих партийных друзей. Для Маколея прошлое только тогда достойно похвалы, когда в нём есть зачатки современного состояния Англии. С другой стороны, он подчёркивает в прошлом множество теневых сторон, чтобы тем ярче чувствовался контраст с настоящим. Ради этого он нередко сгущает краски, даёт почти карикатурное изображение прошлого, не останавливается перед искажением фактов и прошлого и настоящего. Так например, возмущаясь применением детского труда в Англии в XVII в., он, вопреки истине, отрицает применение детского труда в Англии XIX века.

Маколей утверждает, что историк не должен ограничиваться только регистрацией явлений: «Писатель, который не объясняет явлений, а только констатирует их, исполняет только половину своей обязанности»⁴.

¹ Macaulay T. Speeches. Vol. I, p. 310—311.

² Macaulay T. History of England. Vol. III, p. 449—450.

³ Macaulay T. History of England. Vol. I, p. 3.

⁴ Macaulay T. Essays, critical and miscellaneous, p. 55. Paris. 1843.

Маколей требует от историка умения объяснять целое на основании анализа частей, большой тщательности при исследовании источников, большой проницательности при взвешивании свидетельств и, главное, беспристрастности при оценке характеров и событий.

Однако сам Маколей нигде не даёт анализа ни отдельных событий, ни всего исторического процесса в целом. Он верно указывает, что всю историю человечества нужно рассматривать как единый и непрерывный процесс, в котором каждое событие является частью общего потока и должно рассматриваться в связи с его причинами и следствиями. Он правильно говорит о неизбежности отдельных исторических явлений независимо от воли отдельных людей, об определённой исторической последовательности в развитии общества. Он справедливо замечает, что одно и то же явление может быть вредным или полезным на разных ступенях развития общества. Но все эти верные положения остаются чисто теоретическими и не находят себе применения в его творчестве. Маколей везде говорит лишь о том, как произошло то или иное событие, но не объясняет, почему оно произошло. События у него часто висят в воздухе, так как он не обращает внимания на их экономическую основу. Он избегает делать выводы даже там, где они сами подсказываются приводимым им материалом. Сообщая, например, правда мельком, данные о социальном строе Ирландии, о распределении здесь земельной собственности ($\frac{1}{2}$ которой владели англичане-протестанты, составляющие $\frac{1}{2}$ населения Ирландии), он не говорит, что именно в таком распределении и заложена основная причина розни англичан и ирландцев. Для него главная причина розни состоит всё же в религиозных разногласиях. Он решительно игнорирует социальные причины политических событий и поэтому, например, всю историю Англии в XVII в. сводит к партийно-политической борьбе тори и виггов. Главным результатом революции 1688 г. он считает, подобно Гизо, подчинение короны парламенту, не понимая того, что это, в сущности, означало подчинение короны определённому классу. Маколей не показывает пути, приведшего буржуазию к власти. Он подчёркивает консервативный характер революции 1688 г., но не понимает основной причины того, что «загадка консервативного характера английской революции, объясняется длительным союзом между буржуазией и значительнейшей частью крупных землевладельцев»¹.

Маколей, собственно говоря, нельзя упрекнуть в неумении делать выводы и верные заключения; скорее можно говорить о нежелании. Признавая наличие в обществе различных классов (так как это было уже довольно широко распространённой истиной), Маколей, однако, не пытается в этом найти объяснение для многих явлений. Он не только не подчёркивает классового антагонизма, существующего в обществе, но, напротив, старается его заглушить, убедить

всех, что у эксплуататоров те же интересы, что и у эксплуатируемых.

Маколей считает, что большинству писателей-виггов присущ крупный недостаток — искажение исторической действительности в угоду партийным симпатиям, приспособление исторического материала к заранее составленным схемам. Он сам признаёт, что в Англии интересы партий часто зависят от изысканий историков, которые поэтому и производят эти изыскания в духе своей партии: «В течение длинного ряда лет каждый вигский историк старается доказать, что древнее английское правление было почти республиканским, каждый торийский историк, — что оно было почти деспотическим. С такими чувствами исследовали обе партии хроники средних веков. Обе немедленно находили то, что искали, и обе упорно отказывались видеть что-либо иное, кроме того, что искали»².

Всё это вполне применимо и к самому Маколею. Из огромного материала, который был в его распоряжении, он берёт лишь то, что соответствует его взглядам. Два противоположных документа являются для него неравноценными, если один из них хвалит, а другой порицает какого-либо деятеля. Он использует положительный, если речь идёт о Вильгельме III, и отрицательный, если речь идёт об Иакове II.

Маколею свойственно пристрастное отношение к своей стране, хотя он и считает это недостатком для историка. Все его произведения проникнуты желанием показать наглядно преимущества Англии и в прошлом и, особенно, в настоящем по сравнению с другими странами. И подбор материала и его освещение подчинены именно этому желанию. Если в «Истории Англии» он показывает преимущества Англии в XVII—XVIII вв., то в речах усиленно подчёркивает превосходство Англии в XIX веке. Для Маколея «история Англии в течение 170 лет, прошедших с того времени, как Палата общин стала самым могущественным учреждением государства, её огромное и постоянное процветание, её свобода, её спокойствие, её величие в области искусств, наук и на военном поприще, её значение на море, значительность её общественного кредита, её владения в Америке, в Африке, в Австралии, в Азии достаточно говорят в пользу превосходства её учреждений»³.

В работах Маколея, больше чем у кого-либо из других буржуазных историков, сказывается тенденциозный подход к истории. Всюду он стремится доказать не только превосходство английского строя, но и то, что Англия обязана своим превосходством главным образом партии виггов. Его взгляды, как и взгляды всех виггов середины XIX в., несколько отличались от взглядов представителей так называемого «старого вигизма».

Различие этих взглядов объясняется прежде всего тем, что за период времени, от-

² Macaulay T. History of England. Vol. I, p. 27.

³ Macaulay T. Biographical essays, p. 174.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 278—279.

деляющий Маколей от Борка, произошли некоторые изменения в составе партии вигов. Прежде основную силу этой партии составляла землевладельческая олигархия, теперь ядро вигов состояло из промышленной буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Это сказалось и на идеологии вигов XIX века.

Борк считал, что Англией может управлять только аристократия из крупных землевладельцев. Маколей, как и все виги XIX в., требовал доли власти и для буржуазии, для чего им нужно было несколько реформировать избирательный закон, который для Борка казался наилучшим. Аристократия, представляемая Борком, ничего не могла выиграть от реформы парламента. Буржуазия, представляемая Маколеем, выигрывала очень много. Землевладельцы были мало заинтересованы в колониях, и Борк защищает самостоятельность колоний. Для буржуазии вопрос о колониях был очень важен, и Маколей утверждает, что дать самостоятельность колониям—значит погубить их. Великая французская революция нарушила права крупного землевладения, поэтому Борк нападает на неё со всем пылом своего блестящего красноречия. Но уничтожение этой революции феодальных порядков было необходимым условием беспрепятственного развития капитализма, поэтому Маколей признаёт эту революцию необходимой. Между взглядами вигов конца XVIII и середины XIX в. есть и много общего: Борк и Маколей одинаково относятся к вождям революции 1789 г. и революционному террору; оба считают вполне естественным существование в обществе различных классов, а устранение имущественного неравенства считают губительным для общества. И «старые» и «новые» виги считают, что величие английской конституции является следствием безграничного уважения англичан к прецеденту и традиции и что всякие резкие изменения status quo губительны для общества.

Различие взглядов Борка и Маколей является следствием того, что они были идеологами различных слоёв господствующего класса и на различных этапах исторического развития; сходство же их взглядов определяется тем, что и Борк и Маколей были представителями тех слоёв населения, которые видели основу своего существования в сохранении института частной собственности. Борк писал свои «Размышления о французской революции» непосредственно под влиянием этой революции; это произведение явилось не только наиболее красноречивой, но и совершенно незамаскированной защитой консерватизма. К тому времени, когда Маколей писал свои очерки о Мирабо и Бертроне Барере, события 1789 г. уже потеряли свою остроту и некоторый либерализм в мыслях становился популярным, когда дело шло о событиях прошлого. Но когда дело коснулось событий 1848 г., внешний либерализм слетел с Маколей и весьма явственно выступила его консервативная сущность.

В вопросах современной ему политики Маколей иногда тоже проявляет некоторый либерализм, но только в вопросах, не пред-

ставляющих большой важности. Он, например, говорит в пользу предоставления политических прав евреям, так как здесь речь идёт лишь о небольшой группе промышленников и финансистов, предоставление избирательного права которым ничего не меняет в существующем положении вещей. Он также требует введения тайного голосования, что опять-таки выглядит очень либерально, но при отсутствии всеобщего избирательного права совсем не опасно для господствующих классов.

В одном из своих писем он называет себя «другом умеренной свободы». И это — вполне правильное определение.

Он действительно любит свободу, но... издали. Он является либералом в мелочах и в вопросах, относящихся к далёкому прошлому. Но во всех существенных вопросах, которые могут хотя бы в малейшей степени нарушить status quo, он является не меньшим консерватором и реакционером, чем те тори, на которых он постоянно нападает с такой яростью. Недаром революции 1848 г. в Европе вызвали у него такое озлобление. Заключительные строки 10-й главы «Истории Англии» ясно показывают, насколько тонок был тот покров либерализма, искусно прикрываясь которым Маколей снискал себе репутацию чуть ли не радикала.

Маколей очень последователен в своих взглядах. Его либерализм в отношении событий, имеющих историческую давность, так же как и его консерватизм в вопросах текущей политики, служит одной цели—сохранению status quo.

Всё то, что в прошлом способствовало установлению настоящего, вызывает одобрение Маколей, какой бы «неконституционный» характер это явление ни имело. Всё, что в настоящем хотя бы в малейшей степени угрожает существующему экономическому и политическому устройству, решительно осуждается Маколеем.

Именно поэтому Маколей так решительно выступает против чартистов. Именно поэтому он отзывается не только пренебрежительно, но и резко враждебно о всех учениях утопистов, доходя до прямой клеветы. Именно поэтому, вопреки истине, Маколей старается внушить массам, что они не имеют права жаловаться на судьбу, так как их предки жили гораздо хуже, а, напротив, должны благодарить судьбу и вигов за то блестящее положение, которого Англия, а следовательно и английский народ, достигла в XIX веке. Виги заслуживают благодарности потому, что они, совершив революцию 1688 г., тем самым спасли Англию, а установив парламентскую конституционную монархию, обеспечили Англии счастливое развитие. В интересах вигов Маколей приписывает все перемены и все прогрессивные моменты в истории Англии начиная с XVII в. влиянию революции 1688 г., а не революции 40-х годов XVII в., хотя последняя действительно вызвала огромные сдвиги в социальной жизни Англии, тогда как первая была, в сущности, просто политическим переворотом, оформившим уже сложившийся порядок вещей.

В своём стремлении оправдать всё, что исходит от Англии, и всё, что является

основой существующего строя, Маколей нередко доходит до цинизма. В статьях о Клайве и Гастингсе — героях английской колониальной экспансии — он или совершенно отрицает, что при завоевании Индии были совершены какие-либо насилия и жестокости, или же, в тех случаях, когда не может умолчать о них, говорит об этом совершенно равнодушно. Его отношение к местному населению Индии прекрасно выражено в одной фразе: «Более ста французов было убито или взято в плен. Эта потеря была важнее, чем потеря нескольких тысяч туземцев»¹.

Столь же спокойно говорит он и об ужасном положении английского пролетариата, отрицать которое значило бы уж слишком явно исказить истину. Больше того: он утверждает, что рабочие сами виноваты в своём тяжёлом положении.

Вся эта тенденциозность, ярко партийная, «вигистская» окраска его произведений, и дала Марксу право говорить о Маколее как о систематическом фальсификаторе истории, подделавшем её в интересах своего класса и своей партии, хотя сам Маколей и считал партийную пристрастность величайшим грехом историка.

Маколей предъявлял к историку ещё одно требование — занимательность исторического повествования. И вот это-то требование было, пожалуй, единственным, которое Маколей выполнял.

Внешняя форма произведений Маколей заслуживает всяческих похвал. Язык их прост, ясен, красочен и ярк. Маколей, несомненно, обладал большим литературным талантом, который значительно способствовал популярности его произведений.

По остроумному замечанию Писарева², Маколей многим казался богом истории, сошедшим на землю только для того, чтобы научить людей искусству писать исторические монографии и критические статьи. Однако та огромная популярность, которой Маколей пользовался и при жизни и долго после своей смерти, объясняется, естественно, не только его литературным талантом.

Маколей, несомненно, был самым блестящим выразителем взглядов вигов. И поскольку виги по старой памяти сохраняли ещё репутацию либералов, постольку пользовался популярностью и Маколей. А его личные достоинства способствовали увеличению этой популярности.

Началом своей славы Маколей обязан очерку о Мильтоне, появившемуся в 1825 г., т. е. тогда, когда острота впечатлений от 1789 г. несколько притупилась, когда буржуазия уже могла позволить себе некоторый либерализм в мыслях и когда поэтому некоторое нарушение традиционного взгляда на революцию 40-х годов XVII в.

приятно шекотало нервы, создавая иллюзию известного свободомыслия. Наибольшую популярность принесла Маколею «История Англии», этот панегирик Британии и британским порядкам.

Для буржуазии, особенно английской, произведения Маколей были дороги именно потому, что все они показывали, каким путём развивалось и упрочилось господство буржуазии, и доказывали, что установившийся в Англии конституционный строй — самый лучший, что Англия — страна избранных и что те народы, которые сумели бы во всём следовать её примеру, могли бы пользоваться такими же благами. Для англичан произведения Маколей были подведением итогов их славного исторического пути. Английскому middle class Маколей доказывал, что вся предшествующая история Англии подготовляла установление политического влияния средней буржуазии.

Английская конституция середины XIX в. многим казалась идеалом политического устройства. Маколей был красноречивейшим и пламенным апологетом этой конституции. Всё это делало произведения Маколей столь популярными, что они не только переиздавались в огромных тиражах в самой Англии, но были переведены на языки почти всех культурных народов мира.

С конца 50-х годов XIX в. отдельные произведения Маколей стали появляться и в русских журналах — «Отечественные записки», «Современник», «Русское слово», «Русский вестник», «Журнал министерства народного просвещения», — а в 1860 г. было издано на русском языке полное собрание его сочинений, составившее 15 томов. В это издание вошли все очерки, «История Англии» и часть речей Маколей. В первом томе была помещена большая статья о Маколее, написанная проф. Вызинским, знакомившая читателей с основными моментами биографии Маколей. Перевод произведений Маколей на русский язык сделал их доступными более широкому кругу читателей, что способствовало увеличению популярности писателя. Вряд ли можно было в 60-х годах встретить русского интеллигента, незнакомого хотя бы с некоторыми из произведений Маколей.

Но по мере того как политические и социальные взгляды вигов становились политическим анахронизмом, угасала и популярность Маколей. В то же время его литературное дарование и сейчас привлекает к нему внимание историков, так как в его произведениях не только можно найти богатый фактический материал, почерпнуть много интересных деталей, проследить различные этапы политической истории Англии второй половины XVII в., но и получить при этом удовольствие от чтения хорошего литературного произведения. Произведения Маколей и сейчас представляют интерес не только для тех, кто занимается историей Англии XVII в., но и для тех, кого интересует история политических партий первой половины XIX века.

¹ Macaulay T. Critical and historical essays, p. 501.

² Писарев Д. Наша университетская наука. Т. III. СПб. 1904.

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА И ГОСПОДСТВО ГИКСОСОВ В ЕГИПТЕ

Проф. В. Авдиев

Начало второго тысячелетия до х. э. было временем крупных племенных и политических сдвигов, происходивших почти на всей территории Передней Азии. В восточной части Малой Азии древнейшие протохеттские племена сталкивались с племенами хеттов-неситов. Царь племени неситов Ачитта образовал обширное государство со столицей в Несас¹. В XVIII в., очевидно, в царствование хеттского царя Муршилы I, хеттские войска вторглись в Месопотамию, захватили Вавилон и увезли оттуда богатую добычу в Хаттушаш. С другой стороны, с востока, на Месопотамию надвигались полчища касситов, которые, очевидно, сначала проникли в Вавилонию в качестве колонистов и наемников, а затем, привлекаемые богатствами плодородной долины и древних цветущих городов, завоевали значительную часть Двуречья. Вождь касситов Гандан захватил Вавилон и называл себя в своих надписях: «Царь четырёх стран света, царь Шумера и Аккада, царь Вавилона». Он укрепил господство касситов в Вавилонии и основал династию касситских царей. Наконец, начиная с эпохи Хаммурапи, вавилонским царям приходится вести упорную борьбу с местным туземным населением Северной Месопотамии, которое в вавилонских надписях называется «субари» и которое жило в стране, называвшейся Субарту. Ещё Саргон, древний царь Аккада, восстал с этой страной Субарту. Как это видно из документов, недавно найденных в развалинах царского дворца в Мари, Хаммурапи, ведя борьбу с северными горными племенами субари, которые теперь называются субарейцами, принуждён был заключить против них военный союз с царём Мари Змри-Илимом. Очевидно, эти племена были многочисленными, сильными, воинственными племенами, которые, возможно, даже образовали в ту эпоху союз племён в Северной Месопотамии².

На широкое распространение субарейцев и влияние субарейской культуры указывает ряд фактов. Так, древние цари Ашшура носили субарейские имена Ушния и Кикия. На

обширной территории—от района северного течения Тигра вплоть до Нингура — были найдены документы, содержащие субарейские имена. К востоку от Тигра, около Керкука, были найдены глиняные таблички, покрытые аккадскими надписями, содержащими субарейские имена. Раскопки Чиеры обнаружили здесь остатки чисто субарейского поселения. Субарейское влияние проникло и на запад, в области Сирии и Палестины, в страны амурру, населённые семитами.

Одно письмо из Тунипа, очевидно, находившегося в области Оронта, между Хаматом и Кадешем, содержит субарейские слова и глоссы. Такие же субарейские глоссы можно найти и в письме из Катны. Имя правителя Иерусалима Абд-хибы содержит в себе имя субарейской богини Хиба (или Хепа). В Северной Палестине жило довольно много субарейцев, на что указывают субарейские имена, обнаруженные в документах, найденных Зеллином в Тель-та'анахе.

Очень близки к субарейцам по своему этническому составу и языку хурриты (которых раньше называли «харрийцы»). Название этого племени встречается в аккадских надписях в форме Hur-ri, в хеттских надписях—в форме Hur-la и в хурритских надписях—в форме Hur-wu-u. Судя по надписям, найденным в Богазкее, Рас-Шамра и в Нузи, хурриты во втором тысячелетии до х. э. населяли обширную территорию—от Анатолии до Элама и от Армении до Египта. Центром большого хурритского государства был, по мнению Б. Грозного³, город Хурра, находившийся, возможно, на месте нынешнего города Урфа, в Северной Месопотамии. В первой половине второго тысячелетия в Сирии существовало большое хурритское государство. Поэтому Сирия в хеттских надписях называется «Хурри», а в египетских—«Хор» (Хару). Хурриты проникали даже в области Малой Азии, населённые хеттами. На это указывают рели-

¹ Грозный Б. Хеттские народы и языки. «Вестник древней истории» № 2 за 1938 г., стр. 28.

² Thureau-Dangin. Textes de Mari. R. A. (1936). Vol. 33, p. 174—177.

³ Goetze A. Das Hethiter-Reich, AO, 27; Gustavs. Subaräische Namen in einer Aegyptischen Liste syrischer Sklaven, AZ, Bd. 64, S. 57; Ungnad A. Die ältesten Völkerwanderungen Vorderasiens (1923), S. 5—8; Smith S. Early history of Assyria. 1928, p. 70—75; Speiser. Mesopotamian origins, p. 125—132 (1930). В. Грозный. Archiv Orientalny I. 2. (1929). SS. 96—97.

гиозные и литературные тексты, написанные на хурритском языке и найденные в государственном архиве хеттских царей в Богазкее. Последними остатками этих хурритов, очевидно, являются хориты, упоминаемые в Библии. Однако это племя уже сильно пропитано семитскими элементами¹. Все эти факты указывают, что в первой половине второго тысячелетия субарейско-хурритские племена образовали большое государство, охватывавшее Северную Месопотамию, Сирию и Палестину. Весьма возможно, что к этим племенам принадлежали также и гиксосы, завоевавшие Египет в XVIII в. до х. э. Гетце предполагает, что это большое хурритское государство тождественно с гиксосским. К этой точке зрения, но с некоторыми оговорками, присоединяется и Густав, который сближает гиксосское имя *Smkn* с именем субарейского бога *Симки*². Конечно, эта гипотеза нуждается в ряде подтверждений. Однако совершенно несомненным является факт постепенной инфильтрации азиатских племён, очевидно, как хуррито-субарейцев, так и семитов, в Египет с начала второго тысячелетия до х. э.

- Азиаты стали проникать в качестве торговцев и колонистов в Египет уже в эпоху Среднего царства. Так, на одном барельефе в гробнице номарха Хнум-хотепа в Бени-хассане изображена группа в 37 человек из азиатского племени аму во главе со своим вождём Ибша. Они преподносят номарху в виде дара притирания для глаз. Очевидно, это либо торговое посольство либо колонисты, которые просят у номарха разрешения поселиться в Египте. Вождь аму носит титул «правитель иноземной страны»; совершенно тождественный с теми титулами, которые носили впоследствии гиксосские цари³. На тесные торговые и культурные связи Египта с Сирией указывает и то место в известном «Рассказе Синухета», где говорится, что Синухет давал приют послам, «отправлявшимся на север или на юг — ко двору»⁴. Когда же в конце Среднего царства, после блестящих царствований фараонов 12-й династии, Египет переживал период внутренних смут, усобиц и упадка, инфильтрация азиатских племён в Египет усилилась. Азиатские племена, пользуясь временным ослаблением египетского государства, стали всё в большем количестве и всё глубже проникать в Египет. На это ясно указывают слова мудреца Ицувера: «Племена пустыни стали людьми (египтянами. — В. А.) во всяком месте» — в тексте Лейденского папируса № 344-recto, который ри-

сует картину большого социального переворота в Египте на рубеже между Средним и Новым царствами⁵.

Причины смут и ослабления египетского государства в конце Среднего царства лежат в изменениях социально-экономической структуры страны.

Развитие оросительного земледелия, ремёсел и торговли повлекло за собой дальнейшее расслоение древнеегипетского общества и усиление в нём элементов рабовладения. Орошение и мелiorация крупных земледельческих районов, как например Фаюмского оазиса, требовали большого количества рабочей силы. Изготовление срудий труда и бытовых предметов всё больше сосредоточивалось в руках профессиональных ремесленников. Наконец, большое значение в процессе разрушения старых сельских общин и роста классового расслоения имела торговля. Она содействовала появлению слоя частных землевладельцев, а также средних городских слоёв ремесленников и торговцев. Вследствие развития египетской экономики, а также в силу естественных условий египтяне вынуждены были привозить из соседних стран некоторые виды сырья. Медь они получали из областей, лежащих между Нилом и Красным морем, а также с Синайского полуострова, где были обнаружены древние разработки меди, а также египетские надписи, указывающие на то, что египтяне особенно широко эксплуатировали Синайские рудники в царствование фараона Аменемхета III. Громадное количество золота египтяне вывозили из Нубии, которую в те времена можно было действительно назвать «страной золота». В погоне за драгоценными заморскими товарами — слоновой костью, страусовыми перьями, шкурами пантер — и рабами египтяне двигались всё дальше и дальше на юг, в далёкую «страну богов», страну Пунт, как называют египетские надписи области, лежащие в районе Восточной Африки, может быть, на берегах Красного моря. Из Сирии египтяне привозили в большом количестве дерево, строевой и мачтовый лес, которым издавна славилась область Ливана. Множество египетских предметов, найденных при раскопках Библа, Катны и Рас-Шамры, ясно указывает на тесные торговые связи Египта с Сирией в эпоху Среднего царства⁶. Наконец, следует указать и на то, что египетская торговля и культурное влияние Египта стали проникать в это время и в области Эгейского моря, которые постепенно втягивались в сферу воздействия крупных древневосточных государств. Эта торговля главным образом содействовала обогащению рабовладельческой аристократии.

¹ Грозный Б. Указ. соч., стр. 30.

² Gustavs A. Op. cit., S. 57.

³ Newberry. P. Beni-Hasan. Vol. I, pl. XXX.

⁴ Тураев В. Рассказ египтянина Синухета, стр. 23 (1915). Упоминание титула «правитель иноземных стран» в рассказе Синухета. См. Sethe K. Aegyptische Lesestuecke. Texte des Mittleren Reiches (1928). S. 7. Z. 21. S. 8. Z. 1.

⁵ Papyrus Leiden. 344-recto, I. 9. Gardiner. Admonitions of an egyptian sage, p. 20. 1909.

⁶ Авдиев В. Военная политика Египта в эпоху Среднего царства. «Вестник древней истории» № 2 за 1938 г., стр. 50; Vigouliet. Légende phénicienne de Danel, p. 10—11, 13—18. 1936; Olmstead. History of Palestine and Syria, p. 88. 1931.

Начиная со времени 6-й династии, а может быть, даже и несколько раньше, в Египте образуется мощная поместная аристократия, осевшая в номах и постепенно освобождавшаяся от контроля центральной правительственной власти. Эти аристократы, получившие от царей большие земельные пожалования, занимали высшие административные должности и носили пышные придворные титулы. Надписи сиутских номархов, в частности надпись Хети, ярко рисуют экономическую и социальную мощь номовой аристократии, которая в голодные годы могла брать на себя снабжение голодающего населения продовольствием и тем самым ещё больше закабаляла трудовые массы, постепенно разорявшиеся бедняцкие слои крестьянских сельских общин¹.

В эпоху усиления центральной власти при фараонах 11-й и 12-й династий энергичные фараоны этого времени пытались несколько ослабить чрезмерно возросшую власть и влияние номовой аристократии. Им удалось восстановить авторитет и контроль центральной правительственной власти, однако аристократия сохраняла свои крупные земельные владения и право передавать свои земли и звания своим детям по наследству. Изображения, сохранившиеся на стенах бенхассанских гробниц, прекрасно рисуют крупное аристократическое поместье времени 12-й династии, а надписи, помещённые тут же, дают богатый исторический материал для характеристики положения номовой аристократии, имевшей в своём распоряжении громадные экономические ресурсы². На существование частного аристократического землевладения указывают и контракты номарха Ликопольского нома и начальника жрецов Хеп-дже-фа, в которых принадлежащие ему земли делятся на две части: на «княжеское имение», т. е. полученное им от царя во временное владение, и на «отцовское имение», т. е. полученное им по наследству от своего отца и являющееся поэтому в полной мере его частной наследственной собственностью. Это обогащение номовой аристократии шло в значительной степени за счёт разорения и обнищания социально наиболее слабых слоёв сельских общин, которые теряли свои земли, имущество и попадали в кабалу к крупным аристократам. Так углублялась социальная пропасть между мощной аристократией и всё более разорявшимися трудовыми массами населения³.

Рост производительных сил и развитие торговли форсировали социальное расслоение и постепенный распад древних сельских общин. Часть общинников разорялась, теряла свои земельные наделы и превращалась в рабов. Другая же часть образовала довольно пёстрый средний слой ремесленников, торговцев и порой зажиточных людей, может быть, даже мелких собственни-

ков, владевших землёй и рабами⁴. Развитие ремёсел и торговли в связи с притоком сельского населения в города способствовало росту городов. Во многих частях страны возникали новые города, административные и хозяйственные центры, жизнь которых облекалась в цовые формы социального быта. Типичен в этом отношении город Кахун, находившийся у впадения Бар-Юсуфа в Фаюмское озеро, около современного Иллахуна. Этот город, построенный Сенусертом II, просуществовал недолго. Здесь царём была воздвигнута пирамида, и вокруг царской гробницы быстро возник город. Он был построен по определённому плану, всюду преобладали правильные геометрические формы, прямые улицы перекрещивались под прямыми углами, весь город был окружён кирпичной стеной. Размеры и внутреннее устройство домов дают представление о резком социальном расслоении. Очевидно, в этом городе наряду с богачами жили представители среднего городского слоя, ремесленники и мелкие торговцы; в маленьких хижинах ютилась беднота. В так называемом «рабочем квартале», расположенном в западной части города на сравнительно небольшой площади (240 × 105 м), крохотные лачуги бедняков тесно жались друг к другу. В этом скученном человеческом муравейнике царили теснота и нищета. И тут же, в пределах того же города, гордо возвышались богатые дома, почти усадьбы, аристократов, занимавшие нередко большие участки земли (45 × 60 м) и в 50 раз превышавшие по размеру домики бедняков. Дома богачей, состоявшие порой из 70 комнат и коридоров, были сосредоточены в восточном, аристократическом квартале. Промежуточное положение занимали домики надсмотрщиков: они были несколько больше, чем хижины бедняков, но всё же значительно уступали по размерам дворцам аристократов. Очевидно, в этих домах жили не только надсмотрщики, но и вообще различные представители средних, свободных слоёв городского населения, тесно связанные с ремеслом и торговлей. Квартал богачей был отделён от города бедняков толстой стеной; особенно толстыми стенами был защищён дворец, возможно, принадлежавший царю.

Должно быть, не совсем спокойно чувствовали себя в своих усадьбах жрецы и чиновники, окружённые массами трудового люда, жившего в нищете⁵. Голод подкрадывался к лачугам бедняков и рабов, уделом которых были подневольный труд и нищета.

Надписи приводят цифры, рисующие низкий прожиточный минимум: 3—4 хлеба и две кружки пива в день. Всякий физический труд казался в те времена проклятием судьбы. Крестьянин и ремесленник были осуждены на тяжёлый и беспросветный, не-

¹ Breasted J. Ancient records of Egypt. Vol. I, p. 189. 1906.

² Newberry P. Beni-Hasan, passim.

³ Erman A. Zehn Verträge aus dem Mittleren Reiche. AZ, S. 171. 1882.

⁴ Breasted J. Op. cit. Vol. I, p. 259.

⁵ Petrie. Illahun, Kahun and Gurob, p. 5, sqq. 1891; Petrie. Kahun, Gurob and Hawara, p. 21 sqq. 1891; Erman-Ranke. Aegypten und ägyptisches Leben im Altertum, S. 197—199. 1923.

благодарный труд. В известном «Поучении Дуауфа» отец предупреждает сына о лишениях и испытаниях, ожидающих человека в жизни в том случае, если он не идёт по единственно лёгкой и почётной жизненной дороге — писца и чиновника. Кузнец, каменщик, цырюльник, ткач, прачечник, рыбак и крестьянин должны всю жизнь тяжело трудиться. Только писец благоденствует. «Смотри, нет такой работы, где бы не было надсмотрщика, за исключением работы писца, ибо писец — сам надсмотрщик... Ты будешь посылать многих, если будешь слушать слова старших... Нет писца, лишённого пропитания от достояния царского дома. Богиня рождения даёт обилие писцу, его ставит во главе суда. Благодарят бога его отец и его мать — он направлен на путь жизни».

В этом кратком, но выразительном поучении нарисована яркая картина глубокой социальной розни¹. Так же хорошо иллюстрирует социальный быт этой эпохи другое литературное произведение времени Среднего царства, так называемые «Жалобы крестьянина». По существу, это острая социальная сатира. Крестьянин жалуется царю на то, что у него незаконно отняли осла, нагружённого кладью. Царь с удовольствием слушает речи крестьянина, построенные по всем правилам древнеегипетской риторики, приказывает выдавать ему паёк и не отпускает от себя. Крестьянин просит царя оказать ему правосудие, жалуется на свою тяжёлую судьбу².

Глубокая социальная рознь приводит к обострению классовой борьбы. Наступает смута в стране, время больших неурядиц и усобиц. Центральная власть фараонов слабеет. Династия могущественных Аменемхетов и Сенусертов уступает место узурпаторам, которые быстро чередуются один за другим. Судя по небольшому количеству памятников, сохранившихся от этой эпохи, это было время упадка единой и центральной государственной власти. Туринский папирус, некоторые надписи этой смутной эпохи и конспект Манефона сохранили в общей сложности большое количество имён царей этого времени. Однако общая продолжительность их царствования невелика. Судя по всем данным, от конца 12-й и до начала 18-й династии прошло немногим более 200 лет. Манефон делит этих царей на династии, правившие в Фивах, в Ксоисе и в Аварисе. Однако трудно предположить, что это были династии, связанные узлами кровного родства и законного престолонаследия. Весьма возможно, что в эту смутную эпоху, во всяком случае в течение царствования фараонов 14—17-й династий, Египет делился на ряд самостоятельных царств и что многие из фараонов, имена которых сохранили памятники и историческая традиция, царствовали одновременно в разных частях страны, а иногда даже соперничали между собой. В надписи одного из фиванских царей, Неххепер-Ра Интефа, говорится о наказании

некоего Тети, сына Минхотепа, происходившего из Контоса. Царь отрёшил виновного в «дурном деле» от должности и лишил его и всё его потомство принадлежавших им доходов. И вместе с тем царь проклинал тех «царей и правителей», которые ему оказывали снисхождение. Очевидно, это были царьки отдельных маленьких царств и областей, на которые распался Египет в эту эпоху продолжительных и глубоких смут³.

Сходство некоторых имён позволяет лишь очень приблизительно установить отдельные группы Интефов, Себекхотепов, Себекемсафов и Неферхотепов, которые, весьма возможно, царствовали в Верхнем Египте и центром влияния которых, может быть, были Фивы⁴. Лишь о некоторых из этих многочисленных царей мы получаем скудные сведения из документов и памятников эпохи Среднего и Нового царств. Так, Ра-сехемху-тауи Аменемхет Себекхотеп был, очевидно, погребён в фиванском некрополе, так как его гробница была ограблена в эпоху Рамессидов так же, как гробница Себекемсафа и его жены царицы Нубхас⁵. На это указывают акты специальной следственной комиссии, назначенной при Рамзесе IX для расследования дела о массовом разграблении царских погребений. Надписи с его именем были найдены в разных местах Египта, от Бубастиса до второго нильского порога. О другом Себекхотепе той же эпохи мы знаем ещё меньше. Имя его было найдено на разных предметах в Карнаке, Элькабе, Абидосе и Гебелеине. Несколько яснее выступает из тьмы веков фигура Неферхотепа, оставившего в Абидосе большую историко-религиозную надпись. Его резиденция находилась севернее Абидоса, однако он бывал и в районе Геллиополя. Его имя встречается около 10 раз в области порогов; на одном камне в Карнаке были найдены его имя, имя его брата и преемника. Пипер думает, что двойная статуя, найденная в Карнаке, изображает этих двух царей, которые, по предположению Марриэта, были соправителями⁶.

Судя по тому, что Неферхотеп царствовал 11 лет, что после него царствовали подряд два его брата и что его надписи были найдены в разных местах Египта, можно думать, что он сумел на время сосредоточить в своих руках власть над всем или почти всем Египтом. Особенный интерес представляет его большая надпись, найденная в Абидосе, в которой он описывает сооружение памятника Озирису в Абидосе и организацию особых религиозных церемоний, очевидно, имевших целью укрепление культа Озириса и тем самым царя, как его сына и наместника в Египте⁷.

³ Breasted J. Op. cit. Vol. I, p. 339—341.

⁴ Weill R. Fin du Moyen Empire égyptien. Vol. I, p. 4—6. 1918.

⁵ Breasted J. Op. cit. Vol. IV, p. 265.

⁶ Pieper M. Die grosse Inschrift des Königs Neferhotep in Abydos, S. 46. 1929.

⁷ Ibidem, S. 49, ff.

¹ Erman A. Literatur der Aegypter, S. 104—105. 1923.

² Erman A. Op. cit., S. 157—175.

Однако ни одному царю этой эпохи не удалось образовать прочную и сильную династию. Неферхотеп, как и его предшественник, был сыном простого человека. В своей надписи он называет себя сыном «отца бога» (или «божественного отца») Хаанхефа и царицы-матери Кема. Жреческий титул «отец бога» встречается в предшествующий период, а также позднее, в эпоху Нового царства, и, что особенно важно, в эпоху Эхнатона. Трудно сказать, носили ли эти титулы родители Неферхотепа до его вступления на престол или они их получили только после того, как этот узурпатор заволадел короной Египта. Более существенно то обстоятельство, что Неферхотеп был, очевидно, связан с жречеством, в частности с жреческой коллегией Абидаоса, совершенно так же, как некоторые другие фараоны 13-й династии, которые в своих надписях подчёркивают связь с культом Пта в Мемфисе¹. Очень многие фараоны 13-й династии, очевидно, являясь представителями различных социальных группировок, может быть, вознесённые на вершину власти восставшими средними слоями населения, не считали нужным даже в официальных надписях скрывать своё простое происхождение.

Так, на некоторых надписях этой эпохи и в списках царей мы находим далеко не царские имена пятого царя 13-й династии Юфни, далее царя Иа-иб, царствовавшего 10 лет и 8 месяцев, некоего Мермешау, имя которого означает «начальник воинов». Две колоссальные статуи этого, весьма возможно, военного узурпатора, опиравшегося на войско, найдены в храме Пта в Танисе².

Человеком не царского рода был и Нехси, имя которого в переводе означает «негр» (или нубец) и довольно часто встречается как обычное имя частного человека. Очевидно, Нехси, так же как Мермешау и некоторые другие цари этого времени, может быть отнесён к особой группе северноегипетских царей, особенно тесно связанных с Дельтой, в частности с Танисом. Имя Нехси было обнаружено в краткой надписи на одном фрагменте каменного косяка из Таниса. В этой надписи упоминается «памятник Сета, владыки Ра-ахета»³. Статуя Нехси найдена в Леонтополе (Тель-Мокдам), во внутренней Дельте. На этой статуе сохранилась также надпись, в которой Нехси назван «любимым Сетом из Авариса»⁴.

Все эти факты ясно указывают на то, что Нехси уже жил в ту эпоху, когда существовал город Аварис, ставший столицей гиксосов, и когда в Египте стал укрепляться культ бога Сета, обычно отождествлявшегося с иноземными азиатскими богами (Бэл, Решеф). Культ Сета, очевидно, энергично насаждался в Египте гиксосскими ца-

рями, как на то указывают краткие надписи этой эпохи и позднейшая историческая традиция.

Резкое социальное расслоение и обострённая классовая борьба привели к крупным социальным движениям, которые потрясли здание вековой древнеегипетской государственности именно в эту эпоху ослабления центральной власти и иноземных вторжений. Против царя и царской власти поднялись орды азиатско-иноземцев и недовольные элементы внутри страны. На это указывают особые тексты «поношения иноземцев», сохранившиеся на черепках и относящиеся к 13-й династии. Как указывает издатель и комментатор этих текстов, К. Зете, эти надписи содержат формы слов, типичные для Древнего царства, но облечённые в орфографию времени Среднего царства. Надписи сохранились на черепках, которые, очевидно, являются частями сосудов, разбиравшихся при совершении определённой религиозно-магической церемонии. Магический обряд «разламывания красных горшков» с именами князей, племён и частных людей, враждебных царю, должен был символизировать магическое уничтожение всех этих враждебных элементов. Тут упоминаются азиаты на севере, нубийцы на юге, ливийцы на западе (Хатиу в Ливии), отдельные иноземные князья, а также египтяне, очевидно, вожди восставших против царя. Надписи дают интересный историко-географический материал, характеризующий сферу влияния Египта в соседних странах и те пограничные зоны, которые требовали особенно внимательного отношения к себе со стороны египетского правительства, так в себе большие для Египта опасности. Среди географических имён следует указать на Библ, Палетир и Яримут, часто упоминающиеся в амарнских текстах. Упоминаются и особые «люди из гавана»: очевидно, беспокойный люд приморских городов, состоявший из рабов, бедняков и представителей средних слоёв торгово-ремесленного городского населения. С этими людьми в эпоху крупных социальных сдвигов рабоче-владельческому государству, аристократии и царю приходилось особенно считаться⁵.

Яркий свет на эти глубокие социальные движения проливают дидактические произведения этой эпохи, тесно смыкающиеся со своеобразными религиозно-философскими поэмами и трактатами. Поучения, вложенные в уста мудрецов Ипувера, Неферреху, Хгхеперра-сенеба-Онху, «Поучение», обращённое к царю Мери-Ка-Ра, и высокохудожественная «Беседа разочарованного со своей душой» образуют единый цикл литературных произведений, в которых описываются реально-исторические события, главным образом, смуты, усобицы и восстания. Наставления гераклеопольскому царю Мери-Ка-Ра, сохранившиеся на одном ленин-

¹ Meyer Z. Op. cit., S. 303.

² Ibidem.

³ Petrie. Tanis. Vol. I, p. 8—9, pl. 3, 19. A.-D.; Weill R. Op. cit., p. 196.

⁴ Meyer E. Op. cit., S. 305.

⁵ Sethe K. Achtung feindlicher Fürste, passim. 1926, passim. A. Alt. A. Z. 63, SS. 40—42 (1927).

градском папирусе¹, и «Беседа разочарованного со своей душой» являются типичными образцами классической литературы Среднего царства. Очевидно, под их некоторым влиянием возникли значительно позднее близкие к ним по форме, литературные по оформлению и глубоко исторические по содержанию «Обличения Ипувера», «Поучение Неферреху» и «Наставление Хахеперра-сенеба-Онху». Авторы этих дидактических поэм — консервативно, больше того, реакционно настроенные представители высшей, возможно, придворной аристократии — рисуют яркие картины «бедствий», которые потрясают до основания здание рабовладельческого общества. Судя по тому, что в этих текстах упоминаются иноземцы, широкой волной хлынувшие в страну, заполнившие весь Египет и, возможно, захватившие реальную власть в свои руки; судя по тому, что здесь говорится о восстаниях, возникших в городах и поднявших широкие слои городского населения; наконец, судя по типичным для этой эпохи именам (Ипувер) и по ряду отдельных характерных черточек, приходится признать, что в этих «Поучениях», главным образом в «Поучениях» Ипувера и Неферреху, описываются вполне исторические события, происходившие в глухой период между Средним и Новым царствами, когда в Египет стали вторгаться гиксосы и когда крупное социальное движение волной прокатилось по всей стране.

В «Поучении Ипувера», сохранившемся в Лейденском папирусе № 344-recto, даётся чрезвычайно яркая картина большого народного восстания. Богатство реалистических деталей, стремление автора правдиво описать, то, что он видел своими глазами, глубокое внутреннее чувство, сквозящее в каждой фразе, постоянные противопоставления «вчера» и «сегодня», «людей вчерашнего дня» и «тех, кто возвысился сегодня», — всё это заставляет видеть в той яркой картине социальных смут, которая с большим художественным мастерством нарисована древнеегипетским писателем, подлинное отражение реальной действительности, что принуждены

признать и буржуазные исследователи этого текста — Ланге и Гардинер².

Основной причиной крупного народного восстания, происшедшего приблизительно в XVIII в. до х. э. и описанного в «Поучениях» Ипувера и Неферреху, было глубокое социальное расслоение, на что указывают данные тексты. Подавляющее количество материальных богатств было сосредоточено в руках аристократов, которые в текстах обычно называются «шесу» — благородный, почтенный, знатный, иногда «са-си» — «сын человека», т. е. сын известного, знатного человека. Встречается и древний социальный термин «серу», со времён Древнего царства обозначающий знатного аристократа, высокого чиновника и даже князя. К ним отчасти примыкают богатые горожане, новая социальная группировка, образовавшаяся в эпоху Среднего царства, представители которой получали наименование «сильные неджесы». Все эти люди образуют экономически мощный социальный слой имущих, богачей, имеющих в своём распоряжении большие массы рабов, землю и прочие ценности. Против них широкой волной подымаются трудовые массы народа, состоящие из свободных бедняков (шуау и хуру) и рабов (джет). Недримиримая рознь между этими двумя антагонистическими социальными группами с предельной яркостью отражена в «Поучении Ипувера». Глубоко консервативный, реакционно настроенный автор этого «Поучения», в мрачных красках описывающий картину глубокой социальной смуты и общей разрухи, восклицает: «Не брагаются князья со своими людьми, когда те радуются!»³. И в другом месте: «Богачи в отчаянии, бедняк полон радости»⁴. Очевидно, гнев восставшего народа своим остриём был направлен против знатных, богатых людей, которые раньше имели всё, а после победы народа принуждены испытать те бедствия, которые некогда терпели бедняки. Так, в «Поучении Ипувера» мы читаем: «Знатные женщины страдают подобно рабыням»⁵. Мощное народное движение приводит к социальной нивелировке. «Не отличают больше сына человека... Ребёнок его жены становится (подобным) ребёнку его служанки»⁶. Все социальные перегородки рушатся. Богачи теряют привилегированное положение в обществе. «Нет больше человека вчерашнего дня»⁷, — образно говорит Ипувер, указывая тем самым, что те, которые имели вчера в своих руках богатство и власть, ныне принуждены уступить своё место «новым людям», вышедшим из толщи народных масс. Перед нами характерное для этой эпохи и для этих текстов противопоставление того, что было вчера, тому, что наступило сегодня, людей «вчерашнего дня» людям новым. Всё это указывает на то, что перед

¹ Gardiner A. Admonitions of an Egyptian sage. 1909; Струве В. Реченье Ипувера. М. 1935; Авдиев В. Восстание рабов в Египте. «Борьба классов» № 6 за 1936 год. Papyrus hiératiques № 1116, 1116-A et 1116-B de l'Ermitage impérial à St.-Petersbourg. 1913; Струве В. Papyrus 1116-B и пророческая литература Египта. «Записки Коллегии востоковедов». Л. 1925; Erman A. Literatur der Aegypten, S. 100—110, 1923; Erman A. Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele. 1896.

² Gardiner. Admonitions, p. 18, ср. Weill. Op. cit. Vol. I, p. 30, 133—134; Moret A. Accession de la plèbe égyptienne aux droits religieux et politiques sous le Moyen Empire. Recueil de mémoires, dédiées à Champollion, p. 343—344. 1922.

³ Gardiner. Admonitions, p. 8.

⁴ Ibidem, p. 25.

⁵ Ibidem, p. 26.

⁶ Ibidem, p. 28.

⁷ Ibidem, p. 30.

⁸ Ibidem, p. 24.

нами крупное социальное движение, идущее снизу, приобретающее форму народного восстания, направленного против богачей. Основной движущей силой его являются бедняки и рабы, которые стремятся прежде всего захватить в свои руки имущество богачей.

«Бедняки, — читаем мы в Лейденском папирусе, — становятся владельцами хороших вещей. Тот, кто не мог сделать себе сандалий, становится владельцем богатств»¹. Происходит крупный социальный сдвиг. Те, которые раньше не имели собственности и поэтому носили презрительную кличку «хуру» (бедняк, голы, ср. греч. *κακοί*), захватили имущество богачей и стали собственниками. Те же, которые до этого восстания представляли собой имущий и зажиточный слой населения, владели «вещами», по образному выражению древнеегипетского текста, превратились в людей, ничего не имеющих.

К беднякам присоединяются рабы. Их экономические интересы почти совпадают. И те и другие обездолены, лишены имущества и осуждены на жалкую, голодную, нищенскую жизнь. По образной поговорке того времени, «имя бедняка называют лишь ради его господина»². И бедняк и раб не имеют никакого общественного веса. Несчастный крестьянин, у которого отняли его скромное имущество, жалуясь на свою печальную судьбу, говорит управляющему имением: «Ты бьёшь меня, ты грабишь моё имущество, и теперь ты даже вынимаешь жалобу из моего рта». Бедняки, сплошь да рядом попадавшие в долговую кабалу, чувствовали на себе тяжёлое иго подлинного рабства. Поэтому естественно, что рабы в эпоху крупного социального движения должны были идти в ногу с восставшими низами свободного трудового населения. Их классовые интересы совпадали. В Эрмитажном папирусе говорится о «возвышении» рабов³ и о том, что бедняки едят жертвенное мясо. В тексте Лейденского папируса рисуется яркая картина самовольного освобождения рабов. Рабы чувствуют себя свободными, у рабынь «освобождается» язык⁴. Эта примитивная свобода слова быстро перерастает в свободу действий. Восставшие врываются в служебные помещения, в канцелярии и архивы, где хранятся документы и податные списки, и уничтожают акты, фиксирующие социальные привилегии богачей. Это приводит к освобождению рабов. Больше того: «Рабы становятся господами рабов»⁵. Они получают все права свободных, а понятие «свободный» было тогда адекватно понятию «рабовладелец». Вполне естественно, что народное движение не могло привести в ту эпоху к полной ломке социальных отношений, к коренному

переустройству общества, которое далеко ещё не изжило всех своих внутренних ресурсов. Происходит лишь перестановка социальных сил.

Эта перестановка социальных сил происходила в деревне и в городе. И тут и там образовались слои мелких собственников, которые в текстах этой эпохи и называются «мелкими», или «маленькими» (неджес). Дальнейший процесс социального расслоения приводил к тому, что неджесы в свою очередь делятся на зажиточных хозяев, с одной стороны, и очень мелких владельцев, располагающих поистине карликовым хозяйством, — с другой. Богатые неджесы, как показывают контракты Хеп-дже-фа, владели землями и крестьянами (очевидно, рабами) и наравне с князьями и чиновниками делали взносы в храмы⁶. В папирусе Государственного Эрмитажа № 1116-B-recto, содержащем «Поучение Неферреху», главным действующим лицом выступает «неджес, могучий рукой своей», который имеет больше имущества, чем подобные ему, и которого поэтому автор текста называет «владыка приказаний»⁷. Но наряду с ними живут и работают бедные неджесы, которые сами пахут свои поля и сами погружают после жатвы то, что им родит земля, на лодку и, наконец, сами, как бурлаки, тащат лодку с грузом. Это люди, имевшие незначительную собственность, но фактически находившиеся на положении бедняков. Им приходилось вести нищенскую жизнь и вымалывать себе ужин, как подающие⁸.

У нас нет достаточно данных, чтобы восстановить картину социального переворота, происшедшего в сельских районах Египта. Это особенно трудно сделать, так как и зажиточные и самые мелкие владельцы назывались одним общим социальным термином — «неджес». Но мы вправе предположить, что их интересы далеко не всегда совпадали и что их разделяла определённая классовая рознь. Автор «Поучения» — Ипувер, явный сторонник аристократического строя, — красноречиво говорит о лишениях и испытаниях неджесов в годину большой смуты. Если автор имеет в виду зажиточных, то он, несомненно, рисует картину реальной действительности; если же эти неджесы были очень мелкими собственниками, находившимися на краю нищеты, то либо и их захлестнула волна стихийных экспроприаций либо им несколько лицемерно сочувствовал гордый аристократ, пытаясь на них опереться, играя на их мелко-собственнических интересах и убеждая их в том, что революция принесёт им лишь ущерб и страдания. И поэтому несколько театрально, почти демагогически звучат слова Ипувера: «Неджес (жалуется): «Как ужасно это! Что я буду делать?.. По-

¹ Gardiner. Admonitions, p. 24.

² Erman A. Literatur der Aegypter, S. 160.

³ Эрмитажный папирус № 1116-B-recto, l. 57.

⁴ Gardiner Admonitions, p. 40—41.

⁵ Ibidem, p. 48.

⁶ Breasted J. Ancient records. Vol. I, p. 262.

⁷ Эрмитажный папирус № 1116-B-recto, 9—11.

⁸ Берлинский папирус № 3024. XVII, 69—70. XIX, 80—81; Erman A. Gespräch eines Lebensmüden, S. 9, 45, 49.

гибло то, что можно было видеть вчера. Страна истощена, подобно сжатому льняному полю. Неджесы... в отчаянии». И пусть умоляет бедный неджес о пощаде. Его схватывают, на него нагружают его имущество. Его грабят. Он должен быть постоянно настороже. Он теряет своё имущество, свой дом и принуждён жить в палатке, доведённый до полного разорения¹.

В одном месте Лейденского папируса бедствия богача, знатного «мужа» (человека), сопоставляются с лишениями неджеса. Богача убивают на крыше его дворца, а у неджеса отнимают его дом. В живом и образном рассказе искусного оратора и тонкого политика изображение подлинной действительности переплетается с почти неуловимой демагогией².

Большую роль в социальной борьбе той эпохи сыграл средний городской слой населения, состоявший из мелких ремесленников, торговцев и, может быть, даже самых низших разрядов писцов. Промежуточное положение этого слоя делало его нерешительным и колеблющимся. Однако нельзя сомневаться в том, что экономически наиболее слабые представители этого слоя должны были примкнуть к восставшим и свергнуть гнёт богачей. Таким образом, восстания охватили города с их пёстрым населением. О восстаниях в городах мы читаем уже в произведениях классической эпохи литературы Среднего царства. Так, в Берлинском папирусе № 3024 говорится о городе, который страдает от восстания (бешет)³. А в «Поучения гераклеопольскому царю» рисуется яркая картина восстания, поднятого в городе. Главарь мятежников создаёт две группы среди молодёжи. Царь, предвидя возможность того, что горожане примкнут к мятежу, советует в таком случае привлечь восставших к суду вельмож, осудить его, изгнать из страны, «ибо он враг»⁴. Такие же восстания, но, очевидно, в более крупном масштабе разгорелись в египетских городах в XVIII в. до х. э., когда под напором восставших масс рухнули вековые устои египетского общества и государства. Эти восстания своим остриём направлены против богатых и зажиточных слоёв аристократического городского населения. «Будут ненавидеть жителей города из-за замалчивания слов»⁵, — читаем мы в «Поучении Неферреху».

В Лейденском папирусе уже изображена картина восстания. Тяжёлое иго богачей свергнуто. Те, которые имели раньше в своём распоряжении всё и заставляли работать бедняков и рабов, должны работать сами.

Они должны размалывать зерно на зернотёрках, т. е. совершать наиболее тяжёлую и презренную работу, которую раньше обычно делали рабыни⁶. Людей, которые раньше носили тонкую льняную одежду, т. е. представителей богатых слоёв городского населения, ныне избивают. Женщины, «которые раньше покоились на ложах своих мужей, пусть они теперь спят на кораблях»⁷.

В городах мы видим ту же острую социальную борьбу, которая охватывает всю страну. Восставшие в городах (в тексте буквально говорится «каждый город», что ясно указывает на повсеместность и большой размах восстания) требуют изгнания сильных (кану), т. е. могущественных и богатых⁸. Социальная борьба достигает высокого напряжения. В процессе борьбы «города разрушаются»⁹. Ремесленники отказываются работать. Замирает некогда интенсивная хозяйственная жизнь¹⁰.

Судя по тексту Лейденского папируса, это было очень крупное восстание; оно охватило всю страну. Дельта, наводнённая иноземцами, превратилась в военный лагерь. «Жители болот, — как говорит автор текста, — вооружены щитами»¹¹.

С большой силой разгорается восстание на юге, в результате чего богатые области Южного Египта превращаются в пустыни¹². Восставшие бедняки и рабы, стремясь к улучшению своего материального положения, захватывают имущество богачей. Происходит перераспределение собственности в грандиозном масштабе. Первые симптомы этого грядущего переворота намечались уже и ранее и нашли своё отражение в произведениях классической литературы Среднего царства. Так, описывая бедствия страны, автор «Беседы разочарованного со своей душой», очевидно, представитель аристократического класса, с горечью восклицает: «С кем мне говорить сегодня? Сердца (стали жестокими). Каждый человек отнимает имущество у своего ближнего»¹³. Но то, что производилось ранее в порядке отдельных, случайных захватов, становится теперь грандиозным стихийным социальным движением, во время которого восставшие против векового гнёта трудовые массы пытаются восстановить нарушенную социальную справедливость. Авторы Эрмитажного и Лейденского папирусов рисуют чрезвычайно яркую картину этого захвата имущества богачей бедняками: «Отнимается собственность человека у него. Она передаётся другому. Я покажу тебе собственника лишь с небольшим (имуществом), чужого же удовлетворённым. Ничего не делавший, он завладевает, опустошая (дру-

¹ Gardiner. Admonitions, p. 27. 44—45, 71.

² Ibidem, p. 84—85.

³ Берлинский папирус № 3024. XXVIII, 101—102. Erman A. Gespräch eines Lebensmüden, S. 55—56.

⁴ Эрмитажный папирус № 1116-B-recto, 24—26.

⁵ «Записки Коллегии востоковедов». Т. I, стр. 215. 1925.

⁶ Gardiner. Admonitions, p. 38—39.

⁷ Ibidem, p. 38.

⁸ Ibidem, p. 26.

⁹ Ibidem, p. 28.

¹⁰ Ibidem, p. 69.

¹¹ Ibidem, p. 19.

¹² Ibidem, p. 28.

¹³ Берлинский папирус № 3024. XXX, 104 и 106; Erman A. Gespräch eines Lebensmüden, S. 57.

гих)... Бедным стал богатый своими доходами... Человек слабый рукой становится владельцем руки. Спрашивают о здоровье у того, кто сам справлялся прежде о здоровье. Я покажу тебе нижнее над верхним, если ты последуешь за мной... Бедняк создаёт себе богатства больше (то, что вызывает удивление), чем существующее теперь»¹, — читаем мы в тексте Эрмитажного папируса.

Аналогичную картину такого грандиозного перераспределения собственности находим мы в тексте Лейденского папируса. Огромный социальный переворот, происшедший в стране, автор сравнивает с вращением гончарного круга. Тот, кто был бедняком, становится ныне богатым, а тот, кто был богатым, ныне разорён. Автор приводит ряд образных примеров разорения богатей и обогащения бедняков. Его примеры кажутся читателю выхваченными из живой, реальной действительности — настолько они жизненны и конкретны. Само собой разумеется, что реакционно настроенный автор текста с возмущением и негодованием говорит о захвате имущества богатей. Все его симпатии на их стороне. Восставших он готов считать разбойниками и бандитами. В его рассказе выпукло отражена острая социальная борьба.

Но мало было свергнуть богатей и захватить их имущество, произведя полное перераспределение собственности. Для того чтобы закрепить за собой плоды своих побед, восставшие бедняки и рабы должны были сломать аппарат гнёта и принуждения, бюрократическое и деспотическое государство, которое охраняло интересы правящего класса рабовладельческой аристократии, санкционируя безудержную эксплуатацию трудовых масс. Неслыханное в истории древнего Египта посягательство восставших масс на непререкаемый ранее авторитет аристократов, чиновников, государственных учреждений, суда и даже обоготворяемого царя ярко описано в тексте Лейденского папируса. Это неповиновение власти начинается с отказа населения платить подати. За этим следует уничтожение документов, узаконявших жестокие формы угнетения. «К чему нужно казначейство без податей!» — восклицает возмущённый неповиновением масс реакционно настроенный аристократ Ипувер. Восставшие врываются в судебные палаты, в канцелярии и архивы. Они убивают чиновников, расхищают документы, податные списки, выбрасывают свитки законов, «люди топчут их на перекрёстках, а бедняки вскрывают их на улицах»², как образно говорит автор лейденского текста. Открываются двери великих судебных палат, в них толпится простой народ. Бедняки проникают в высшие государственные учреждения. Восставшие делают смелую попытку уничтожить государственный аппарат власти и захватить все его органы в свои руки.)

¹ Эрмитажный папирус № 1116-B-recto. ll. 47—48 sqq. «Записки Коллегии востоковедов». Т. I, стр. 215—216. 1925.

² Gardiner. Admonitions, p. 46—51.

Но своей высшей точки восстание достигает в тот момент, когда массы врываются в царский дворец и свергают с престола царя. Восставшие проникают даже в царские усыпальницы и выбрасывают из гробниц мумии умерших царей, которых жрецы объявляли богами для того, чтобы внушить массам уважение к непререкаемому авторитету безгрешного, обоготворённого царя. Так, восставшие сделали смелую попытку порвать с древним культом обоготворения царей и освободиться от древней религии, которую им навязывали жрецы. С ужасом рассказывает об этом Ипувер: «Происходят события, которые никогда не происходили с древнейших времён. Бедняки (хуру) прогоняют царя. Тот, кто был погребён, как сокол (бог солнца Гор), лежит теперь на носилках. То, что скрывала в себе пирамида, теперь пусто. И вот дело дошло до того, что несколько незаконных людей лишили страну царской власти. Люди восстали против царской змеи (диадема в форме змеи — знак царской власти), умиротворяющей обе страны. Тайны страны, границы которой были неведомы, разоблачены. Столицу разрушили в одно мгновение... Тайна царей Верхнего и Нижнего Египта разоблачена»³.

Так развёртывается, ширится и углубляется крупное социальное движение, подлинное восстание народных масс против существующего строя и государства. Но близорукий аристократ, описывающий его в своём «Поучении», упорно отказывается признать его массовый, стихийный характер: Он видит в нём лишь результат преступной деятельности нескольких безумцев. Это восстание против царя и царской власти кажется египетскому аристократу настолько чудовищным, невероятным и небывалым, что он пытается его объяснить тем, что якобы «несколько незаконных людей» подстрекнули к этому делу, неслыханному в истории Египта, трудовые массы населения.

Так же пытается объяснить в своём «Поучении» восстание против царя Аменемхет I: «Неужели женщины подготовили восстание? Неужели борьбу подготовили внутри дворца? Неужели граждан обманули, введя их в заблуждение относительно этого дела?»⁴.

Разрушение старого государственного аппарата, в значительной степени регулирующего хозяйственную жизнь страны, и грандиозное перераспределение частной собственности, стихийно произведённое восставшими массами, должны были неминуемо вызвать острую экономическую разруху, конечно, несколько преувеличенную консервативно настроенным автором лейденского текста, склонным все события этой смутной поры видеть в чёрном свете. Автор не скрывает своего злорадства по поводу того, что восстание окончилось народными бедствиями и массовым голодом. Уничтожение старого аппарата власти привело к смутам и беспорядкам. «Все должности не

³ Ibidem, p. 54—55.

⁴ Erman A. Literatur der Aegypter. S. 107—108.

на своих местах, подобно испуганному стаду без пастуха»¹, — говорит Ипувер. Появились бандитские шайки, и вся страна наполнилась грабителями. «Даже приаратники стали говорить: «Пойдём и станем грабить»².

Хозяйство страны приходило в упадок. Боясь потерять урожай, владельцы полей перестали вспахивать землю. «Нил разливается, но никто уже больше не пашет. Каждый человек говорит: «Ведь мы не знаем, что творится в стране»³. Смуты, царившие в стране, создавали неуверенность в завтрашнем дне и вызывали застой в хозяйственной жизни страны. Так как земледелие занимало преобладающее положение в экономике Египта, то естественно, что кризис в земледелии должен был вызвать общую экономическую разруху и повлечь за собой массовый голод. В описании этого восстания мы читаем о том, что люди начинают питаться травой, отнимают пищу даже у свиньи и не гнушаются всякими отбросами. Даже птицы не находят себе пропитания. Голод царит в стране. Зерно гибнет. Хлебные амбары разрушены. Нет масла, нет тканей.

Такой же застой охватывает и ремесло. Ремесленники перестают работать. Замирает и торговля, которая так пышно расцвела в предшествующую эпоху экономического подъёма Египта. Прекращение внешней торговли особенно больно ударяет по аристократии, ранее получавшей большие прибыли от заморской торговли с соседними странами. Ипувер с горечью говорит о том, что египетские корабли уже больше не плывут на север, в богатый сирийский город Библ, с которым Египет был издавна связан тесными торговыми узлами. В Египет уже больше не доставляют сирийские товары, в частности ливанские кедры, прекрасный строевой и мачтовый лес, служивший также для изготовления саркофагов. Не доставляют также и кедровую смолу, при помощи которой «бальзамировали тела вельмож вплоть до страны Кефтиу»⁴. Падает торговля, исчезает из обращения золото. «И уж действительно крупным событием кажется, когда торговцы привозят из соседних оазисов праздничные благовония, свежие растения (может быть, овощи) и птицу». В этих словах Ипувера явно звучит ирония, так как торговля Египта с оазисами, конечно, занимала ранее незначительное место в общей системе его внешней торговли. В результате смуты, экономической разрухи и анархии, воцарившейся в стране, Египет теряет богатые рынки в Сирии и Нубии. И в довершение всех бедствий мор распространяется по стране. Всюду царит смерть. «Кровь течёт повсюду»⁵.

Но если это восстание поколебало до основ устои рабовладельческого общества,

то вполне естественно, что одновременно с этим оно должно было затронуть и устои древнейшего классового общества — патриархальную семью, которая в значительной степени способствовала сосредоточению в руках аристократии крупных богатств и в то же время была оплотом жестокой рабовладельческой эксплуатации трудовых масс. На это значение патриархальной семьи, внутри которой зарождались древнейшие, ещё скрытые формы патриархального рабства и которая в своём росте разрушала старый, родовой строй, указал Энгельс в своём труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено падением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. Но это создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, и притом грозной силой, противостоящей роду»⁶. Ещё яснее вскрыто социально-экономическое значение патриархальной семьи в «Немецкой идеологии»: «Вместе с разделением труда, — в котором даны все эти противоречия и которое, в свою очередь, поконится на естественно возникшем разделении труда в семье и на распаде общества на отдельные, противостоящие друг другу семьи, дано и распределение, притом неравное, как количественно, так и качественно, распределение труда и его продуктов, т. е. собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети находятся в рабском подчинении у мужчины. Рабство в семье — правда, ещё очень примитивное и скрытое — есть первая собственность, которая, впрочем, уже и в этой форме вполне отвечает определению современных экономистов, согласно которому она есть распоряжение чужой рабочей силой»⁷.

Ряд конкретных фактов из истории древнего Востока прекрасно иллюстрирует чёткие характеристики древнейшей, патриархальной семьи, данные в трудах основоположников марксизма. Патриархальная семья действительно была оплотом эксплуатации в эпоху перехода от родового строя к рабовладению. Поэтому естественно, что во время большой омуты, разделившей на два враждебных лагеря древнеегипетское общество, эта патриархальная, ранее крепкая и сплочённая семья должна была распасться на тех «больших» и «малых», о которых говорят некоторые древнеегипетские тексты. Младшие, поработанные члены патриархальных семей, воспользовавшись социальной смутой, смогли восстать против своих господ.

На первые симптомы этого распада семьи указывает автор Берлинского папируса № 3024 в следующих знаменательных словах: «С кем мне говорить сегодня? Братья

¹ Eрман А. Literatur der Aegypten, S. 143. Gardiner. Admonitions. p. 66.

² Gardiner. Admonitions, p. 19.

³ Ibidem, p. 24.

⁴ Ibidem, p. 32.

⁵ Ibidem, p. 25.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1-я, стр. 138.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 22—23.

стали плохими»¹. Но в эту эпоху смуты распад семьи достигает угрожающих для классового общества размеров. Возникают раздоры в семье, и «отец смотрит на своего сына, как на врага»², так как в патриархальной семье сын был прирожденным рабом своего отца.

«Человек бьет своего брата от своей матери», видя в нём также своего врага, может быть, потому, что он как старший сын унаследовал от своего отца всё семейное имущество и занял после его смерти положение господина и неограниченного владельца в патриархальной семье. В другом тексте, также описывающем социальный переворот, мы находим не менее красноречивое указание на жестокую борьбу в годы смуты в патриархальной семье: «Я покажу тебе сына врагом, брата—противником и человека, убивающего своего отца»³.

Рушился последний устой казавшегося столь прочным древнейшего рабовладельческого общества. И вместе с тем глубокая социальная смута нанесла сильный удар религиозной идеологии, которая была одним из оплотов классового строя. Появляется неверие в богов, возникает сомнение в истинности догматов древней религии, впервые пробуждается скептицизм. В этом отношении чрезвычайно показательны слова лейденского текста: «Человек с горячей головой говорит: «Если бы я знал, где бог, я бы принёс ему жертву»⁴. Нарушаются и забываются древние религиозные обряды, жертвоприношения и запреты. Раскрываются и становятся общеизвестными тайны древних магических заклинаний.

Под влиянием всех этих событий, которые казались реакционно настроенному аристократу непоправимыми бедствиями, неизбежно влекущими за собой гибель всей страны и всей древней, тысячелетней культуры, в сердце его воцарялся глубокий, чисто психологический ужас, отчётливо переданный в ярких словах образного древнеегипетского текста: «Порядочный человек ходит погружённый в скорбь вследствие того, что происходит в стране»⁵.

Этот психологический ужас, овладевший душою людей, толкает их на самоубийство, заставляет их бросаться в пасть к крокодилам: «Крокодилы и рыбы-афиа хватают людей: ведь они сами добровольно идут к ним навстречу, так как это зло (т. е. смерть) для них ничто. Людям говорят: «Не иди сюда, смотри — здесь вода». Но люди ступают по земле, как рыбы. Боязливый человек не отличает земли от воды, охваченный ужасом»⁶.

В эти годы непрерывных смут аристократу жизнь кажется настолько невыносимой,

что, по его мнению, всем людям смерть должна казаться желанной избавительницей от страданий. Резко преувеличивая страдания людей и бедствия страны, видя всё в чёрном свете, аристократ вкладывает свои собственные мысли и переживания в уста изображаемых им людей: «И великий и малый одинаково говорят: я хотел бы умереть. Даже маленькие дети говорят: «Он (т. е. отец) не должен был бы давать мне жизнь»⁷.

И такая же безрадостная картина тяжёлых бедствий, постигших страну, образно нарисована в тексте Эрмитажного папируса, автор которого, подобно Ипуверу, пережив народное восстание, ощутил в своём сердце глубокий ужас при виде того, как рушились устои классового рабовладельческого общества: «То, что никогда не свершалось, свершится. Схватили оружие битвы. Страна будет жить в восстании. Будут изготовлены боевые стрелы из меди. Будут просить и хлеба и крови. Будут смеяться смехом над страданием. Не будут плакать над смертью. Не будет покоиться жажда по смерти. Сердце человека будет только за ним самим. Не будут даже сегодня опущены волосы. Сердца будут радостны из-за всего этого. Человек будет сидеть в своём углу, заботясь о себе самом, в то время как один убивает другого»⁸.

Панический ужас наводила на аристократа шумящая толпа, которая раньше должна была лишь смиренно молчать и гнуть спину. Люди сняли печать молчания со своих уст и стали громко, во всеуслышание, заявлять о своих правах. Бряцание оружия и гул битвы наполнили своими отзвуками весь Египет, некогда хранивший торжественное молчание городов мёртвых и пышных гробниц. И этот шум восставшего народа невыносим для аристократа, привыкшего к тишине величественных покоев царского дворца. Он казался ему грохотом гибнущего мира. «Слишком много шума в годы шума!»⁹ — восклицает он. «Нет конца шуму. О, если бы земля замолкла и прекратился бы шум и не стало бы больше смуты!»¹⁰. «Погибло всё!» — в смертельном страхе перед надвигающейся лавиной восклицал человек, который в этом восстании видел для себя и для своего класса неминуемую гибель.

Но ещё не пробил час смерти этого рабовладельческого общества, ибо ещё не созрели социально-экономические предпосылки для его крушения. Это социальное движение привело лишь к перераспределению собственности, обогатив одних и разорив других. И для защиты новых собственников снова понадобились старые формы государства и старые формы классового угнетения. Средние слои населения воспользовались смутой для личного обогащения. Рабы остались попрежнему рабами. И когда аристократы, опираясь на средние город-

¹ Берлинский папирус № 3024, XXIX, 103—104; Erman A. Gespräch eines Lebensmüden, S. 56—57.

² Gardiner A. Admonitions, p. 19.

³ Эрмитажный папирус № 1116-B-recto. l. 1., 44—45. «Записки Коллегии востоковедов», т. I, стр. 215.

⁴ Gardiner. Admonitions, p. 42.

⁵ Ibidem, p. 21.

⁶ Ibidem, p. 29.

⁷ Ibidem, p. 36.

⁸ Эрмитажный папирус № 1116-B-recto. 39 сл. «Записки Коллегии востоковедов». Т. I, стр. 214.

⁹ Gardiner. Admonitions, p. 36.

¹⁰ Ibidem, p. 44.

ские слои, обогатившиеся во время смуты и начавшие уже страдать от экономической разрухи, восстановили в стране старый государственный аппарат — старую машину угнетения и насилия, — разобщённые рабы принуждены были снова подчиниться своим угнетателям.

Это время было также временем постепенного проникновения в Египет иноземцев-азиатов, что в конце концов привело к завоеванию Египта иноземцами, за которыми историческая традиция закрепила название гиксосов¹. Наиболее уязвимым местом на границах Египта был Суэцкий перешеек, где мирным селениям земледельческого Египта издавна грозили кочевые орды азиатских бедуинов, которых египтяне называли «хериуша», «менциу-сатет» и «аму». Ещё со времени Древнего царства фараоны постоянно стремились, с одной стороны, укрепить северо-восточные границы Египта, с другой — замирить и подчинить себе беспокойные кочевые племена Синайского полуострова и Палестины. Это всегда была одна из важнейших задач египетской внешней политики. Поэтому понятна гордость, с которой гераклеопольский царь говорит в своём «Поучении», что «восточная граница государства ныне защищена от азиатских племён»². Но в эпоху крупных социальных смут, накануне Нового царства, Египет не был в состоянии дать отпор этим азиатским племенам. И мы видим, что в это время азиаты широкой волной вливаются в Египет. Дельта Нила стала доступной для иноземцев, иноземные ремесленники наводняют Нижний Египет. Об этом читаем мы в Лейденском папирусе, автор которого грустно констатирует, что «иноземное племя пришло в Египет», что «племена пустыни стали повсюду египтянами», что «пустыня распространилась по всей земле» и «что нигде нет больше египтян». Иноземцы захватывают всё в свои руки. Вначале мирно проникая в Египет, они постепенно становятся хозяевами положения. На это ясно указывает Ипувер: «Каждая иноземная страна (приходит). (Она говорит): «Это наша вода. Это наше благополучие». И что нам с этим делать? Всё гибнет»³. А в тексте Эрмитажного папируса говорится уже о военном вторжении азиатов (сетиу), вооружённых мечами, которые грабят страну и похищают упряжной скот с пашни⁴.

¹ Chabas. Les pasteurs en Egypte. Amsterdam. 1868; De Saga P. Cesare A. Gli Hyksos o re pastori di Egitto. Roma. 1889; Steindorff G. Zur Geschichte der Hyksos. 1894; Müller M. Die Hyksos in Aegypten und Asien. 1898; Carart J. Les monuments dits Hyksos. 1914; Bissing F. Was wissen wir von den Hyksos. 1930; Labib P. Die Herrschaft der Hyksos in Aegypten und ihr Sturz. 1936.

² Erman A. Literatur der Aegypter, S. 115.

³ Gardiner. Admonitions, p. 20, 30—31, 34, 37—38.

⁴ Эрмитажный папирус № 1116-B-recto. Т. 17—19. «Записки Коллегии востоковедов». Т. I стр. 212. 1925.

Но кто были эти иноземцы? На этот вопрос можно дать ответ, лишь изучив этнический состав Передней Азии в начале второго тысячелетия до х. э. Последние раскопки, произведённые на территории Сирии, Малой Азии и Месопотамии, а также детальное изучение ряда переднеазиатских языков указывают на то, что древнейшим этническим элементом, населявшим страны Передней Азии, была так называемая группа азиатических народов, в состав которой входили эламиты, гутти и каситы, жившие в горных областях к востоку от Тигра, субарейцы, населявшие Северную Месопотамию, протохетты, занимавшие восточную часть Малой Азии, и хурриты, обитавшие в Сирии. Лингвистические данные указывают на близость, существовавшую между этими народами. Так, между словами каситского и эламского языков мы можем наблюдать лишь различия в диалекте. Некоторые элементы роднят каситский язык с протохеттским. Наконец, переход плавных в носовые и окончания существительных позволяют сблизить каситский язык с хурритским. Особенно близки к этой группе были субарейцы, населявшие Северную Месопотамию, которая в шумерийских надписях называлась «Субир», а в аккадских — «Субарту». Позднее ассирийцы называли этот народ «шубару». Субарейцы населяли территорию древней Ассирии и государство Митанни. Документы из Аррафа, содержащие субарейские имена, указывают на распространение субарейцев к западу от Ефрата. К ним довольно близко примыкали хурриты, название которых встречается в хеттских надписях, в амарнских письмах, в митанийских текстах. Весьма возможно, что страна Хару, упоминаемая в египетских надписях, т. е. Палестина и Южная Сирия, была населена этим народом, название которого сохранилось в библейском «хориты» и греческом — *χουριτες*. На широкое распространение хурритов в Сирии указывает топонимика, а также хурритские собственные имена, часто встречающиеся в клинописных документах из Таанаха⁵. Весьма возможно, что к этой группе племён принадлежали и так называемые гиксосы, которые в XVIII в. до х. э. завоевали Египет. На их близость к субарейцам указывает сходство гиксосского имени Smkn с именем субарейского бога Simike⁶. Однако понятие «гиксосы» значительно шире. В состав этнической группы, завоевавшей Египет, входили не только хурритско-субарейские племена Сирии и Месопотамии, но также и семиты, на что указывает ряд фактов. Так, некоторые гиксосские имена носят ярко выраженный семитский характер⁷. В гробнице царицы Ипуит в Саккара найден был гроб с именем некоего Аабд, а в нём — кинжал с именем царя Аюпи, а также некоего Нехемен. Оба

⁵ Speiser E. Mesopotamian origins, p. 120—124, 130—132; Oimstead. History of Palestine and Syria, p. 140—141. 1931.

⁶ Gustavs. Subaräische Namen. AZ Band. 64, S. 57.

⁷ Labib. Op. cit., S. 9.

имени (Аабд и Нехемен), — несомненно, семитского происхождения. Наконец, в надписи Яхмоса, сына Эбаны, приведены имена 13 пленников, взятых им у гиксосов. Среди них мы находим три семитских имени¹. Названия «лошадь» и «колесница» (ssmt, mrkbt, cglf), проникшие в Египет в гиксосскую эпоху, носят также явно выраженный семитский характер². Египтяне, заимствовав у гиксосов лошадь и колесницу, заимствовали у них и соответствующие семитские слова, служившие для их обозначения. Некоторые религиозные верования гиксосов можно сопоставить с религиозными верованиями народов, населявших Палестину и области, лежащие к западу от Ефрата. Так, в рассказе палируса Саллье № 1 говорится о том, что гиксосский царь Апопи-Ра «назвал Сутеха своим владыкой и не служил никакому другому богу во всей стране, кроме Сутеха. Он построил ему храм прекрасной работы навеки у ворот царя Апопи-Ра. И он вставал каждый день, чтобы приносить ежедневные жертвы Сутеху. И вожди, подвластные царю, были там с гирляндами цветов, подобно тому, как это делалось в храме Ра-Горахте»³. Бог Сутех-Сет, которого, по словам египетского рассказа, обоготворяли гиксосы, обычно изображался в виде осла. С другой стороны, слово «осёл» в египетской иероглифике обычно детерминировалось знаком Сета. С этими фактами следует сопоставить следы древнего культа осла в Палестине и Сирии. В гиксосских могилах со скарабеем Апопи в Газе и в Бет-Пелете найдены захоронения четырёх ослов⁴. Осёл считался культовым животным и в древней стране Мари. Так, в дипломатических письмах из архива дворца в Мари встречается любопытная фраза: «imer hayagi qabalu (m)», означающая в переводе «убивать ослят». В одном письме мы читаем: «Я отправил послание к Бина-Иштару. Бина-Иштар ответил мне следующее: «Я убил ослёнка вместе с Кармилимом, и во имя богов вот что я объявил Кармилиму: если ты согрешишь против Зимрилама и его войск, я стану на сторону твоего врага»⁵. Отсюда следует, что в стране Мари ритуальное убийство ослёнка было торжественным жертвоприношением, совершавшимся обычно при заключении политического союза. Наконец, следы древнего культа осла сохранились и в поздней библейской традиции⁶.

Таким образом, в состав гиксосских племен входили как семиты, так и хурриты, населявшие Сирию. Некоторые исследователи даже предполагают, что в начале второго

тысячелетия до х. э., в связи с продвижением хеттов в Северной Месопотамии и Сирии, образовалось большое гиксосско-хурритское государство, которое в XVIII в. до х. э. в лице гиксосов завоевало Египет⁷. На это указывают широкое распространение египетских скарабеев гиксосского типа по всей Сирии и обнаружение в восточной Дельте и в Сирии особых поселений и ряда предметов, схожих по своему типу, которые обычно относятся к так называемой «гиксосской» культуре. Типичны в этом отношении медные серьги, бронзовые булавки и кинжалы, наконец чёрная и красная керамика, покрываемая иногда резным линейным орнаментом, совершенно отличная от египетской. Гиксосские поселения и лагеря были найдены около Тель-эль-Иехудиз, в Бет-Иерахе и в Хазоре⁸. Ольмстед и Брестед предполагают, что последним остатком этой крупной гиксосской державы в Сирии был Кадеш, сосредоточивший вокруг себя ряд мелких сирийских государств и потому оказывавший столь упорное сопротивление египетским завоевателям⁹.

Рассказ о завоевании гиксосов сохранился, к сожалению, только в очень поздней и потому, очевидно, искажённой версии во фрагменте исторического труда Манефона¹⁰. Манефон рассказывает о том, что в царствование некоего царя Тимайоса в Египет вторглись с восточной стороны (очевидно, из Азии) люди «поганого племени», которые «без единой битвы» покорили Египет.

Далее Манефон говорит о жестоком терроре завоевателей в Египте, о том, как они образовали здесь своё государство и выбрали себе царя, как они собирали дань с населения, поместили в крепостях гарнизоны и построили большую крепость в восточной Дельте, получившую название «Аварис». Манефон сообщает и название иноземцев — «гиксосы», — причём даже делает любопытную попытку истолковать это слово. Он даёт две этимологии. Во-первых, он объясняет это слово как «пленные пастухи», а во-вторых, как «цари пастухов». И в том и в другом случае этимологии, приводимые Манефоном, вполне правдоподобны. Слово «гиксосы» может восходить к египетским словам «цари (или правители) пастухов»¹¹. Однако возможно, что первая половина слова «гиксос» восходит к египетскому слову «пленный». Это тем более вероятно, что в надписи Пианхи смешиваются слова «правитель» и «пленный»¹². Однако вернее все-

⁷ Olmstead. History of Palestine and Syria, p. 123. 1931; Грозный и Б. Хеттские языки и народы. «ВДИ» № 2 за 1938 г., стр. 30—31.

⁸ Petrie. Hyksos and Israelite cities, p. 3—4, 8—9, 1906; Olmstead. History of Palestine and Syria, p. 120.

⁹ Ibidem, p. 118—119.

¹⁰ Josephus. Contra Apionem. Ed. Niese, p. 74—83.

¹¹ Labib. Op. cit., p. 5—6; Weill. Op. cit. Vol. I, p. 79.

¹² Urkunden der älteren Äthiopenkönige. III, 7; Labib. Op. cit., p. 6; Weill. Op. cit. Vol. I, p. 79.

¹ Weill. Op. cit. Vol. I, p. 176; vol. II, p. 601; Urkunden der 18 Dynastie (1905). IV, 11.

² Labib. Op. cit., S. 10—11.

³ Pap. Sallier I. G. Maspero. Le conte d'Apopi et de Seknounri, p. 201—203. 1881.

⁴ Labib. Op. cit., p. 12—13.

⁵ Dossin. Archives épistolaires du palais de Mari. Syria. XIX, 2, p. 108—109. 1938.

⁶ Labib. Op. cit., p. 12—13.

го, что слово «гиксосы» является греческим искажением египетских слов «вождь пустынных стран»¹, которые встречаются в надписи Уны времени Древнего царства, в рассказе Синухета, в бенихассанской надписи, наконец, в титулатуре гиксосских царей². Характерно, что слова «вождь пустынных стран» в египетских надписях всегда служили для обозначения «правителя иноземных пустынных стран». Таков, например, начальник стран Аму Ибша, который является во главе посольства из 37 типичных азиатов к бенихассанскому номарху. Вполне историчны и правдоподобны также и другие указания Манефона. Имя царя Тимайоса (или Тутимайоса) может быть сопоставлено с именем египетского фараона Дидимеса³.

Чрезвычайно характерна для египетского великодержавия презрительная кличка, данная вторгшимся иноземцам. На мирное проникновение азиатов в Египет указывают вышеприведённые тексты из «Поучений» этого времени. О жестоком терроре иноземцев и о преследовании ими египетской религии мы узнаём из рассказа папируса Саллье № 1 и из надписи Хатшепсут в Спеос-Артемидос⁴. Наконец, вполне историчным является указание Манефона на то, что Аварис был столицей гиксосов. Поэтому у нас нет никаких оснований предполагать, что этот рассказ Манефона, так же как и соответствующие египетские рассказы и упоминания об изгнании гиксосов в более поздних египетских надписях, есть не что иное, как различные варианты одной и той же старинной легенды о том, какие бедствия претерпевал Египет, будучи завоеван иноземцами, и как он был освобождён тем или иным египетским фараоном от ига завоевателей. Конечно, во всех этих рассказах имеются чисто беллетристические элементы, но все они восходят к вполне реальному историческому факту завоевания Египта азиатами, на что указывает ряд документальных надписей и исторических памятников⁵.

Вторжение гиксосов в Египет и завоевание ими всей страны было, очевидно, довольно длительным процессом. Воспользовавшись внутренней слабостью Египта, глубокой социальной смутой и раздроблением государства на ряд мелких самостоятельных княжеств, среди которых несколько выделяются лишь Фивы, где укрепилась династия «царей юга», азиатские племена стали постепенно проникать в Дельту, захватывать там пастбища. Отряды азиатских воинов стали поступать на службу к мелким царькам Нижнего Египта, образуя основу их военной силы. Вожди азиатских племён стали получать от них поместья и даже целые

области в своё управление. Наконец, вслед за этим мирным проникновением произошло крупное военное вторжение. Ослабленный изнутри Египет стал добычей азиатских завоевателей — гиксосов. Это, очевидно, произошло ещё при последних царях 13-й династии. Так, на одном обломке каменного косяка, найденном в Танисе, сохранилась надпись царя Нехси, в которой упоминается «памятник Сета из Ра-ахета»⁶. Статуя Нехси была найдена в Леонтополе (Тель-Мокдам), во внутренней Дельте. На этой статуе сохранилась характерная надпись: «Любимый Сетом из Авариса»⁷. Упоминание в этих надписях имени бога Сета, которого египтяне считали богом пустынных иноземных стран и всегда сопоставляли с азиатским богом Белом и которого надписи называют богом гиксосов, а также упоминание гиксосской столицы Авариса указывают на то, что царь Нехси («негр») был одним из маленьких царьков, который сохранил свою власть при гиксосах, но принуждён был подчиниться власти верховного гиксосского царя, на что указывает упоминание Сета в его надписях. Это становится особенно заметным, если сопоставить его надписи с надписями его предшественников — Мермешау и Себекхотепа IV, — которые себя обычно называют «любимый богом Пта из Мемфиса». Изменение государственного режима нашло отражение в изменении государственной религии.

Списки Иосифа и Африкана содержат по шести имён гиксосских царей. Египетские памятники и главным образом скарабей этой эпохи сохранили нам значительно большее количество имён, однако всё же крайняя скудость документальных данных ещё не позволяет в полной мере охарактеризовать эпоху гиксосского завоевания. Очевидно, одним из первых гиксосских царей, правивших в Египте, был некий Нубти-Сет, к царствованию которого, судя по одной надписи Гамзеса II, относится начало особой храмовой эры, связанной с установлением культа Сета в Танисе. Возможно также, что этот царь построил первое святилище Сета в Танисе. Египетские памятники не сохранили нам сведений об именах первых трёх гиксосских царей — Салитисе, Бноне и Алахнапе, — которые сохранила нам позднейшая историческая традиция. Как предполагает Олмстед, имя Салитис есть не что иное, как семитское слово «правитель»⁸. Возможно, это был иноземный титул, который впоследствии стал собственным именем. Имя Бнона можно сопоставить с гнереографическим именем Бебнем, которое встречается в Царском туринском папирусе⁹. Значительно лучше известен нам Хиан, которого мы можем отождествить с пятым гиксосским царём по списку Иосифа, носившим имя Иан-

¹ Weill. Op. cit. Vol. I, p. 79—80; Labib. Op. cit., p. 7.

² Newberry. Scarabs. XXII, 20—21.

³ Burchardt und Pieper. Handbuch der ägyptischen Königsnamen, S. 54. 1912; Weill. Op. cit. Vol. I, p. 71, 79.

⁴ Speos Artemidos. I, 36—38. Urkunden der 18-ten Dynastie, S. 390. Weill. Op. cit. I. 37.

⁵ Weill. Op. cit. I. 37.

⁶ Petrie. Tanis. Vol. I, p. 8—9, pl. III; Weill. Op. cit. Vol. I, p. 196.

⁷ Meyer E. Geschichte des Altertums. B. I, 2, S. 305. 1913.

⁸ Olmstead. History of Palestine and Syria, p. 122.

⁹ Туринский царский папирус. Фрагменты 122—123; Weill. Op. cit. Vol. 2, p. 600—601.

нас. На многочисленных скарабях и печатях Хиана сохранились его титулы: «правитель иноземных стран», «благий правитель» и «благий бог», — которые указывают на постепенную замену иноземной титулатуры традиционными титулами египетского фараона. Хиан принимает даже чисто египетские титулы и имена: «сын солнца Сусер-ен-Ра Гор», «охватывающий страны», «любимый своим двойником»¹. Титул Хиана «охватывающий страны» указывает на его стремление восстановить былую мощь египетских фараонов и объединить под своей властью Египет и соседние страны. Можно думать, что Хиан господствовал почти над всем Египтом. Имя его было найдено на куске чёрного гранита в Гебеленне, в Верхнем Египте, а также на пьедестале статуи времени Среднего царства, обнаруженной в Бубастисе. Его власть, возможно, простиралась и на Палестину и, может быть, даже и на Сирию, так как в Гезере были найдены скарабей с его именем. На расцвет Египта и усиление торговли в эту эпоху указывают находки египетских предметов с именем Хиана далеко за пределами Египта. Так, на Крите, под фундаментом второго Кносского дворца, была найдена алебастровая крышка сосуда с именем Сусер-ен-Ра-Хиана², а в Багдаде был приобретён маленький базальтовый лев, на груди которого также вырезано имя Хиана (ныне в Британском музее, № 987). Очевидно, время царствования Хиана было временем наибольшего усиления гиксосской державы и гиксосских царей, правивших в Египте³.

Далее, на скарабях этой эпохи встречается ряд азиатских имён гиксосских царей, среди которых выделяются имена Анат-хер и Яков-хер, в состав которых входят имена сирийской богини Анат, культ которой, очевидно, в эту эпоху стал проникать в Египет, и имя ханаанского героя, может быть, племенного эпонима, Якова⁴. Впрочем, имя последнего царя сопровождается чисто египетской титулатурой: «сын солнца, дарующий жизнь»⁵, что указывает на сильное влияние египетской культуры на иноземных завоевателей. Многие из этих мелких гиксосских царьков правили недолго, многие, возможно, правили лишь в отдельных областях, подчиняясь верховному гиксосскому царю. Отметим в заключение трёх крупных гиксосских царей, носивших довольно обычное в то время имя Апопи, которое встречается на египетских памятниках, а также в списках Манефона в греческой форме Апофис. Чисто египетское имя первого из этих Апопи — Аа-усер-Ра — встречается на обломке письменных принадлежностей писца Иту. В этой надписи особый интерес представляет традиционная

египетская титулатура царя, снабжённая рядом любопытных эпитетов. Так, Аа-усер-Ра называет себя «царём Верхнего и Нижнего Египта, дарующим жизнь вечно, подобно Ра, ежедневно, сыном солнца от плоти его, живым подобием Ра на земле, подобного которому нет ни в одной стране, (героем) в день битвы, имя которого больше, чем имя всякого другого царя, прославлено вплоть до иноземных стран».

Этот маленький гимн, составленный в честь гиксосского царя, ясно свидетельствует о попытках восстановления древнеегипетской культуры и даже официальной египетской религии, очевидно, подвергавшейся гонению при первых гиксосских царях⁶. Власть Аа-усер-Ра простиралась не только на Нижний, но и на Верхний Египет, на что указывает камень с его именем, найденный в Гебелейне и хранящийся ныне в Каирском музее. Судя по дате математического папируса Ринда, Аа-усер-Ра царствовал не менее 33 лет, время, вполне достаточное для организации крупного и сильного государства⁷. Имя второго гиксосского царя Апопи — Неб-хепеш-Ра — сохранилось на электронной, художественно исполненной ручке бронзового кинжала, найденного в Саккара, а также на одном фрагменте сосуда⁸. Наконец, имя последнего царя Апопи — Аа-кенин-Ра — обнаружено на фрагменте сосуда из Митрахинэ, а также на жертвеннике с надписью, в которой царь говорит о себе, что он «живой Гор, успокоивший обе страны, благий бог Аа-кенин-Ра сделал этот памятник для отца своего Сета, владыки Хатуарита, так как он поверг все страны под его сандалии», а также на статуе царя Мермешау, найденной в Танисе, где Апопи также называет себя «любимым Сетом»⁹. Эти надписи ясно указывают на объединительные и завоевательные тенденции этих гиксосских царей, при которых произошла столь любопытная ассимиляция между иноземным культом Сета и традиционными формами древнеегипетской религии.

Столицей гиксосского государства, как на то указывает Манефон, был город Аварис, находившийся в восточной части Дельты, в Санском номе, к востоку от Бубастисского рукава Нила. Очевидно, название «Аварис» вполне соответствует египетскому названию «Хат-уарит», которое часто встречается в надписях гиксосских царей, а также в папирусе Саллье № 1 в качестве города, посвящённого богу Сету. Ряд памятников гиксосской эпохи с надписями, в которых упоминается «Сет, владыка Хат-уарита», заставил некоторых исследователей предполагать, что Аварис находился около Таниса. Это как бы подтверждается и раскопками Монте в Танисе, которые показали, что городские стены Таниса построены азиатами по правилам палестинской строительной техники. По палестинскому обычаю, под

¹ Burchardt und Pieper. Op. cit., Bd. I, S. 45; Labib. Op. cit., S. 31.

² Evans A. Palace of Minos. 1921. Vol. I, p. 419; Labib. Op. cit., p. 32.

³ Catalogue of British Museum. № 987. Labib. Op. cit., p. 32.

⁴ Labib. Op. cit., p. 9; Weill. Op. cit., Vol. I, p. 184—185.

⁵ Ibidem.

⁶ Labib. Op. cit., p. 27.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem, p. 28—29.

⁹ Ibidem, p. 29—30.

этими стенами был похоронен ребёнок¹. Однако ряд исследователей придерживается другой точки зрения. Вейль, опираясь на литературные тексты и позднейшую историческую традицию, считает, что Аварис и Гелнополь были одним и тем же городом. Наконец, Петри, обнаружив остатки укрепленного лагеря гиксосской эпохи около Тель-эль-Иехудия, предположил, что именно они являются развалинами Авариса².

Недостаток данных не позволяет в настоящее время точно локализовать местоположение Авариса. Однако несомненным является тот факт, что Аварис находился в восточной части Дельты, очевидно, особенно густо заселённой гиксосами. Аварис должен был занимать выгодное географическое положение, являясь своего рода стратегическим подступом к Египту. С другой стороны, находясь в восточной части Дельты, Аварис являлся географическим центром большой гиксосской державы, в состав которой входил Египет, а также, возможно, некоторая часть Палестины и Сирии. Образование большого египетского государства с крупными владениями в Азии заставило также и египетских фараонов 19-й династии, в частности Рамзеса II, перенести столицу именно в восточную часть Дельты. Эта часть Дельты была особенно сильно укреплена гиксосами, на что указывают остатки укрепленного лагеря, обнаруженного Петри в Вади-Тумилат, около Тель-эль-Иехудия. Петри нашёл здесь скарабеев, типично гиксосскую керамику и бронзовое оружие. Особенно интерес представляет укрепленный лагерь с точки зрения эволюции военной техники гиксосов. Первоначально этот лагерь был защищён лишь массивным земляным валом, что указывает на то, что защитники его строили свою оборону на применении отрядов лучников и, возможно, колесниц, которые должны были исключить всякую возможность рукопашного боя возле лагеря или его штурма. Однако впоследствии этот земляной вал был заменён стенами, что свидетельствует о заимствовании гиксосами элементов древнеегипетского фортификационного дела³. Весьма возможно, что такое же гиксосское укрепление находилось в Абуфир-эль-Мелеке, около Фаюмского оазиса⁴.

Гиксосские цари правили в Египте немногим более одного столетия, приблизительно с конца XVIII в. до х. э. Длительное господство иноземцев в Египте должно было вызвать реакцию местного населения, стремившегося к восстановлению независимого египетского государства. Борьба за объединение, как и в предшествующие периоды, началась в Верхнем Египте, который всё ещё сохранял некоторую независимость и население которого было менее связано

с азиатами. Борьбу за освобождение Египта от иноземного ига возглавили энергичные правители фиванского нома. Весьма возможно, что борьбу с гиксосами вели два фиванских царя, живших ещё при Апопи III и носивших имя Секененра и прозвища «великий» и «храбрый». Секененра был рослый воин, он умер от раны, полученной в голову, как это ясно видно на его мумии. Может быть, он получил эту рану в боях с гиксосами. Во всяком случае, образ его сохранился в исторической легенде, текст которой дошёл до нас на одном из папирусов Британского музея.

В этой легенде рассказывается о том, как царь Апопи, живший в Аварисе и поклонявшийся Сету, послал гонцов к царю Секененра, правившему в «южном городе» (Фивах) и поклонявшемуся Амоу-Ра, с требованием унять «возню фиванских гиппопотамов», которые не дают спать гиксосскому царю. Чрезвычайно характерно противопоставление гиксосской религии Сета египетскому культу Амона. Война за освобождение облекается в форму религиозной войны под знаменем государственного бога Египта⁵. Борьба с гиксосами развёртывается в подлинную большую освободительную войну за восстановление независимости Египта при фиванском царе Камесу, от которого сохранились его копье и золотая ладья из его гробницы, покрытые надписями⁶. Имя Камесу также сохранилось в позднейших исторических легендах как имя национального героя, борца за освобождение страны от иноземного ига.

В тексте одного древнеегипетского школьного упражнения на историческую тему подробно описывается война Камесу с гиксосами. Камесу созывает совет вельмож и жалуется им на то, что ему приходится делить власть над Египтом с «азиатом и негром». Камесу предлагает начать войну с азиатами и «спасти Египет». Однако, судя по тексту этого рассказа, вельможи не одобрили военных планов царя. Они ему советуют вести миролюбивую политику, указывая на то, что Южному Египту не грозит непосредственная опасность от азиатов, находящихся в Аварисе. Но Камесу не соглашается с ними и начинает войну. Далее рассказывается о победах царя, выступившего в поход, чтобы «прогнать азиатов по приказу Амона», и о большой добыче, захваченной его войсками. Очевидно, целью этого рассказа являются описание одного из эпизодов этой освободительной войны и прославление царя Камесу как одного из героев этой борьбы с иноземцами. Особенно характерны в этом отношении слова царя: «В Фивах скажут обо мне: «Камесу — защитник Египта»⁷. Однако окончательная победа над гиксосами была одержана египтянами лишь

¹ Montet. Nouvelles fouilles de Tanis. 1933; Labib. Op. cit., p. 14—15.

² Petrie. Israelite and Hyksos cities. 1906.

³ Petrie. Op. cit., p. 9.

⁴ Meyer E. Geschichte des Altertums. Bd. 1, 2, S. 321, 1913.

⁵ Pap. Sallier. I. Maspero G. Le conte d'Apopi, et de Seknounri. 1881.

⁶ Cardiner A. The Defeat of the Kamose. The Carnarvon Tablet. I, JEA, III (1916), V (1918); Erman A. Literatur der Aegypten, S. 82—85.

⁷ Ibidem, S. 84.

позднее, при первом фараоне 18-й династии — Яхмосе. Прекрасный исторический документ этой эпохи — автобиография морского командира Яхмоса, сына Эбавы, — сохранил описание перипетий этой упорной борьбы египтян с гиксосами. Яхмос описывает осаду Авариса, которая, очевидно, велась около четырёх лет, упорные бои на кораблях на каналах возле Авариса, рукопашные схватки и взятие этого главного оплота гиксосского владычества в Египте. Далее Яхмос описывает преследование гиксосов в Азии и взятие египтянами после шестилетней осады крепости Шарухин в Палестине, что указывает на то, что Палестина в ту эпоху также находилась в руках гиксосов. Любопытно

отметить, что в автобиографии Яхмоса описываются также мятежи и восстания, происходившие в ту пору в Египте. Очевидно, некоторая часть египетского населения поддерживала иноземцев¹.

Так, в результате длительной и упорной борьбы Египет был освобождён от власти иноземцев-гиксосов, и при царях 18-й фиванской династии на развалинах гиксосского царства возникло новое, независимое и сильное египетское государство.

¹ Urkunden der 18-ten Dynastie. IV, I—11. 1905; Loret V. Inscription d'Ahmes fils d'Abana. Le Caire. 1910.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

220 ЛЕТ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Акад. С. Вавилов

Российская академия наук, задуманная и основанная Петром Великим, получила в развитии культуры своей страны необычайное значение. По объёму и способу своей деятельности она выделяется среди других славных академий и учёных обществ мира.

Мысль об Академии возникла у Петра в беседах с Лейбницем, из переписки с Христианом Вольфом, в результате посещения Парижской академии. Но Пётр с его вполне практическим умом ясно сознавал, что учреждение в России начала XVIII в. Академии по образу Парижской или Лондонского королевского общества было бы чисто декоративной мерой. В стране ещё только думали о средних школах и университетах, и Академия французского и английского образца неизбежно оказалась бы оторванной от общества и государства, стала бы бесполезным «социететом» учёных иностранцев. Нужно было, казалось, долго ждать, чтобы появилось достаточно много образованных и просто грамотных людей, прежде чем создавать научную вершину — Академию. Пётр решил, однако, иначе и по-своему. В русской Академии он соединил передовую науку, научное исследование с обучением разных ступеней, от среднего и ремесленного до университетского. По докладной записке первого президента Академии лейб-медика Блюментроста, утверждённой Петром, решено было в России завести собрание «из самолучших учёных людей, которые науки производя и совершая художества (т. е. технические знания и ремёсла. — С. В.) и науку публично преподавали бы молодым людям», а эти последние, в свою очередь, «науку принявши в пробу искусства своего учинивши, молодых людей в первых фундаментах обучали». Иначе говоря, Пётр решил насадить науку сразу и сверху и снизу путём пересадки готовой европейской науки и выращиванием русской научной молодёжи. Этот приём оказался действенным: через 15—20 лет новая Россия выдвинула в сонм знаменитых иностранцев, составивших первый корпус академии, Д. Бернулли, Делиля, Л. Эйлера и др., великого русского академика Ломоносова.

День основания Академии Петром — 8 февраля 1724 г. (н. ст.).

Пётр не дожил, однако, до начала её работы. Деятельность Академии началась в действительности 220 лет назад, в 1725 г., когда в Петербург съехались из разных

стран Европы академики первого призыва. При Академии развернулись в соответствии с утверждённым Петром проектом университет и гимназия. В академическом университете воспитывался первый русский по национальности академик В. Е. Ададуров, сделавшийся адъюнктом по математике.

Новая Академия уже в 1728 г. опубликовала первый том своих «Комментариев» на латинском языке. На берегах Невы, недавно ещё совершенно диких, регулярно заседали петербургские академики, обсуждая острые вопросы новой ньютоновой науки о форме земли, о тяготении, о новом математическом анализе. Но за этим внешним блеском, во многом копировавшем Париж и Лондон, началась другая, вполне самобытная и очень трудная, не всегда видная работа Академии по воспитанию и образованию русской молодёжи, по изучению необъятной России, географическому, историческому, этнографическому, по изданию переводов, научно-популярной литературы, по технической консультации государства, по организации производств, по изучению русского языка, по созданию его грамматики.

Заслуги нашей Академии на этих поприщах поистине удивительны и необъятны. С помощью Академии наук Россия осознала, наконец, себя на всём пространстве от Петербурга до Камчатки, выяснила свою замечательную историю, упорядочила русский язык и создала свою великую науку, поэзию и литературу.

Первоклассные учёные-иностранцы, составившие первый призыв Академии, независимо от своих, порою весьма отвлечённых специальностей были вовлечены в практические дела и начинания. Математик Эйлер и астроном Делиль занимались картографией; академик Лейтман организовал оптические и механические мастерские; Д. Бернулли, Эйлер, Лейтман привлекались в качестве консультантов к таким задачам, как проект поднятия злополучного кремлёвского Царьколокола. Изучение Сибири академиками Миллером и Гмелином, исследование Камчатки С. П. Крашенинниковым, участие Академии в экспедиции Беринга, издание первого «Атласа Российского» — таковы некоторые примеры деятельности Академии за первые её десятилетия.

М. В. Ломоносов, ровно двести лет назад избранный академиком, явился как бы живым символом оригинальности русской Ака-

демии и её особых положительных черт, характерных в основном и для прошлого и для настоящего. В нём соединилось стремление к бескорыстному, глубокому изучению природы, прежде всего в её физико-химических проявлениях, с работой в совершенно практических областях металлургии, стекольного дела, оптического приборостроения, мореходства. Он умел быть одновременно поэтом, художником, физиком, химиком, геологом, историком, географом и грамматиком, во всех областях создавая большое и оригинальное.

То, что намечал Ломоносов один, далее развивали с большей широтой, но, правда, нередко с меньшим талантом другие русские академики XVIII в.: В. К. Тредьяковский в области теории языка и поэзии, С. П. Крашенинников, И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский в области географии и естественных наук, С. Я. Румовский и А. К. Конов в астрономии и физике.

Так на почве Академии возростала коренная русская наука, росту и развитию которой в немалой степени способствовали и многие иностранцы-академики, в первую очередь великий математик Л. Эйлер и натуралист и географ И. С. Паллас.

Грань между XVIII и XIX вв. была для Академии переломной. В стране, в течение века глубоко и органически впитавшей западную культуру, наряду с Академией выросла и другая наука — университетская, — наука Медико-хирургической Академии и других специальных школ. Многие прежние функции русской Академии — учебная, переводческая, производственная, — естественно, снимались с неё. Академия обращалась постепенно из научной и учебной армии в штаб этой армии, и в этой фазе появилась опасность отрыва от запросов жизни, угроза уйти в так называемый «академизм». Наследница петровских традиций, Академия почти всегда умела избегать этой опасности. Ряды её всё больше и с большим правом пополнялись замечательными русскими учёными. В области физико-математических наук в первой половине прошлого века работают: физик В. В. Петров — исследователь в области люминесценции и электричества, имя которого связано с открытием вольтовой дуги, замечательные математики В. Я. Буняковский и М. В. Остроградский, по кафедре истории избирается исследователь истории Петра Великого Н. Г. Устрялов, в рядах академиков состоят выдающиеся словесники А. Х. Востоков, М. И. Погодин, С. П. Шевырев, И. И. Срезневский. Наряду с ними славу Академии составляют иностранцы или выходцы из русской Прибалтики: отец русского востоковедения Х. Д. Френ, выдающийся физик Э. Х. Ленц, имя которого увековечено классическими работами в области электромагнетизма, великий биолог, антрополог и географ К. М. Бэр, основатель Пулковской обсерватории В. Я. Струве, замечательный физик, конструктор и изобретатель гальванопластики Б. Якоби.

Петербургская Академия в этот период строилась, пополнялись её коллекции и музеи, и никогда не порывалась её связь с запросами жизни и техники. Достаточно ука-

зать на огромное значение экспедиций К. Бэра для русской географии и рыбного хозяйства или на работы Б. Якоби по гальванопластике, моторным лодкам, морским минам, определявшие начало развития новых важнейших технических областей.

Вторая половина XIX в. была в России, как и в остальном мире, эпохой мощного развития естествознания, что и отразилось в значительной мере на составе Академии. В свои ряды она принимает гениального математика П. Л. Чебышева, выдающегося кристаллографа и артиллериста А. В. Гадолина, будущего создателя сейсмологии Б. Б. Голицына, замечательного творца химии анилиновых красителей Н. Н. Зинина, одного из создателей органической структурной химии А. М. Бутлерова, автора теории кометных хвостов Ф. А. Бредихина, астрофизика, впервые экспериментально доказавшего существование оптического явления Доплера, А. И. Белопольского, замечательных русских геологов А. П. Карпинского и Ф. Н. Чернышёва и выдающегося русского дарвиниста и зоолога А. О. Ковалевского.

Гуманитарные науки также были представлены в Академии блестящими именами Я. К. Грота, Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского, востоковедов В. В. Радлова и В. Н. Васильева, П. В. Никитина и пр.

Академия продолжала в эту эпоху свою традиционную экспедиционную работу по вопросам географии, этнографии, языка и истории, к числу её больших заслуг за этот период должно быть отнесено создание, главным образом трудами выдающегося физика Г. И. Вильде, русской метеорологической сети.

В предреволюционные годы XX в. начинает укрепляться материальная база Академии. Физический кабинет, существовавший с первых дней работы Академии и служивший основой для экспериментальных работ физиков-академиков, превращается, по предложению академика Б. Б. Голицына, в физическую лабораторию с большим сейсмологическим отделом. На этой основе создаётся большая сеть сейсмологических станций по всей России.

Укрепляется, главным образом благодаря энергии акад. Н. С. Курнакова, работа химической лаборатории, созданной ещё Ломоносовым. Трудом акад. А. Н. Карпинского и Ф. Н. Чернышёва преобразуется Минералогический музей. Зоологический музей получает значительные средства и становится одним из интереснейших такого рода музеев в мире.

Состав предреволюционной академии включает ряд новых замечательных фигур. Ряды математиков пополняются славными именами А. А. Маркова, А. М. Ляпунова, В. А. Стеклова, А. Н. Крылова. В академию входит замечательный кристаллограф Е. С. Фёдоров, великий физиолог И. П. Павлов, выдающийся минеролог и геохимик В. И. Вернадский, знаменитый реформатор языкознания Н. Я. Марр, выдающийся физиолог А. А. Шахматов, С. Ф. Ольденбург и многие другие.

Академики не только своей научной работой, но и в общественных проявлениях выражают свою крепкую связь с обществом и государством. Явны демократические тенденции академии в XX веке. Они проявлялись в избрании в почётные академики А. М. Горького (не утверждённого царём) и в записке учёных, опубликованной в 1905 г., о недостатках народного образования.

Академия в связи с военными запросами первой мировой войны широко развернула изучение естественных производительных сил России, создав широкую комиссию по изучению естественных производительных сил (КЕПС). В работу комиссии были включены такие вопросы, как исследование соляных месторождений, добыча глины и огнеупоров, использование сапропелей, выяснение энергетических ресурсов, ресурсы лекарственных трав и т. д.

Это академическое начинание военного времени в известной мере подготовило почву для реконструкции русской науки в первые годы после Октябрьской революции. В революционные годы на основе подкомиссий КЕПСа начинают возникать новые научно-исследовательские институты как в системе самой академии, так и вне её. Таков будущий Институт неорганической химии, Яфетический институт Н. Я. Марра, Государственный радиевый институт, Государственный оптический институт, Гидрологический институт и пр.

После Великой Октябрьской социалистической революции академия и её руководство в лице президента А. П. Карпинского и неперменного секретаря С. Ф. Ольденбурга сумели быстро найти общий язык с советской властью. Великий революционер и организатор новой России, В. И. Ленин с полной ясностью понимал прежние заслуги и дальнейшие возможности академии. Советское правительство сразу признало необходимым поддержать работы академии по изучению естественных производительных сил и указало на особую важность этого дела. Ленин лично составил набросок плана научно-технических работ для академии, имевшей целью «возможно более быстрое составление плана реорганизации промышленности и экономического подъёма России». Стиль работы новой академии постепенно меняется. Центр деятельности переносится на институты. Прежние маленькие кабинеты и лаборатории с небольшим оборудованием, с незначительным числом работающих превращаются в обширные коллективы. Академическая наука идёт вширь, захватывает значительно большие кадры научных работников, чем раньше. Объём академической работы необычайно возрастает, сохраняя однако свои особые формы: комплексную экспедиционную работу, постоянную живую связь различных наук.

27 июня 1925 г. Российская академия наук постановлением советского правительства была преобразована во Всесоюзную. Это означало прежде всего ещё большее включение академии в гигантское дело социалистического строительства.

В 1929 г. произошла коренная организа-

ционная перестройка академии, были произведены дополнительные большие выборы, в результате которых в состав академии вошли 42 новых академика. С каждым годом увеличивалось число специальных институтов в составе академии по всем разделам естествознания, гуманитарных наук и техники, неудержимо возрастало число лиц, работающих в академических учреждениях. Академия взяла на себя систематическую инициативу по созыву и руководству всесоюзными конференциями и совещаниями по самым разнообразным вопросам науки, техники, экономики, связанным с грандиозным процессом социалистического строительства.

В связи с возрастающим государственным значением Всесоюзной академии она была переведена постановлением правительства в 1934 г. в Москву, хотя до сего времени значительное число академических институтов и библиотека академии остаются ещё в Ленинграде.

В настоящее время Академия наук СССР представляет собой колоссальное научное объединение. К началу 1941 г. в академии состояло до 150 научных учреждений, из них 76 научно-исследовательских институтов, 11 самостоятельных лабораторий, 6 обсерваторий, 42 станции. Академия имеет 8 филиалов в различных республиках и областях СССР и несколько местных научных баз.

В 1945 г. в академию входило три почётных академика во главе с И. В. Сталиным, 45 действительных членов и 201 член-корреспондент.

По новому действующему уставу, «Академия наук СССР является высшим научным учреждением СССР, объединяющим наиболее выдающихся учёных страны». Таким учреждением она была все 220 лет своего существования, но фактическая роль её существенно изменилась. В XVIII в. академия по преимуществу насаждала науку в стране, воспитывала учёных и изучала родную страну; её значение в развитии основных научных проблем было, по крайней мере количественно, ограниченным. Начиная с XIX в. академия, освободившись от воспитательных функций, весьма сильно увеличила научное исследование, дав почти во всех областях громадный и блестящий вклад в мировую науку. Достаточно напомнить петербургскую математическую школу; физические исследования Петрова, Ленца, Якоби, Голицына; замечательную школу органической химии; биологические достижения Бэра, Ковалевского, Павлова; русскую геологию Карпинского, Чернышёва, Вернадского; астрономические открытия Бредихина и Белопольского, академическое востоковедение, археологические исследования, развитие русской истории и теории языка и литературы.

В новую, революционную эпоху советская академия не только усилила свою основную функцию по развитию науки, но одновременно приобрела фактически громадные государственные научно-организационные функции, став волею советского народа дей-

ствительным главным штабом советской науки. В общей громадной системе научных учреждений СССР на неё пала обязанность развития центральных, принципиальных проблем науки и техники. Многие академические институты тесно и деловым образом связались с отраслевыми институтами и промышленностью, взяв на себя по принципу разделения труда исследование и решение принципиальных вопросов. Советская академия стала необходимым звеном в общей сети научных, технических, а иногда производственных учреждений. На академию легла также лестная и трудная обязанность руководства бесчисленным рядом научно-технических комплексных начинаний, совещаний, конференций, экспедиций и т. д.

Эта новая роль советской академии с особой ясностью проявилась за годы Великой отечественной войны. На другой же день после предательского вторжения гитлеровской армии в советские пределы академия мобилизовалась на нужды фронта и военной промышленности. Немало сотрудников академии героически погибло на фронте, с оружием в руках защищая свою родину. Навек памятной останется самоотверженная научная работа академических учёных в осаждённом Ленинграде. Многие из них умерли от голода, болезней, убиты во время обстрела, но работа на помощь великому родному городу, на помощь оборонной промышленности в институтах, лабораториях, библиотеках, архиве академии неустанно продолжалась.

Основная часть академических учреждений была эвакуирована в Казань, Свердловск, Ташкент, Алма-Ату и в другие города и с поразительной быстротой в тяжёлых условиях возобновила свою самоотверженную, иногда подлинно героическую работу.

В конце июня сего года в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР будет широко отмечаться 220-летний юбилей крупнейшего и старейшего научного учреждения страны — Академии наук.

Организация юбилейных торжеств возложена правительством на специальную комиссию под председательством президента Академии наук СССР акад. В. Л. Комарова.

15 июня начнётся общее собрание Академии наук СССР, порядок дня которого составлен из выступлений виднейших учёных СССР, которые изложат итоги исследований отечественной науки как за дореволюционный период, так и за время после победы Великой Октябрьской социалистической революции. После речей президента Академии наук акад. В. Л. Комарова и академика-секретаря Академии наук акад. Н. Г. Бруевича общее собрание заслушает речи акад. В. А. Обручева о деятельности Академии наук в области геологического и географического изучения нашей страны, акад. Н. Д. Зелинского о роли Академии наук в историческом развитии органической химии, чл.-

корр. АН СССР Б. Н. Делоне на тему «Академик П. Д. Чебышев и русская школа математики», акад. Б. Н. Юрьева «Советская школа аэродинамики и Академия наук», акад. Л. А. Орбели «Академик И. П. Павлов и русская физиологическая школа», акад. И. И. Мещанинова «Новое в учении о языке».

Сейчас ещё невозможно с достаточной полнотой и объективностью оценить реальную помощь, оказанную академией обороне социалистической родины. Несомненно одно — что в тяжёлые, военные годы она теснее, чем когда-либо раньше, связалась с армией, с промышленностью и со всей системой научных учреждений. За годы войны вся страна почувствовала живую и неотъемлемую роль академии в культуре, науке, технике. Это особенно отчётливо выразилось в исторических телеграммах Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища И. В. Сталина на имя президента Академии наук В. Л. Комарова. «Надеюсь, — писал товарищ Сталин, — что Академия наук СССР возглавит движение новаторов в области науки и производства и станет центром передовой советской науки в развёртывающейся борьбе со злейшим врагом нашего народа и всех других свободлюбивых народов — немецким фашизмом. Правительство Советского Союза выражает уверенность в том, что в суровое время Великой отечественной войны советского народа против немецких оккупантов Академия наук СССР, возглавляемая Вами, с честью выполнит свой высокий патриотический долг перед родиной».

Академия празднует своё 220-летие в дни победы над обезумевшим врагом свободы, культуры и чести. Детище Петра Великого, носительница славных культурных традиций в великой Советской стране, наша академия, со спокойным удовлетворением взирая на своё прошлое, видит сейчас перед собой новое, необъятное поле для деятельности на победившей свободной советской родине, на пользу и счастье родного народа и демократии всего мира.

Заседания юбилейной сессии Академии наук СССР будут происходить в Москве и Ленинграде, городе, в котором была основана Академия наук и который дал так много для науки и культуры нашей страны и внёс ценнейший вклад в дело защиты этой культуры от немецко-фашистских варваров.

В Москве состоятся заседания отделений Академии наук. Порядок дня заседаний отделения истории и философии: вступительное слово академика-секретаря отделения истории и философии акад. В. П. Волгина на тему «Диалектический материализм и историческая наука». Предполагаются доклады: акад. Б. Д. Грекова «Происхождение русского государства», чл.-корр. АН СССР

корр. АН СССР Б. Н. Делоне на тему «Академик П. Д. Чебышев и русская школа математики», акад. Б. Н. Юрьева «Советская школа аэродинамики и Академия наук», акад. Л. А. Орбели «Академик И. П. Павлов и русская физиологическая школа», акад. И. И. Мещанинова «Новое в учении о языке».

Е. А. Косминского «Социальная история Англии в работах русских учёных» и проф. П. Н. Третьякова «Восточно-славянские племена накануне образования Киевского государства», чл.-корр. АН СССР С. Л. Рубинштейн «Проблема сознания в свете диалектического материализма (К вопросу о философских основах советской психологии)».

На заседании отделения литературы и языка предполагаются доклады: акад. И. С. Державина «Славяне, Россия и Советский Союз», акад. С. П. Обнорского «Культура русского языка», акад. А. С. Орлова «Героические темы древнерусской литературы», чл.-корр. АН СССР П. И. Лебедева-Полянского «Чехов (на грани двух эпох)».

Участники сессии посетят научно-исследовательские учреждения Академии наук, ин-

ституты, лаборатории, музеи, Ботанический сад и т. д.

К сессии будут организованы в Москве и в Ленинграде книжные выставки изданий Академии наук за 220 лет. Архив Академии наук готовит большую выставку документов из истории Академии. Будут продемонстрированы уникальные архивные материалы, начиная с подлинника Указа Петра Великого об учреждении Академии наук и др.

Юбилей Академии наук привлёк внимание и вызвал законный интерес научных обществ и учёных мира. Многие иностранные учёные изъявили желание участвовать в юбилейных торжествах и тем самым отдать дань уважения центру советской науки, имеющей огромные заслуги перед человечеством.

В. А.

ПЕРВАЯ ДОПЕТРОВСКАЯ РУКОПИСНАЯ ГАЗЕТА

С. Марлинский

Первые известия из иностранных газет появляются на Руси ещё в начале XVI в.; особенно усиливается поступление информации с Запада во времена правления Ивана Грозного. Посольский приказ с начала XVII в. стал составлять для царя сводки из важнейших газет Западной Европы, пополняя их сведениями о политической жизни различных стран, взятыми из донесений русских дипломатов. С 1621 г. Посольский приказ начал составлять рукописные куранты (от латинского *Currrens* — бегущий или текущий), т. е. извлечения из иностранных газет и агентурных сводок, доставляемых послами, их дьяками и подьячими, купцами и иностранными агентами Русского государства.

Рукописные куранты составлялись в Посольском приказе с 1621 по 1701 год. Для составления курантов Посольский приказ начал с 1631 г. выписывать иностранные газеты, число которых дошло в конце XVII в. до 43¹. До учреждения почты куранты составлялись нерегулярно, а с возникновением в 1665 г. почты Свядена они стали составляться до двух раз в месяц. Сотрудники Посольского приказа обязаны были главным образом следить за ходом европейской политики, за сведениями о Русском государстве, печатавшимися в иностранных газетах. Сведения, получаемые для курантов, держали в строгой государственной тайне, «что бы ни один частный человек не узнал прежде двора, что происходит в Западной Европе, а более того, что бы каждый остерегся писать что-нибудь непозволительное и для государства вредное»².

¹ Майков Л. «Очерки из истории русской литературы XVII—XVIII вв.», стр. 381. СПб. 1899.

² Пятковский А. «Очерки по истории русской журналистики», стр. 12—13. СПб. 1888.

Куранты обыкновенно переписывались в двух экземплярах (один для царя, другой для Посольского приказа) и озаглавливались «Вести» или «Вести из разных мест», «Вести из Веды мая в 21 день».

Куранты переписывались на длинных листах, или «столбцах», почему их часто и называли «столбцами». В составлении курантов принимали участие такие выдающиеся культурные деятели XVII в., как известный дипломат Ордин-Нащокин, начальник Посольского приказа, Андрей Виниус и др.

В курантах наряду с материалами о Западной Европе попадались сведения и о Русском государстве, в частности сообщения о ходе военных действий со слов западноевропейских газет. Рукописные куранты имели очень узкий круг читателей: они зачитывались царю и ближайшим придворным боярам. Об этом свидетельствуют надписи на них: «Государю чтено», «Государю чтено и боярам». При отлучке царя отмечалось: «Чтено боярам», иногда: «Посылаемы были великому Государю в поход в Преображенское» или «Коламниское». Иногда указывалось время и место чтения: «1667 года, Сентябрь в 1-й день Великому Государю чтено в комнате, а бояре слушали в передней»³.

Наличие курантов свидетельствует о том, что историческая необходимость в периодическом печатном правительственном органе назрела ещё в XVII веке. Но для решения этой задачи нужна была выдающаяся историческая личность, как Пётр I.

Петровские реформы, которые были «свое-

³ Покровский А. Предисловие ко второму выпуску «Ведомостей Петра Великого», стр. 28—29. 1906. Там же материал о публикации курантов.

Е. А. Косминского «Социальная история Англии в работах русских учёных» и проф. П. Н. Третьякова «Восточно-славянские племена накануне образования Киевского государства», чл.-корр. АН СССР С. Л. Рубинштейн «Проблема сознания в свете диалектического материализма (К вопросу о философских основах советской психологии)».

На заседании отделения литературы и языка предполагаются доклады: акад. И. С. Державина «Славяне, Россия и Советский Союз», акад. С. П. Обнорского «Культура русского языка», акад. А. С. Орлова «Героические темы древнерусской литературы», чл.-корр. АН СССР П. И. Лебедева-Полянского «Чехов (на грани двух эпох)».

Участники сессии посетят научно-исследовательские учреждения Академии наук, ин-

ституты, лаборатории, музеи, Ботанический сад и т. д.

К сессии будут организованы в Москве и в Ленинграде книжные выставки изданий Академии наук за 220 лет. Архив Академии наук готовит большую выставку документов из истории Академии. Будут продемонстрированы уникальные архивные материалы, начиная с подлинника Указа Петра Великого об учреждении Академии наук и др.

Юбилей Академии наук привлёк внимание и вызвал законный интерес научных обществ и учёных мира. Многие иностранные учёные изъявили желание участвовать в юбилейных торжествах и тем самым отдать дань уважения центру советской науки, имеющей огромные заслуги перед человечеством.

В. А.

ПЕРВАЯ ДОПЕТРОВСКАЯ РУКОПИСНАЯ ГАЗЕТА

С. Марлинский

Первые известия из иностранных газет появляются на Руси ещё в начале XVI в.; особенно усиливается поступление информации с Запада во времена правления Ивана Грозного. Посольский приказ с начала XVII в. стал составлять для царя сводки из важнейших газет Западной Европы, пополняя их сведениями о политической жизни различных стран, взятыми из донесений русских дипломатов. С 1621 г. Посольский приказ начал составлять рукописные куранты (от латинского *Currrens* — бегущий или текущий), т. е. извлечения из иностранных газет и агентурных сводок, доставляемых послами, их дьяками и подьячими, купцами и иностранными агентами Русского государства.

Рукописные куранты составлялись в Посольском приказе с 1621 по 1701 год. Для составления курантов Посольский приказ начал с 1631 г. выписывать иностранные газеты, число которых дошло в конце XVII в. до 43¹. До учреждения почты куранты составлялись нерегулярно, а с возникновением в 1665 г. почты Свядена они стали составляться до двух раз в месяц. Сотрудники Посольского приказа обязаны были главным образом следить за ходом европейской политики, за сведениями о Русском государстве, печатавшимися в иностранных газетах. Сведения, получаемые для курантов, держали в строгой государственной тайне, «что бы ни один частный человек не узнал прежде двора, что происходит в Западной Европе, а более того, что бы каждый остерегся писать что-нибудь непозволительное и для государства вредное»².

¹ Майков Л. «Очерки из истории русской литературы XVII—XVIII вв.», стр. 381. СПб. 1899.

² Пятковский А. «Очерки по истории русской журналистики», стр. 12—13. СПб. 1888.

Куранты обыкновенно переписывались в двух экземплярах (один для царя, другой для Посольского приказа) и озаглавливались «Вести» или «Вести из разных мест», «Вести из Веды мая в 21 день».

Куранты переписывались на длинных листах, или «столбцах», почему их часто и называли «столбцами». В составлении курантов принимали участие такие выдающиеся культурные деятели XVII в., как известный дипломат Ордин-Нащокин, начальник Посольского приказа, Андрей Виниус и др.

В курантах наряду с материалами о Западной Европе попадались сведения и о Русском государстве, в частности сообщения о ходе военных действий со слов западноевропейских газет. Рукописные куранты имели очень узкий круг читателей: они зачитывались царю и ближайшим придворным боярам. Об этом свидетельствуют надписи на них: «Государю чтено», «Государю чтено и боярам». При отлучке царя отмечалось: «Чтено боярам», иногда: «Посылаемы были великому Государю в поход в Преображенское» или «Коламнисское». Иногда указывалось время и место чтения: «1667 года, Сентябрь в 1-й день Великому Государю чтено в комнате, а бояре слушали в передней»³.

Наличие курантов свидетельствует о том, что историческая необходимость в периодическом печатном правительственном органе назрела ещё в XVII веке. Но для решения этой задачи нужна была выдающаяся историческая личность, как Пётр I.

Петровские реформы, которые были «свое-

³ Покровский А. Предисловие ко второму выпуску «Ведомостей Петра Великого», стр. 28—29. 1906. Там же материал о публикации курантов.

образной попыткой выскочить из рамок отсталости»¹, направлены были в первую очередь на борьбу с культурной и военной отсталостью страны.

Интересам обороны страны были подчинены все реформы Петра Великого в области экономики, государственного управления и культуры. Назревшая ещё в XVII в. необходимость в политическом печатном органе стала более настоятельной.

Рукописные куранты уже не могли удовлетворить Петра, и он 16 декабря 1702 г. подписал правительственный указ, который гласил: «Великий Государь указал: По ведомостям о воинских и о всяких делах, которые надлежат для объявления Московского и окрестных Государств людям, печатать куранты, а для печатных курантов, ведомости в которых Приказах о чём ныне какия есть и впредь будут присылать в Монастырский Приказ без молчания, а из Монастырского Приказа те ведомости отсылать на печатный двор»².

27 декабря 1702 г. была выпущена специальная листовка под названием «Юрнал или подневная роспись в мимошедшую осаду под крепостью Нотенбургом Сентября 26 день в том 1702 году чинилось». Такие «юрналы», посвящённые описанию одного

выдающегося события (например о взятии Нарвы, Дерпта), печатались и позже³.

Ряд исследователей обращает внимание на наличие за 16 и 17 декабря 1702 г. двух рукописных экземпляров газеты, считая поэтому 16 декабря днём выхода первого номера петровской газеты⁴. Однако эти два экземпляра газеты распространения не имели и, следовательно, могут считаться только пробными экземплярами, а отнюдь не первыми номерами печатной газеты.

2 января 1703 г. (по старому стилю) вышел первый печатный номер петровской газеты. Вначале петровская газета не имела постоянного заглавного титула. Газета озаглавливалась «Ведомости», «Ведомости Московские», «Ведомости о литовской осаде», «Ведомость о Богушской осаде»⁵.

В «Ведомостях» за 1704 г. мы встречаем следующий полный заглавный титул газеты: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве, и во иных окрестных странах». В дальнейшем повторяется заглавие — «Ведомости». Так и принято называть первую русскую газету.

³ Пекарский И. «Наука и литература в России при Петре Великом». Т. II, стр. 101.

⁴ Харлампович К. «Ведомости Московского государства 1702 г.», «Известия отделения русского языка и словесности Российской академии наук» за 1918 год. Т. XXIII. Кн. 1-я, стр. 12, 15, 17.

⁵ См. «Ведомости Петра Великого». I—II вып. 1903—1906.

¹ Сборник «Ленин—Сталин». Т. III, стр. 315.

² Полное собрание законов (ПСЗ). Т. IV, № 1921.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЩЕБЛЫКИН И. П. *Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами.* (Материалы.) Академия наук СССР. Азербайджанский филиал. Институт истории. Изд-во АзФАН. Баку. 1943. 94 стр. 20 руб.

Средневековое зодчество Азербайджана представляет исключительный интерес как с точки зрения художественной, так и с точки зрения историко-культурной. Однако до последнего времени лишь немногие памятники были известны в науке, и до сих пор не проделана ещё обобщающая работа, которая установила бы связи средневековой архитектуры Азербайджана с архитектурой братских Армении и Грузии и соседнего Ирана. Не сделана ещё работа, которая проследила бы этапы развития азербайджанского зодчества, своеобразие его стилистических особенностей, черты, характеризующие местные школы. Такая работа вместе с тем помогла бы определить место архитектуры Азербайджана в истории искусства и культуры Переднего Востока в целом.

Из множества памятников средневековой азербайджанской архитектуры широкой известностью пользуются только знаменитые мавзолеи в Нахичевани — Ибн Кутейр и Мумине-хатун, в народе называемые Атабаба и Атабек. Эти замечательные памятники известны в науке ещё со времени путешествия англичанина Роберта Кер-Портера (1821). После этого они неоднократно описывались и воспроизводились. Наиболее известные описания помещены в специальной брошюре Якобсталя (1899) и у Фр. Сарре в его альбоме «Памятники персидского зодчества» (1901). В последнее время они были опубликованы и описаны в большой сводной работе «Обзор персидского искусства», вышедшей под редакцией известного американского учёного Артура Алхэм Поупа (1939). Во всех этих публикациях нахичеванские мавзолеи отнесены к иранскому искусству.

Из других памятников азербайджанского средневековья в СССР хорошо известна каменная архитектура Баку и, в меньшей степени, Апшеронского полуострова. Многие прекрасные образцы азербайджанского зодчества выявлены лишь в последние годы и не введены ещё в мировой научный оборот.

В Азербайджане за эти годы проведена огромная работа по разведке, обследованию и обмерам памятников архитектуры. Эта работа проводилась в основном двумя учреждениями: Азербайджанским центральным управлением по охране памятников старины и революции (АзЦУОР) и отделом архитектуры и искусства Азербайджана при Институте истории АзФАН.

Особенно способствовала расширению

круга этих работ подготовка к празднованию юбилея великого азербайджанского поэта Низами, проводившаяся в 1939—1941 годах. В эти годы появился ряд статей, посвящённых различным сторонам культуры Азербайджана эпохи Низами и, в частности, архитектуре. Все эти работы значительно расширили наши представления о культуре Азербайджана, показали её богатство, своеобразие и самобытность и большое значение для развития культуры Переднего Востока в целом. Однако большинство этих статей носит предварительный характер, и мы ещё ждём больших обобщающих работ.

В этих условиях нужно всячески приветствовать появление книги архитектора И. П. Щеблыкина, крупного специалиста по зодчеству Закавказья, лично обследовавшего большинство памятников Азербайджана. Выпущенная им в 1943 г. книга «Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами» содержит описание большого количества архитектурных сооружений, главным образом XII—XIV веков. Наряду с этим в книге дано описание более ранних и более поздних сооружений.

После краткого введения автор описывает памятники Баку, подробно останавливаясь на минарете Сынык-кала (1078—1079), «Девичьей Башне» и на интереснейших полузатопленных развалинах крепости XIII в., на так называемых «Баилловских камнях».

Вкратце упомянув о других памятниках старого Баку, И. П. Щеблыкин переходит к описанию апшеронских сооружений, представляющих особый интерес, так как в большинстве своём это светские постройки: крепости, замки, увеселительная ханская дача, бани, водохранилища.

Небольшая глава посвящена мавзолею Пир-Хусейна на реке Пирсагат, этому своеобразнейшему памятнику средневекового зодчества, в котором сочтались столь разнородные элементы.

Затем автор последовательно останавливается на памятниках ряда районов Азербайджана: Шемахи, Ганджи и бассейна Куры, северных склонов Малого Кавказа. Много внимания уделено нахичеванской группе: мавзолеям Атабек и Атабаба и недавно обследованному мавзолею в Карабагларе. Описаны также памятники Барды и Шамхора, а в конце книги дан обзор ряда недавно открытых «башенных» мавзолеев,

разбросанных по всей стране. Из них особенно следует отметить мавзолей в Джуге, речь о котором будет ниже.

В заключение автор даёт беглый обзор дальнейших судеб азербайджанской архитектуры с XIV по XIX век.

Таким образом, в книге имеется подробное описание нескольких десятков архитектурных сооружений первостепенного значения, сделанное с большим знанием предмета, сопровождаемое данными обмеров, анализом архитектурных приёмов. В книге много чертежей и отличных рисунков, сделанных автором, и ряд фотографий. К сожалению, рисунки эти типографски плохо выполнены, что значительно снижает ценность этих важных документов.

Собранный в книге ценнейший материал представляет огромный интерес не только для лиц, занимающихся историей архитектуры Азербайджана: книга может быть использована и теми, кто изучает историю культуры всего Переднего Востока. Жаль только, что автор, тщательно, порою даже скрупулёзно мелочно описывая отдельные памятники, не попытался сделать почти никаких не только историко-культурных, но и узко историко-архитектурных обобщений. Правда, слово «Материалы», поставленное в подзаголовке книги, как будто бы оправдывает чисто описательный характер работы, однако жаль, что такой опытный исследователь, как И. П. Шеблыкин, не захотел сам сделать некоторых, вполне оправданных материалом выводов, а оставил выполнение этой задачи другим, взяв на себя лишь тяжёлый и не всегда благодарный труд собирателя и регистратора отдельных явлений.

И. П. Шеблыкин правильно отметил и проанализировал ряд своеобразных приёмов строительной техники; особенно отмечу анализ кладки стен старой Ганджи (стр. 46) и описание приёмов облицовки нахичеванских мавзолеев (стр. 58—59). Он привёл много ценных свидетельств исторических источников, в двух местах осторожно, с большими оговорками, отметил наличие двух различных архитектурных школ: аншеронской (стр. 39) и нахичеванской (стр. 73), однако работа в целом неисторична, и в этом её важнейший недостаток. Достоверные исторические свидетельства переплетаются у автора с непроверенными, а порой и фантастическими легендами (стр. 55, 61 и др.). Сравниваются и сопоставляются памятники разных эпох и стран, не имеющие между собой ничего общего, причём из этих сопоставлений не делается никаких выводов (см. особенно стр. 65).

А между тем уже на основании собранного самим автором материала, с помощью правильно подобранных аналогий — кавказских, малоазийских и иранских, — опираясь на достижения советской науки, можно было бы решиться на некоторые обобщения, которые помогли бы лучше оценить культуру средневекового Азербайджана той поры, когда он переживал своеобразный расцвет, неслучайно сравниваемый с Ренессансом.

Уже в работе Н. Я. Марра «Ани» дана

широкая картина культурной жизни Закавказья перед монгольским нашествием и много внимания уделено архитектуре как ведущему роду искусства в феодальную эпоху. И. А. Орбели в исследованиях, посвящённых проблеме так называемого сельджукского искусства и истории культуры и искусства Закавказья¹, развивая идеи Марра, пришёл к ряду важных выводов о самобытности культуры народов Закавказья, о влиянии этих народов на культуру Малой Азии и Ирана, о расцвете в XII—XIII вв. феодального города и его роли в истории культуры, о резко отличных направлениях в искусстве, культуре, всей общественной жизни города и старого замка. Все эти мысли Марра и Орбели нашли подтверждение на самом разнообразном материале в архитектуре, художественном ремесле, литературе всех народов Переднего Востока. Недаром Н. Я. Марр говорил, что для понимания армянского зодчества нужно изучать поэму Руставели.

Правильна и плодотворна была мысль об общности и взаимосвязи культур народов Закавказья, правильно указывали и Марр и Орбели на то, что разница в культуре и искусстве народов Закавказья этой поры намечается в основном не по линии национальной и конфессиональной, а по линии социальной, классовой. Однако теперь, когда задача в целом уже может считаться решённой, настало время для уточнения частных вопросов, выяснения местных особенностей, отличающих тот или другой народ Закавказья от других, родственных ему по культуре народов.

За последние годы в советской научной литературе появилось немало работ, посвящённых такой тематике. Не была забыта среди других историко-культурных тем и средневековая архитектура Азербайджана.

Эти работы, несомненно, прекрасно известные И. П. Шеблыкину, могли бы помочь ему в разрешении ряда важных вопросов, которые так и остались без ответа в его книге.

Я остановлюсь здесь на статье молодых архитекторов: Л. Бретаницкого, Г. Елькина, Л. Мзмиконова и Д. Мотиса «Некоторые проблемы взаимосвязи в архитектуре народов Закавказья (мавзолей в селении Джуга)»². Эта статья — прекрасный образец того, как на основании анализа одного памятника, привлекая обширный сравнительный материал, развёртывая аргументацию на широком историческом фоне, можно дать большие и важные историко-культурные обобщения. Л. Бретаницкий и другие, давая

¹ См. «Труды III конгресса по иранскому искусству и археологии» и сборник «Памятники эпохи Руставели».

² «Известия АзФАН» № 7 за 1942 год. Перу этих же авторов принадлежат и другие интересные статьи: «Архитектурные памятники Азербайджана эпохи Низами» («Архитектура СССР» № 10 за 1940 г.) и «Памятники азербайджанской архитектуры в Карабагяре» (альманах «Низами» № 3 за 1940 г.).

подробное формальное описание памятника, не забывают о главном: о необходимости найти место данному памятнику в процессе исторического развития культуры данного народа.

Возьмём для примера намеченную уже в статье Л. Бретаницкого и других нахичеванскую школу зодчества. Описывая мавзолей в Барде (1322), И. П. Шеблыкин пишет: «Бардинский мавзолей является типичным творением нахичеванской школы зодчих. Одна из надписей мавзолея говорит, что это «работа Ахмеда сына Айюба, ал-хафиза, архитектора нахичеванского» (стр. 73). Таким образом, принадлежность памятника к данной художественной школе определяется одним только фактом нахождения на памятнике указания на происхождение архитектора. Ни стилистического анализа, подтверждающего это положение, ни исторических и историко-культурных доводов в пользу своего утверждения автор не приводит.

Останавливаясь на мавзолее в Джуге, теснейшим образом связанном стилистически с нахичеванскими памятниками и являющимся образцом домонгольского зодчества Азербайджана, И. П. Шеблыкин указывает на сходство этого памятника с аналогичными мавзолеем у озера Ван. Однако он не связывает с этим сделанное им же самим замечание, что некоторые архитектурные детали мавзолея Атабека в Нахичевани сходны с ornamentацией мавзолея в Джуге. Никаких выводов из этого не делается, памятник рассматривается в отрыве от основных памятников нахичеванской школы.

Л. Бретаницкий и другие, останавливаясь на том же памятнике (мавзолей в Джуге), сумели, не ограничиваясь подробным, формальным разбором памятника, подыскать множество аналогий, проследить культурные связи братских народов Кавказа—армян и грузин—с Азербайджаном, проанализировать архитектуру Конии XIII в. и, опираясь на авторитетное мнение Н. Я. Марра и И. А. Орбели, ещё раз подтвердить то положение, что так называемая сельджукская (конийская) школа зодчества есть плод творчества народов Кавказа прежде всего.

Подходя к теме исторически, молодые архитекторы сумели и нахичеванскую школу разделить на два исторически важных этапа: до монгольского нашествия и после него. И, действительно, при наличии ряда общих черт памятники Нахичевани и Джуги существенно отличаются от Карабаглярского и Бардинского мавзолеев.

Памятники зодчества Азербайджана эпохи Низами могут быть поняты только при условии, если мы будем исходить из самой этой эпохи, со всем её богатством и своеобразием. Отнюдь не желая умалять значения архитектурной части работы И. П. Шеблыкина, отдавая должное его верному глазу и большому опыту, я хочу попытаться сделать несколько замечаний историко-культурного характера, которые, быть может, будут полезны для дальнейшей работы над этим интереснейшим и имеющим всемирноисторическое значение периодом истории Азербайджана.

XII век характеризуется на Переднем Востоке переходом общества к стадии развитого феодализма. Повсеместное утверждение ленной системы — икта, начавшей развиваться ещё в X в. и достигшей своего полного расцвета при Сельджуках, рост городов как ремесленно-промышленных и торговых центров, появление в связи с этим новых общественных слоёв, обострённая классовая борьба, сложение ремесленно-городских организаций—вот что характерно для этого времени. Крестьянство, испытывавшее на себе гнёт новых форм эксплуатации, более совершенных, но не менее тяжёлых, чем прежние, волновалось: создавались организации, тайные общества, ставившие своей целью возвращение к патриархальным порядкам, провозглашённым некогда Маздаком и Бабком. Охватившее весь Передний Восток движение исмаилитов, крестьянское по своему существу, было использовано и определённой группой феодалов, не связанных с городом, с ленной системой, а являющихся представителями старого, натурального хозяйства.

Другая группа феодалов, «новых», если их можно так назвать, ориентировалась на ремесленно-промышленный город. Это по преимуществу пришлые люди, не имевшие корней в данном районе, целиком зависевшие от получаемых икта, не ведшие, как правило, своего хозяйства, заинтересованные в эксплуатации ремесла и торговли.

Ремесленное и торговое население цветущих городов Закавказья, Малой Азии и Ирана впервые осознаёт себя как политическую и культурную силу. Религиозно-философское движение (суфизм), получившее особое значение в XI—XIII вв., несомненно, находилось в связи с этими процессами. Позднее суфизм будет приручен феодалами, станет оплотом мракобесия и реакции, выродится в придворный сервильный мистицизм, но в эту пору суфизм—это ещё передовое, антифеодальное движение, объединяющее ремесленные и торговые круги. Вдоль торговых путей появлялись своеобразные базы суфийских организаций — завии или ханеги, общежитийные и странноприимные дома, очаги суфийской пропаганды, опорные пункты торгово-ремесленных организаций, создававшиеся у почитаемых могил святых, у источников, бывших объектами поклонения с незапамятных времён. В эти века (XI—XIII) появляется многочисленная трудовая городская интеллигенция, неразрывно связанная с народом, в творчестве которой, вопреки феодальному гнёту, до нас дошли великие достижения культуры народов Переднего Востока. К этой общественной прослойке принадлежали и великий Низами, и Эфзаль эд-дин Хагани, и ми'мар Эджеми Абу-Бекр.

И вообще можно провести параллель между творчеством Низами и Абу-Бекра. Стройность общего замысла, величественность конструкции и тончайшая, филигранная разработка деталей, неисчерпаемая фантазия и изобретательность в орнаменте, будь то словесном или архитектурном,— всё это роднит этих двух мастеров.

Нахичеванская школа зодчества (а может быть, следует назвать её шире—арранской, хотя, несомненно, современем мы научимся и в ней различать подшколы и направления)—типичное порождение городской культуры XI—XIII веков. К этой школе нужно отнести памятники Нахичевани и Джуги. Для неё характерно использование в качестве материала в равной мере кирпича и камня, хотя идёт она, конечно, от кирпича и лишь затем применяет сложившиеся в кирпиче художественные приёмы к более близкому Закавказью камню. Несомненно, произведения этой школы нужно искать и дальше на юг, в кровно связанном с Кавказом Южном Азербайджане, в памятниках Хоя, Салмаса, Хиова и дальше до Мераги. К этой же школе нужно, по видимому, отнести и ханегу на реке Алинджа-чай, о чём говорит михраб (ниша в стене мечети, обращённая в сторону Мекки) этого сооружения. Здесь нет нужды ссылаться на авторитет покойного Б. П. Денике (стр. 68); такие михрабы, такая отделка резьбой по гипсу характерны как раз для Северозападного Ирана и Закавказья XII—XIII веков. Не случайна и находка такой резьбы в Двине. И. П. Щерблякин указывает на черты сходства этого памятника с Атабеком, но не делает из этого надлежащих выводов. Ханега на реке Пирсагат — памятник более сложный, он имеет ряд разнообразных наслоений, но и он в основе своей должен относиться к этой же школе. Да и недаром памятники на реках Пирсагат и Алинджа-чай—ханеги, связанные, как указывалось выше, с ремесленно-торговыми организациями городов.

Монгольское нашествие оказало пагубное влияние на культуру стран Переднего Востока, больше того: на весь ход исторического развития этих стран, затормозив его. Оно отразилось на всех решительно отраслях культуры. Это не значит, конечно, что перестали строить, что не воздвигались замечательные постройки. В монгольское время в Иране создавались даже грандиозные сооружения вроде усыпальницы Ульчжайгу. Но творческая мысль бледнеет, конструктивно смелое и оправданное переходит в декоративную мишуру. И ещё одно: происходит большая нивелировка — памятники теряют своё местное своеобразие. Конечно, памятники в Карабагляре и Барде являются образчиками нахичеванской (арранской) школы, но это — уже другое время, другой этап, они уже в значительной степени потеряли свою индивидуальность, подобные сооружения можно найти на всей территории государства Хулагидов. Парные минареты в Исфагани почти ничем не отличаются от карабаглярских.

Азербайджан к северу от реки Куры, особенно район Шемахи, Апшеронский полуостров—старый Ширван,—жил в XI—XIII вв. несколько иной жизнью, да и монгольское завоевание меньше отразилось на Ширване.

В Ширване городская жизнь, конечно, также играла в XI—XIII вв. большую роль, но замок был всё же заметным элементом общественной жизни страны. Здесь нет возможности останавливаться на ряде подробностей, но необходимо отметить, что ширваншахи-кесраниды в значительной степени были ещё «старыми» феодалами натурального хозяйства.

Этим объясняется наличие большого количества памятников замковой архитектуры, столь похожих на западноевропейские (сходные социальные условия вызывают к жизни и сходные формы). Мы, несомненно, можем говорить о ширванской школе зодчества. И, конечно, прав И. П. Щерблякин, когда он связывает Апшерон с Шемахой и остальным Ширваном (стр. 39). Только об этом надо говорить гораздо твёрже и уверенней!

В архитектуре ширванской школы основным материалом является камень. В строительных приёмах и декоративном убранстве много общего с архитектурой Армении, и при дальнейших исследованиях, несомненно, можно будет проследить связь ширванского зодчества с древним албанским. Преемственность с более поздними памятниками (XIV—XV вв.) теснее в ширванской школе, чем в арранской, но и здесь имеется отчётливая грань—нашествие монголов. Не нужно думать, конечно, что эти две художественные школы отделены друг от друга китайской стеной: они развивались параллельно, взаимно проникая и влияя одна на другую. Об этом говорят нам хотя бы такие памятники, как мавзолей в Джуге (материал), ханега на реке Пирсагат (ряд конструктивных решений и моментов декоративного убранства).

Сделанные замечания носят, разумеется, самый общий характер. Кроме того автор рецензии—не архитектор, а историк. Хотелось только обратить внимание И. П. Щерблякина на историко-культурную сторону вопроса, без чего весь богатый материал, собранный им, молчит. Будем надеяться, что в своих дальнейших трудах по истории азербайджанской архитектуры И. П. Щерблякин обратит больше внимания на исторические условия, в которых создавались прекрасные памятники азербайджанского зодчества, а может быть, и воспользуется некоторыми из приведённых здесь замечаний.

М. Дьяконов

АВЕРКИЕВА Ю. П. Рабство у индейцев Северной Америки. Академия наук СССР. Институт этнографии. Изд-во Академии наук СССР. М. и Л. 1941. 104 стр. + 43 илл. 3 р. 50 к.

Книга Ю. П. Аверкиевой — первая монография о ранних формах рабства, вышедшая за годы советской власти. Автор по-

ставил перед собой важную задачу — показать на конкретном материале индейского общества, как и в силу каких причин в вед-

Нахичеванская школа зодчества (а может быть, следует назвать её шире—арранской, хотя, несомненно, современем мы научимся и в ней различать подшколы и направления)—типичное порождение городской культуры XI—XIII веков. К этой школе нужно отнести памятники Нахичевани и Джуги. Для неё характерно использование в качестве материала в равной мере кирпича и камня, хотя идёт она, конечно, от кирпича и лишь затем применяет сложившиеся в кирпиче художественные приёмы к более близкому Закавказью камню. Несомненно, произведения этой школы нужно искать и дальше на юг, в кровно связанном с Кавказом Южном Азербайджане, в памятниках Хоя, Салмаса, Хиова и дальше до Мераги. К этой же школе нужно, по видимому, отнести и ханегу на реке Алинджа-чай, о чём говорит михраб (ниша в стене мечети, обращённая в сторону Мекки) этого сооружения. Здесь нет нужды ссылаться на авторитет покойного Б. П. Денике (стр. 68); такие михрабы, такая отделка резьбой по гипсу характерны как раз для Северозападного Ирана и Закавказья XII—XIII веков. Не случайна и находка такой резьбы в Двине. И. П. Щерблякин указывает на черты сходства этого памятника с Атабеком, но не делает из этого надлежащих выводов. Ханега на реке Пирсагат — памятник более сложный, он имеет ряд разнообразных наслоений, но и он в основе своей должен относиться к этой же школе. Да и недаром памятники на реках Пирсагат и Алинджа-чай—ханеги, связанные, как указывалось выше, с ремесленно-торговыми организациями городов.

Монгольское нашествие оказало пагубное влияние на культуру стран Переднего Востока, больше того: на весь ход исторического развития этих стран, затормозив его. Оно отразилось на всех решительно отраслях культуры. Это не значит, конечно, что перестали строить, что не воздвигались замечательные постройки. В монгольское время в Иране создавались даже грандиозные сооружения вроде усыпальницы Ульчжайгу. Но творческая мысль бледнеет, конструктивно смелое и оправданное переходит в декоративную мишуру. И ещё одно: происходит большая нивелировка — памятники теряют своё местное своеобразие. Конечно, памятники в Карабагляре и Барде являются образчиками нахичеванской (арранской) школы, но это — уже другое время, другой этап, они уже в значительной степени потеряли свою индивидуальность, подобные сооружения можно найти на всей территории государства Хулагидов. Парные минареты в Исфагани почти ничем не отличаются от карабаглярских.

Азербайджан к северу от реки Куры, особенно район Шемахи, Апшеронский полуостров—старый Ширван,—жил в XI—XIII вв. несколько иной жизнью, да и монгольское завоевание меньше отразилось на Ширване.

В Ширване городская жизнь, конечно, также играла в XI—XIII вв. большую роль, но замок был всё же заметным элементом общественной жизни страны. Здесь нет возможности останавливаться на ряде подробностей, но необходимо отметить, что ширваншахи-кесраниды в значительной степени были ещё «старыми» феодалами натурального хозяйства.

Этим объясняется наличие большого количества памятников замковой архитектуры, столь похожих на западноевропейские (сходные социальные условия вызывают к жизни и сходные формы). Мы, несомненно, можем говорить о ширванской школе зодчества. И, конечно, прав И. П. Щерблякин, когда он связывает Апшерон с Шемахой и остальным Ширваном (стр. 39). Только об этом надо говорить гораздо твёрже и уверенней!

В архитектуре ширванской школы основным материалом является камень. В строительных приёмах и декоративном убранстве много общего с архитектурой Армении, и при дальнейших исследованиях, несомненно, можно будет проследить связь ширванского зодчества с древним албанским. Преемственность с более поздними памятниками (XIV—XV вв.) теснее в ширванской школе, чем в арранской, но и здесь имеется отчётливая грань—нашествие монголов. Не нужно думать, конечно, что эти две художественные школы отделены друг от друга китайской стеной: они развивались параллельно, взаимно проникая и влияя одна на другую. Об этом говорят нам хотя бы такие памятники, как мавзолей в Джуге (материал), ханега на реке Пирсагат (ряд конструктивных решений и моментов декоративного убранства).

Сделанные замечания носят, разумеется, самый общий характер. Кроме того автор рецензии—не архитектор, а историк. Хотелось только обратить внимание И. П. Щерблякина на историко-культурную сторону вопроса, без чего весь богатый материал, собранный им, молчит. Будем надеяться, что в своих дальнейших трудах по истории азербайджанской архитектуры И. П. Щерблякин обратит больше внимания на исторические условия, в которых создавались прекрасные памятники азербайджанского зодчества, а может быть, и воспользуется некоторыми из приведённых здесь замечаний.

М. Дьяконов

АВЕРКИЕВА Ю. П. Рабство у индейцев Северной Америки. Академия наук СССР. Институт этнографии. Изд-во Академии наук СССР. М. и Л. 1941. 104 стр. + 43 илл. 3 р. 50 к.

Книга Ю. П. Аверкиевой — первая монография о ранних формах рабства, вышедшая за годы советской власти. Автор по-

ставил перед собой важную задачу — показать на конкретном материале индейского общества, как и в силу каких причин в вед-

рах первобытно-общинного строя, в условиях которого живут индейцы, возникает рабство, становящееся могильщиком этого строя» (стр. 6).

Рабовладение на северозападном побережье Америки было зафиксировано различными источниками достаточно широко, и это даёт возможность проследить его вполне основательно. Экономической основой северозападного побережья Америки — и в этом его своеобразие — были рыболовство и морской промысел. Рабство же, как показывает большинство известных историй и этнографии примеров, развивалось обычно в условиях земледелия и скотоводства. Отсюда и возникло представление, будто рабовладельческий способ производства возможен лишь в условиях скотоводческого и земледельческого хозяйства. Поэтому особенно важна вторая часть задачи, сформулированной автором: «Показать, что рабство возникает не только на основе перехода к скотоводству и земледелию, но и на основе рыболовства, что решающее значение имеет не сама по себе данная отрасль производства, а уровень развития производительных сил» (стр. 6). Основным в данном случае является такой рост производительности труда, который обеспечил вполне свободно производство постоянных запасов и для внутреннего потребления и для регулярного межплеменного обмена.

Автор привлёк богатый и разнообразный материал. Ю. П. Аверкиева использовала материалы своей полевой работы, собранные ею во время экспедиции американского этнографа Франса Боаса (1930—1931), в которой она принимала участие. Эти данные прекрасно дополняют богатую этнографическую литературу на русском и английском языках, посвящённую индейцам Северозападной Америки. Литература использована Ю. П. Аверкиевой критически, так как, по справедливому её замечанию, «общей чертой всех этих (прежних. — Б. Ш.) исследований является то, что они ограничиваются лишь эмпирическим описанием отдельных сторон жизни и быта племён...» (стр. 13). Автору пришлось самостоятельно пролагать себе дорогу, так как «несмотря на многочисленность этнографических трудов о племенах побережья проблема рабства осталась почти не изученной» (стр. 13). Ю. П. Аверкиева указывает, что большинством этнографов-американистов «рабство обычно считалось всего лишь незначительной «случайностью» в жизни индейских племён» (стр. 14). Особое значение поэтому имеет тот факт, что исследование института рабства у североамериканских индейцев произведено советским автором. Только марксистско-ленинский метод позволяет осветить во всю ширь проблему возникновения и развития рабовладения как способа производства.

Большой заслугой автора книги является то, что наряду с этнографическими описаниями им привлечён богатый фольклор индейских племён. Многочисленные красочные мифы и легенды рисуют условия жизни рабов, их происхождение, количество, использование, — словом, дают картину

даже более полную, чем описания путешественников и учёных. Автор прекрасно показал, как при правильном методе использования этого рода источники могут дать обильный, полнокровный и сочный материал.

Переходя к рассмотрению отдельных глав книги, остановимся в первую очередь на главе V, в которой описывается своеобразный институт потлача. Автор совершенно прав, когда замечает, что вопрос о потлаче имеет большое значение в изучении проблемы рабства (стр. 52). С этой точки зрения, следовало бы, пожалуй, посвятить потлачу особую главу, а главное — развить высказанную автором мысль и связать непосредственно институт потлача с развитием рабовладения. Сюда же следовало бы отнести и данные о раздаче рабов на потлачах (стр. 76), а также данные об убийстве рабов на потлачах (стр. 78). Приведённые автором данные можно было бы пополнить яркими фактами, которые наблюдал Бельчер во время своей поездки в 1836—1842 гг.: «Когда вождь хочет ущемить другого вождя, он приносит в жертву определённое количество своих рабов. На это оскорбление другой вождь должен ответить тем, что он убивает не меньше, а даже по возможности большее число рабов. Так идёт до тех пор, пока не будут перебиты все имеющиеся рабы»¹.

Перед нами, несомненно, явление общего порядка с потлачем, и здесь явно выступает момент усиления социального престижа вождя и рабсвладельца.

Далее, в главе VI автор останавливается на вопросе о количестве рабов. Автор считает цифры Симпсона для тлинкит (одна треть свободного населения) или Сирота, приводимые Мак-Лнодом (половина всего населения), весьма преувеличенными. Однако результаты переписи, произведённой между 1836 и 1846 гг., показали, что численность рабов среди населения северозападного побережья варьировала от $\frac{1}{7}$ у тлинкит до $\frac{1}{20}$ у южных квакиютль. О количестве рабов в одних руках данные мифов и легенд сходятся с показаниями путешественников: если средней цифрой было 10—12 рабов, то у больших вождей число их доходило до 30—40. Эти цифры чрезвычайно высоки. Если мы сравним их с цифрами античного рабства, то они оказываются равными или даже превышающими количество рабов в одном владении в Афинах. Эти высокие цифры нельзя признать типичными для патриархального рабства, и они заставляют задуматься.

Также заставляют задуматься данные о развитой работорговле и обмене рабов. Интенсивный поток рабов, идущий в двух направлениях — с юга и севера, наличие рынков рабов, установление определённых цен на рабов — всё это также не характерно для патриархального рабства.

Высокий процент рабов ко всему насе-

¹ Бельчер. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, стр. 104. СПб. 1861.

лению, а также данные о работорговле дали повод Мак-Лиоду сравнивать экономическое значение рабства для племён северозападного побережья со значением рабства для плантационных районов Америки. Автор правильно критикует это положение Мак-Лиода: «С таким сопоставлением, конечно, согласиться нельзя; автор сравнивает две формации, не имеющие никаких параллелей между собой. Эта ошибка автора совершенно не случайна; она обща для всей буржуазной науки, пытающейся доказать изначальность всех категорий капиталистического общества» (стр. 96). Но, тем не менее, факты наличия большого количества рабов и развитой работорговли требуют пристального внимания и на первый взгляд представляются малопонятными. Объяснение может быть найдено в результате исследования вопроса об использовании рабов и изучения исторической обстановки, сложившейся на северозападном побережье Америки.

Как фольклор, так и этнографические описания свидетельствуют о том, что в домашнем хозяйстве и собирательстве количество используемых рабов было невелико. На патриархальную семью в 20—30 человек приходилось 3—5 человек, занимавшихся подносной воды и топлива, уборкой помещения, собиранием ягод и плодов. Но в морском промысле и в рыболовстве рабы занимали более значительное место. На каждую лодку приходилось не менее 6 рабов-гребцов; рабы использовались также и в качестве охотников, а на чистку рыбы ставились десятки рабов. Следовательно, именно в морском промысле и рыболовстве рабочая сила рабов применялась больше всего. Очевидно, это и способствовало усиленному развитию рабства. Обращаясь к истории индейцев северозападного побережья Америки и их взаимоотношениям с европейцами, можно начертить линию развития у них рабства.

Ритуальное использование рабов, а также упоминание о них в фольклоре являются доказательством того, что рабство существовало у северозападных индейцев до соприкосновения их с европейцами. Об этом же говорит и то обстоятельство, что рабство было распространено повсеместно по всему северозападному побережью, у всех населявших его племён. Повидимому, к моменту знакомства с европейцами оно находилось в ранней, типично патриархальной форме. От этого периода остались такие черты, как запрет взаимного порабощения членов одной фратрии хотя бы различных племён и выкуп военнопленных своей фратрии у соплеменников и соседей, а также адаптация освобождаемых рабов и безнаказанность спрятавшегося в момент ритуальной церемонии раба от предстоящей ему смерти.

Но в первый период после прихода европейцев рабство быстро модифицировалось и перешло на более высокую стадию развития.

Ещё в 1582 г. испанская экспедиция Франсиско Галли достигла северозападного побережья Америки. Никаких описаний жи-

телей эта экспедиция не оставила. Участник большой экспедиции Беринга в 1741 г. Стеллер дал описание жилищ и предметов обихода тлинкит, но он пробыл на американском берегу всего несколько часов и не видел самих туземцев. После описания Стеллера имеется перерыв в литературных источниках до 80-х годов XVIII в., за исключением очень краткого описания Кука, бывшего здесь в 1778 году. Но, безусловно, в эти 35—40 лет европейских купцов, в том числе русских, привлекали сюда обилие ценнейших мехов и лёгкость наживы. Они неоднократно посещали северозападное побережье. Очевидно, результатом этих поездок и была организация купцами Голиковым и Шелеховым Русско-американской компании в 1781 году.

Уже в эти годы и русские, и Ла-Перуз, и Ванкувер отмечают наличие у индейцев железа безусловно европейского происхождения. Следовательно, и до того индейцы были затронуты влиянием цивилизации, проникшей сюда путём обмена и торговли. В силу того, что целью охоты индейцев была добыча мехов мировой ценности, индейцы северозападного побережья сразу попали в орбиту жесточайшей колониальной эксплуатации. Вследствие этого развитие всех сторон их общественного быта, а в особенности связанных с торговлей, шло искусственно быстрым темпом. Рабы покупались для морского промысла, продукт их охоты сбывался на мировой рынок. Вот чем, повидимому, объясняется несоразмерно высокое развитие рабства в этом районе.

Это искусственно быстрое развитие и деформация патриархального рабства, очевидно, продолжались недолго. Вскоре наступил период двойной системы эксплуатации, ярко обрисованный автором на стр. 97, когда рабы оказались под двойным гнётом колониального капитала. Этот процесс привёл к полной ликвидации рабства к концу XIX в., и во время своего посещения северозападного побережья автор встречал лишь слабые указания на этот существовавший некогда институт. Собранный на месте общетнографический материал помог автору воссоздать отживший уклад.

Однако, хотя рабство у индейцев северозападного побережья развивалось искусственно быстро и несколько деформировалось, оно сохранило черты патриархальной его стадии, представляющей большой интерес для советских историков и этнографов. Именно в свете конкретных данных о ранних формах рабства могут быть полностью раскрыты условия возникновения рабовладельческого строя, при котором «основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину»¹.

Издательство Академии наук, выпуск

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 119. М. 1938.

шее книгу, хорошо оформило её. Книга иллюстрирована photographиями автора, сделанными во время экспедиции 1930—1931 годов.

Несколько спорным представляется принятое автором начертание иностранных фамилий латинским шрифтом. Было бы естественно дать их в русской транскрипции и склонять согласно существующим правилам

относительно иностранных собственных имён.

Работа Ю. Аверкиевой сочетает лучшие традиции американской этнографической школы с марксистско-ленинским методом. Она послужит пособием для исторических факультетов при изучении этнографии, первобытной и древней истории.

Б. Шаревская

СОКУРОВА М. В. *Общие библиографии книг гражданской печати 1708—1937. Аннотированный указатель под редакцией и со вступительной статьёй А. Д. Эйхенгольца. (Труды Государственной ордена Трудового Красного знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Библиография русской библиографии. Под редакцией Ю. А. Меженко. Т. I). Л. 1944. 192 стр. 1 л. табл. 35 руб.*

Необходимость описания книг была осознана в России ещё в XVIII в., когда делались первые попытки их регистрации. Серьёзный успех в библиографии книжной литературы был достигнут в начале XIX в. трудолюбивым книгопродавцем и библиотекарем Государственной публичной библиотеки В. С. Сопиковым, которого нередко называют отцом русской библиографии. Немного позднее каталоги частных «библиотек для чтения» знаменитого А. Ф. Смирдина и других во многом содействовали сохранению сведений о книгах. В середине прошлого века в эту работу вклиниваются на короткий срок Библиотека Академии наук и Публичная библиотека. Но ещё значительно раньше царское правительство поручает учёт текущих изданий министерству народного просвещения, а в дальнейшем, после перерыва в 50-х годах, — министерству внутренних дел. Наряду с этим большое значение в этой области имели также и книгопродавческие фирмы И. И. Глазунова, А. Ф. Базунова и Я. А. Исакова с их обширными каталогами, выполненными опытными библиографами. В наши дни новые издания регистрируются большой библиографической организацией — Книжной палатой, публикующей сведения о книгах, журналах, газетах, картах, рецензиях, диссертациях и т. д.

Все эти этапы библиографического освоения книжных богатств представлены в книге М. В. Сокуровой. В ней нет исторического изложения событий, если не считать вводной статьи А. Д. Эйхенгольца. Это также не учебник, а библиография, перечисляющая справочники, но приведённые в ней аннотации и пояснения дают ясное представление о росте и развитии библиографического дела. Поэтому разбираемая работа может быть использована не только в качестве справочника, но и в виде пособия при преподавании библиографии в библиотечных вузах и техникумах.

Зарегистрированные работы подробно обследованы и оценены составителем. Вслед

за библиографическими описаниями приводятся биографические сведения об авторах. Историк Н. Н. Бантыш-Каменский, В. С. Сопиков, непревзойдённый по продуктивности В. И. Межов, организатор коллективных работ по библиографии профессор С. А. Венгеров — с этими и многими другими именами знакомит книга М. В. Сокуровой. Содержание трудов каждого из этих библиографов подробно раскрывается в аннотациях. В них указываются объём учтённой литературы, хронологические рамки, значение и место справочника среди других и т. п. Аннотации заканчиваются перечнями рецензий и литературы о книгах и авторах. Эти литературные ссылки представляют в целом ценную сводку литературных материалов по истории библиографии.

Книга М. В. Сокуровой составляет первое законченное звено широко задуманного плана библиографических работ Государственной Публичной библиотеки. Последний этап этого плана предусматривает объединение всех данных о русских книгах. Для его завершения необходимо использовать библиографические указатели, которые регистрируются в серии «Библиография русской библиографии». Первый том этой серии — книга М. В. Сокуровой. Далее будут выходить указатели указателей литературы по различным отраслям знания, перечни библиотечных каталогов, каталогов книжных магазинов и т. п. (всего свыше 20 томов).

Опыт Государственной Публичной библиотеки по составлению библиографии русской библиографии не является первым. Наши библиографы пытались разрешать эту задачу неоднократно, но вследствие обилия материала (до 25—27 тыс. только отдельных изданий) эти начинания выполнялись лишь частично. Так, исключительно тщательно сделано описание библиотеки Д. В. Ульянинского, произведена точная регистрация текущей библиографии Б. С. Боднарского и др.

Первый том «Библиографии русской биб-

лиографин» содержит сведения о чрезвычайно разнообразных изданиях, печатавшихся на протяжении двух столетий (от «Реестра книг гражданским» петровского времени до еженедельных выпусков «Книжной летописи»). Обработать такой материал с соблюдением необходимой идентичности и с библиографической скрупулезностью чрезвычайно трудно. Отдельные, преимущественно редакционные, исправления хотелось бы внести в работу М. В. Сокуровой, в особенности учитывая, что книга будет, по видимому, переиздаваться (она выпущена в количестве только 1000 экз.). Некоторые библиографические данные можно уточнить, а иногда и сократить (сведения о В. И. Межове). Это замечание относится в равной степени и к тексту аннотаций.

Перед составителем стояла сложная задача по отбору достаточно общих и ценных библиографий. Она разрешена в общем удачно, но под сомнение можно, например, поставить необходимость описания «Каталога книжного магазина «Нового времени» А. С. Суворина» при отсутствии каталога библиотеки А. Черткова «Всеобщая библиотека

России» (1838—1844) со своеобразным и интересным подбором книг.

Неудачным следует признать подбор иллюстраций: помимо снимков с нескольких титульных листов помещён только один портрет В. И. Межова, который не был ведущим библиографом в работе по общей регистрации книг.

Широко задуманный план работы по библиографии русской библиографии предусматривает регистрацию указателей изданий, напечатанных только на русском языке. Между тем в XVIII в. и в первой половине XIX в. значительная часть нашей литературы, особенно научные работы, публиковалась на иностранных языках. Поэтому следовало бы учитывать справочники, относящиеся ко всей литературе, выходящей на территории России, независимо от их языкового признака.

Эти отдельные замечания несколько уменьшают значения работы М. В. Сокуровой — первого подробно аннотированного тома библиографии нашей библиографии.

К. Шафрановский

Важнейшие библиографии по истории Англии

К настоящему времени имеются три основные общие библиографии по истории Англии. В работе Ч. Гросса «Источники и литература по истории Англии от древнейших времён до 1485 г.»¹ учтены и кратко аннотированы источники и исследовательские работы по указанному периоду. Книга разбита на четыре раздела: работы общего характера: древнейший период; англо-саксонский период; от нормандского завоевания до прихода к власти династии Тюдоров. В заключение даны указатели: вспомогательный общий и ряд специальных.

Следующей по времени издания крупной работой является вышедшая под редакцией Г. Дэвиса «Библиография по британской истории периода Стюартов, 1603—1714»². Этот указатель, подобно предыдущему, учитывает и кратко аннотирует как источники — хотя очень скупой, — так и исследовательскую литературу. Классификация материала построена по существенно отличному от указателя Гросса принципу: Гросс, как мы видели, разбил охватываемый его трудом период истории Англии на четыре меньших по хронологическому охвату периода и систематизировал литературу только в пределах каждого из них. Дэвис, напротив, положил в основу своей классифика-

ции систематический признак, разбив материал на шестнадцать разделов, в том числе: политическая и конституционная история, военная история, история флота, история религии, экономическая история и т. д. Такой способ классификации нельзя признать вполне удачным: он затрудняет выявление всей совокупности литературы, относящейся к какому-либо определённом комплексу событий, — например к гражданской войне или к «славной революции». Приняв этот способ, Дэвис идёт навстречу тенденции многих современных английских и особенно американских историков специализироваться на изучении не какого-либо определённого периода, а одной какой-либо отрасли истории. Тенденция эта вызвала к жизни такие «отраслевые» исторические журналы, как «Journal of economic history», «Journal of the history of ideas», «Isis», «Speculum» и многие другие.

Разрыв между периодом, охваченным в указателе Гросса, и периодом, которому посвящён указатель Дэвиса, заполняется «Библиографией по британской истории периода Тюдоров, 1485—1603» под редакцией Конвея Рида³. Принцип классификации здесь тот же, что у Дэвиса. Материал разбит на четырнадцать систематических разделов: работы общего характера, политическая история, конституционная история, история политической теории, история права, церковная история, экономическая история

¹ Gross Ch. The sources and literature of English history from the earliest times to about 1485. 2nd ed.; rev. and enlarg. London. Longmans. 1915. 820 p.; 1 ed. 1900.

² Davies G., ed. Bibliography of British history. Stuart period, 1603—1714. London—New York. Oxford university press. 1928. X, 459 p.

³ Read G., ed. Bibliography of British history. Tudor period, 1485—1603. London—New York. Oxford university press. 1933. XXIV, 467 p.

и т. д. Но следует учесть, что период, когда у власти стояла династия Тюдоров, легче воспринимается как единое целое, чем XVII век, наиболее драматический во всей истории Англии, расколотый пополам крупнейшим событием общеевропейского масштаба — английской буржуазной революцией. Поэтому такое расположение материала у Рида вызывает меньше возражений, оно более целесообразно, чем у Дэвиса.

Указатель Гросса в первом своём издании явился результатом единоличного его труда. В отличие от этого библиографии, вышедшие под редакциями Рида и Дэвиса, созданы общими усилиями многих видных специалистов и по инициативе двух крупнейших научных организаций Англии и США: «Королевского исторического общества» и «Американской исторической ассоциации». Обе эти организации, заключив ещё в 1909 г. соглашение о совместной работе в области исторической библиографии Англии, выделили специально «Объединённый комитет» (Joint committee), в задачу которого входит доведение библиографии по истории Англии до 1910 года. Первоначально предполагалось охватить весь период с 1485 по 1910 г. двумя томами, но обилие литературы заставило расширить этот план до четырёх томов. Два первых, как мы видели, давно уже вышли в свет; третий том (1714—1789), по имеющимся у нас сведениям, уже составлен под редакцией D. J. Medley и S. L. Pargellis и предполагался к изданию в 1940 году. Война задержала выход в свет этого указателя.

Все эти труды — и опубликованные и только намеченные к изданию — имеют одну общую установку: это общеисторические библиографии и притом выборочного характера. Они очень полезны для ознакомления с источниками и важнейшей литературой по истории Англии, но не могут в полной мере удовлетворить потребности специалистов по одному хронологически узкому периоду или по одной отрасли истории в углублённой библиографической информации. Ввиду этого за последние десятилетия появились библиографические труды более специального характера, причём некоторые из них весьма обширны по объёму и стремятся к исчерпывающей полноте учёта. Такова, например, составленная У. Т. и Х. С. Морган «Библиография по британской истории (1700—1715), где особое внимание уделено царствованию королевы Анны»¹. В этой книге учтены почти исключительно источники повествовательного характера по указанному в заглавии отрезку времени: в томах I и II — памфлеты, вышедшие в 1700—1715 гг., в томе III — аналогичные источники 1717 г. и ближайших последующих лет, переписка, автобиографии, периодическая печать (подробно аннотированный список, весь

¹ Morgan W. Th. and Morgan Ch. S. A bibliography of British history (1700—1715) with special reference to the reign of Queen Anne. 3 vols. Bloomington, Indiana. 1934—1939. (Indiana university studies, Nr. 94, 95, 114—122). Vol. IV in preparation.

ма интересный для историка английской прессы), пьесы того же периода. Конец тома посвящён важнейшей литературе по истории Англии указанного периода, вышедшей с 1745 года.

Интересный образец персональной библиографии (т. е. библиографии, посвящённой одному историческому деятелю) дан в труде У. К. Аббота «Библиография Оливера Кромвеля»². В 1937—1939 гг. тот же учёный выпустил двухтомное издание сочинений и писем Кромвеля³, снабжённое введением, примечаниями и очерком жизни. «Библиография Оливера Кромвеля» даёт около 3500 описаний работ об этом крупнейшем деятеле английской революции и перечень его портретов и карикатур на него. Материал расположен в хронологическом порядке. С точки зрения библиографической техники работа Аббота весьма несовершенна. По существу, на ней неблагоприятно отражаются чрезмерное увлечение составителя личной жизнью своего героя и библиофильское пристрастие к редкому и любопытному в ущерб научно значительному. Но центральное положение, которое Кромвель занимает в истории английской буржуазной революции, делает «Библиографию» Аббота полезным пособием и при изучении самой революции.

Таковы основные библиографические труды по истории Англии. Обилие отраслевых исторических библиографий исключает возможность дать сколько-нибудь полный обзор хотя бы важнейших из них в одном кратком очерке. Приходится отметить лишь некоторые.

Промышленной революции в Англии посвящён ряд библиографических работ. Новейшей и лучшей из них является «Библиография по экономике» Хиггса, где дано описание около 7 тыс. трудов по экономической истории Англии за 1751—1775 годы⁴.

Для Англии, в жизни и истории которой столь велика роль флота, особое значение имеет специальная работа Дж. Э. Мануаринга «Библиография истории британского флота»⁵ от древнейших времён до битвы

² Abbott W. C. A bibliography of Oliver Cromwell. A list of printed materials relating to Oliver Cromwell, together with a list of portraits and caricatures. Cambridge, Mass. Harvard university press. 1929. XXVIII, 540 p.

³ Abbott W. C. The writings and speeches of Oliver Cromwell. With an introduction, notes and sketch of his life by W. C. Abbott with the assistance of C. D. Crane. 2 vols. Cambridge, Mass. Harvard university press. 1937—1939.

⁴ Higgs H. Bibliography of economics. Vol. I. 1751—1775. Prepared for the British Academy. Cambridge. University press. 1935. XXII, 742 p.

⁵ Manwaring G. E. A bibliography of British naval history. A biographical and historical guide to printed and manuscript sources. London. Routledge. 1930. XXII, 130 p.

при Трафальгаре включительно. Здесь учёны и аналитически описаны источники по истории флота, работы, представляющие интерес с этой специальной точки зрения: соответствующие места в трудах общен исторического характера, изданиях учёных обществ и журналах. Особенно тщательно учтены рукописные источники, хранящиеся в различных архивах. Весь материал разбит на две части: указатель авторов и аналитически разработанный предметный указатель.

Богатейший материал по колониальной истории Британской империи собран в «Предметном каталоге Королевского имперского общества, б. Королевского колониального института»¹. Первый том каталога посвящён литературе о Британской империи в целом и о её африканских доминионах и колониях; второй том касается Австралии, Новой Зеландии, южной части Тихого океана, Арктики и Антарктики; третий — Канады, Нью-Фаундленда, Вест-Индии и колониального периода истории США; четвёртый — азиатских и средиземноморских владений. Намечен к изданию пятый том: новейшая (с 1914 г.) история британских доминионов и колоний. Главный недостаток книги — презмерная краткость библиографических описаний. Объясняется он тем, что, в сущности, вся эта работа есть вспомогательный предметный указатель к основному (неопубликованному) алфавитному каталогу библиотеки Королевского имперского общества.

В 1940 г. в дополнение ко второму изданию многотомной «Кембриджской истории английской литературы» (вышла в 1932 г.) были опубликованы четыре обширных тома «Кембриджской библиографии английской литературы»². Из них первый охватывает первое тысячелетие английской литературы (660—1660), второй — период от реставрации Стюартов до начала XIX в. (1660—1800) и третий — историю английской литературы XIX века. Четвёртый том — вспомогательный указатель ко всему изданию.

Труд этот стоит на весьма высоком уровне, как и другие аналогичные издания Кембриджского университета³. Историко-литературная тема разработана так широко, что «Кембриджская библиография» представляет первостепенный интерес для всякого специалиста по истории Англии, особенно же для историка культуры. В частности обстоятельно и тщательно даны в отдельных томах перечни английских периодических из-

даний, и не только литературных, но и политических и по различным отраслям науки.

Существует ещё один специальный вид библиографии, представляющий большой интерес для всякого исследователя. Это указатели к содержанию отдельных исторических журналов и указатели изданий отдельных исторических обществ.

Важнейшим образцом первой разновидности является «Общий указатель статей, заметок, документов и избранных рецензий»⁴, помещённых в ведущем историческом журнале Англии — «English historical Review», — который выходил отдельными томами в 1906—1937 годах. Вторая разновидность представлена весьма ценным указателем Г. Холла, дающим перечень изданий Королевского исторического общества и слившегося с ним Кемденского общества⁵.

Текущая историческая библиография по истории Англии представлена двумя ежегодниками. Первый и более ранний по году основания (1912) — «Ежегодный бюллетень исторической литературы»⁶ — посвящён не только истории Англии, но, естественно, он уделяет ей преимущественное внимание, поскольку выпускается силами английской «Исторической ассоциации». Этот ежегодник даёт краткий обзор важнейшей литературы (книг и статей), вышедшей за год, предшествующий изданию очередного выпуска ежегодника (так, в ежегоднике за 1912 г. был помещён обзор продукции 1911 г.). Обзор разбит на ряд крупных систематических глав; каждая из них обычно принадлежит перу выдающегося специалиста в данной области. В конце ежегодника приводится указатель авторов. Описания книг и статей изобилуют условными сокращениями, расшифровка которых не всегда достаточно легка.

Второй библиографический ежегодник — «Труды по британской истории»⁷ — основан относительно недавно: в 1937 г. вышел первый выпуск его, посвящённый литературной продукции 1934 года. Только в 1939 г. был опубликован второй выпуск (труды 1935 г.) и в 1940 г. — третий (труды 1936 г.). Ежегодник охватывает в основном историю Англии с древнейших времён до 1914 г. и делится на две части: 1) работы общего характера, 2) работы по отдельным историческим периодам (7 разделов). Учивается и описывается с большой точностью и полнотой библиографических данных около 5 тыс. книг и статей в каждом выпу-

¹ Lewin E. Subject catalogue of the library of the Royal empire society, formerly Royal colonial institute. 4 vols. London. R. E. S. 1930—1937.

² Batesson F. W., ed. Cambridge bibliography of English literature. 4 vols. Cambridge. University press. 1940.

³ Серийные и многотомные коллективные работы, вышедшие под маркой Кембриджского университета и посвящённые всеобщей истории и истории Англии, представляют в своей совокупности выдающееся явление, заслуживающее специального анализа.

⁴ «English historical Review». General index of articles, notes, documents and selected reviews of books. 4 vols. London. Longmans. 1906—1937.

⁵ Hall H. List and index of the publications of the Royal historical society, 1871—1924, and of the Camden society, 1840—1897. London. R. H. S. 1925. 110 p.

⁶ Annual bulletin of historical literature. Publications of the year... London. Bell. 1912. (Historical association).

⁷ Milne A. T. Writings on British history. London. Cape. 1937. (Royal historical society).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ИНОСТРАННЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Foster M. B. *Plato to Machiavelli*. Boston (etc.). Milfin. 1941. IX, 302 p. (Masters of political thought. Vol. 1).

Фостер М. *От Платона до Макьявелли*.

Первый том серии «Творцы политических учений».

Holland H. R. *Westward from Vinland. An account of Norse discoveries and explorations in America, 982—1362*. New York. Duell, Sloan & Pearce. 1942. X, 354 p.

Голанд Х. *Обзор открытий и исследований скандинавских мореплавателей в Америке, 982—1362*.

Williamson J. A. *The evolution of England. A commentary on the facts*. 2d ed. Oxford. Clarendon press. 1944. XII, 493 p.

Уильямсон Д. *Развитие английского государства*.

От V века до английской революции.

Power E. *The wool trade in English medieval history*. Being the Ford lectures. [London.] Oxford university press. 1942. VIII, 128 p.

Пауэр. *Роль торговли шерстью в истории средневековой Англии*.

Leeper A. W. A. *A history of medieval Austria*. Ed. by R. W. Seton-Watson & C. A. Macartney. Oxford university press. 1941. VI, 420 p.

Липер А. *История Австрии в средние века*.

Charanis P. *Church and state in the later Roman empire; the religious policy of Anastasius the First, 491—518*. Madison-Wisconsin. University of Wisconsin press. 1939. 102 p. (Wisconsin university of studies in the social sciences and history. № 26.)

Чаранис П. *Церковь и государство в поздней Римской империи. Религиозная политика императора Анастасия Первого, 491—518*.

Barrett H. M. *Boethius; some aspects of the times and work*. Cambridge. University press. 1940. IX, 179 p.

Барретт Х. *Бозций, его время и труды*.

Stephenson C. *Mediaeval feudalism*. Ithaca—New York. Cornell university press. 1942. IX, 116 p.

Стефенсон С. *Средневековый феодализм*.

Chronicle of the first crusade. (Fulcheri Carnotensis. Historia Hierosolymitana). Trans. by M. E. McGinty. Philadelphia. University of Pennsylvania press. London, Milford. Oxford university press. 1941. X, 90 p. (Translations and reprints from the original sources of history. Series 3. Ed. by J. L. La-Monte. Vol. I.)

Хроника первого крестового похода («Иерусалимская история» Фульхерия Шартрского).

Clayton J. *Pope Innocent III and his times*. Milwaukee. Bruce publ. co. [1941], XVI, 204 p. (Sciences and culture series.)

Клайтон Дж. *Папа Иннокентий III и его время*.

Ambroise. *The crusade of Richard Lion-Heart*. Transl. from the old french by M. J. Hubert with notes and documentation by J. L. La Monte. New York. Columbia university press. 1941. XII, 478 p.

Амбруаз. *Крестовый поход Ричарда Львиное Сердце. Пер. со старо-французского языка*.

Rolls of the justices in Eyre. Being the rolls of pleas and assizes for Gloucestershire, Warwickshire and Staffordshire. 1221, 1222. London, Quaritch. 1940. LXVI, 830 p. (Selden society. Publications. Vol. 59. For the year 1940.)

Тексты судебных дел по графствам Глостер, Варвик и Стаффорд, 1221, 1222 гг.

Kantorowicz H. *Bractonian problems. Being the ninth lecture on the David Murray foundation in the University of Glasgow prepared, but not delivered by H. Kantorowicz. With a short memoir of the author by D. M. Stenton.* Glasgow. Jackson. 1941. 133 p. (Glasgow university publications. 56.)

Канторович Г. Проблемы, связанные с изучением Брактона. Лекция, подготовленная автором для чтения в Глазговском университете. С кратким некрологом автора, написанным Д. М. Стентоном.

Генри Брактон (ум. 1268 г.) — знаменитый английский юрист, автор неоконченного трактата «О законах и обычаях Англии», оказавший большое влияние на последующих английских юристов.

Chenev C. R. *English synodalia of the thirteenth century.* [London.] Oxford university press. 1941. X, 164 p.

Чиней К. Английские церковные соборы XIII века.

McDonald W. U. *The social value of property according to St. Thomas Aquinas. A study in social philosophy. A dissertation.* Washington. 1939. VIII, 200 p. (The Catholic university of America. Philosophic studies. Vol. 48.)

Макдональд В. Социальная ценность собственности у Фомы Аквинского. Исследование по социальной философии. Диссертация.

Thompson S. H. *The writings of Robert Grosseteste, bishop of Lincoln. 1235 — 1253.* Cambridge. University press. 1940. XVI, 302 p.

Томсон С. Труды Роберта Гростеста, епископа Линкольнского, 1235—1253.

Роберт Гростест — один из виднейших представителей схоластической философии.

Gwynn A. *The English Austin friars in the time of Wyclif.* London. Oxford university press. 1940. X, 295 p.

Гвин А. Английские августинские монахи во времена Уиклифа.

Buridan J. *Johannis Buridani Quaestiones super libris quattuor de caelo et mundo ed. by E. A. Moony.* Cambridge, Mass. Mediaeval academy of America. 1942. XXXV, 274 p.

Буридан И. Вопросы к четырём книгам [Аристотеля] о небе и мире.

Трактат знаменитого философа-схоластика XIV в. Иоанна Буридана.

Steel A. *Richard II.* With a foreword by G. M. Trevelyan. Cambridge. University press. 1941. X, 320 p.

Стил А. Ричард II.

The Book of Margery Kempe. The text from the unique ms. owned by W. Butler-Bowdon. Vol. I. Ed. with prefatory note by H. E. Allen. London. Milford. Oxford university press. 1940. LXVIII, 441 p.

Книга Маргариты Кемпе. Текст, приведённый по единственному экземпляру рукописи. Т. I.

Автобиография одной из представительниц средневекового английского мистицизма (1373—1439).

Walsh G. G. *Medieval humanism.* New York. Macmillan. 1942. IX, 102 p. (The christendom series).

Уолш Г. Средневековый гуманизм.

Mesquita D. M. B. *Giangualeazzo Visconti duke of Milan (1351—1402). A study in the political career of an Italian despot.* Cambridge. University press. 1941. X, 408 p.

Месквита Д. Джангалеаццо Висконти, герцог Миланский (1351—1402). Исследование о политической карьере итальянского тирана.

Beuf C. *Cesare Borgia, the machiavelian prince...* Toronto—New York. Oxford university press. 1942. IX, 395 p.

Беф С. Цезарь Борджа как олицетворение государя Макьявелли.

Sargent D. *Christopher Columbus*. Milwaukee. The Bruce publ. co. 1941. VII, 214 p. (Science and culture series).

Серджент Д. Христофор Колумб.

Morison S. E. *Admiral of the ocean sea. A life of Christopher Columbus*. Boston. Little Brown & co. 1944. XX, 680 p. (An Atlantic monthly press book).

Моризон С. Адмирал океана. Жизнь Христофора Колумба.

Riesenberg F. *The Pacific ocean*. New York. Whittlesey House. London. McGraw-Hill book co. 1940. 322 p. (Oceans of the world).

Ризенберг Ф. Тихий океан.

История географических открытий (Магеллан, Дрейк и др.).

Rowicke F. M. *The reformation in England*. London. Oxford university press. 1942. V, 136 p.

Поуике Ф. Реформация в Англии.

Dowdell V. L. *Aristotle and Anglican religious thought...* Ithaca—New York. Cornell university press. 1942. XI, 103 p.

Даудел В. Аристотель и англиканская религиозная мысль.

Имеется материал, относящийся к средним векам.

Reese M. M. *The Tudors and Stuarts*. London. Arnold. 1940. 440 p.

Риз М. Тюдоры и Стюарты.

Van Baumer F. *The early Tudor theory of kingship*. New Haven. Yale university press. London. Humphrey. Milford. Oxford university press. 1940. X, 259 p.

Ван-Баумер Ф. Теория королевской власти в эпоху ранних Тюдоров.

Hudson W. S. *John Ponet (1516—1556), advocate of limited monarchy*. Chicago, Illinois. University of Chicago press. 1942. XII, 183 p.

Хедсон В. Джон Понет (1516? — 1556), защитник ограниченной монархии.

Prouty C. T. *George Gascoigne. Elizabethan courtier, soldier and poet*. New York. Columbia university press. 1942. XII, 351 p.

Праути С. Георг Гаскойнь. Елизаветинский придворный, воин и поэт.

Clarkson P. S. and Warren C. T. *The law of property in Shakespeares and the Elizabethan drama*. Baltimore. John Hopkins press. 1942. XXVII, 346 p.

Клэрксон П. Право собственности в произведениях Шекспира и елизаветинцев.

Rowse A. L. *Tudor Cornwall. Portrait of a society*. London. Cape. 1943. 462 p.

Раузе А. Графство Корнуэлл при Тюдорах. Быт и нравы.

Sharp R. L. *From Donne to Dryden. The revolt against metaphysical poetry*. Chapel Hill. University of North Carolina press. 1940. XIII, 221 p.

Шарп. От Донне до Дрейдена. Протест против метафизической поэзии.

Nef J. U. *Industry and government in France and England, 1540—1640*. Philadelphia. 1940. X, 162 p. (Memoirs of the American philosophical society. Held at Philadelphia for promoting useful knowledge. Vol. 15. 1940).

Неф Д. Промышленность и государственный строй во Франции и Англии, 1540—1640.

Church W. F. *Constitutional thought in sixteenth century France. A study in the evolution of ideas*. Cambridge. Harvard university press. London. Milford. Oxford university press. 1941. 360 p. (Harvard historical studies. Vol. 47).

Черч В. Конституционная мысль во Франции XVI века. Исследование в области эволюции идей.

La Boétie E. *Anti-dictator. The Discours sur la servitude volontaire of F. de La Boétie, rendered into English by H. Kurz.* New York. Columbia University press. 1942. XXII, 54 p.

Ла Боэси. *Антидиктатор.*

Знаменитый трактат Ла Боэси «Рассуждение о добровольном рабстве» переведён под указанным выше заглавием и снабжён краткими примечаниями на полях, указывающими на параллели между образом тирана у Ла Боэси и фашистскими диктаторами Гитлером, Муссолини и др.

Wass G. E. *The legendary character of Kaiser Maximilian.* New York. Columbia university press. 1941. 227 p. (Columbia university. Germanic studies. New ser. № 14).

Уаз Д. *Легендарный образ императора Максимилиана [в представлениях современников и позднейших поколений].*

Argenti P. P. ed. *Chios vincata: or the occupation of Chios by the Turks (1566) and their administration of the Island (1566—1912). Described in contemporary diplomatic reports and official dispatches. Ed. with an introd. by Pk. P. Argenti. With a preface by S. Gaselee.* Cambridge. Cambridge university press. 1941. 277, 264 p.

Ардженти П. *Побеждённый Хиос или оккупация Хиоса турками (1566) и их управление островом (1566—1912). Составлено на основании современных дипломатических отчётов и официальных донесений.*

Hollis C. *A brief history of Trinidad under the Spanish crown.* Trinidad and Tobago. Rhodes. 1941. XVI, 108, XI p.

Холлис С. *Краткая история Тринидада под испанским владычеством.*

Thorndike L. *A history of magic and experimental science.* Vol. 5—6. The XVIth century. New York. Columbia university press. 1941.

Торндайк Л. *История магической и опытной науки. Т. 5—6. XVI век.*

Первые четыре тома (1923—1934) охватывают период с I по XV в. включительно.

Taylor R. E. *No royal road. Luca Pacioli and his times.* Chapel Hill. University of North Carolina press. 1942. IX, 445 p.

Тэйлор Р. *«Царского пути не существует» [изречение Эвклида]. Лука Пачоли и его время.*

Лука Пачоли — выдающийся итальянский математик, 1445—1514.

Paracelsus. *Four treatises of Theophrastus von Hohenheim called Paracelsus. Translated from the original German with introd. essays by C. L. Temkin, G. Rosen, G. Zilboorg, H. E. Sigerist.* Baltimore. John Hopkins press. 1941. XII, 256 p. (Publications of the history of medicine. The Johns Hopkins university. 2d series. Texts and documents. Vol. 1).

Парацельс. *Четыре трактата Теофраста Гогенгейма, прозванного Парацельсом. Пер. с немецкого оригинала с вводным очерком.*

Pouliot L. *Etude sur les relations des jésuites de la Nouvelle-France (1632—1672).* Montréal (Canada)—Paris. Brower. 1940. XII, 319 p.

Пулио Л. *Донесения иезуитов Новой Франции [парижскому провинциалу ордена] (1632—1672).*

Crouse N. M. *French pioneers in the West Indies. 1624—1664.* New York. Morningside Heights. Columbia university press. 1940. 294 p.

Крауз Н. *Французские поселенцы в Вест-Индии 1624—1664 г.*

Сектор истории Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР.

ске. В приложении дан список важнейших книг и статей позднейшей (с 1914 г.) истории Англии. В конце — вспомогательный указатель так называемого «словарного» типа: фамилии авторов и предметные рубрики в одном общем алфавите.

В большинстве исторических журналов, выходящих в Англии, имеется постоянный критико-библиографический отдел. Наибольшего внимания заслуживает информация, помещаемая самым авторитетным из этих органов — «Английским историческим журналом»¹, выходящим с 1886 года. В каждом его номере имеются разделы рецензий и кратких заметок; по содержанию те и другие касаются не только истории Англии, но уделяют последней преимущественное внимание.

Пытаясь осветить совокупность современных (в широком смысле слова) библиографий по истории Англии, невольно приходится обратить внимание на одну своеобразную черту: значительная часть этих библиографий есть результат работы не английских, а американских историков и библиографов. Из трёх непосредственно примыкающих одна к другой библиографий по общей истории Англии (Гросса, Рида и Дэвиса) только первая и самая ранняя составлена английским учёным. Две позднейшие библиографии — плод совместной работы английских и американских историков. Редакторами обоих этих коллективных трудов были американские историки: Рид, профессор Пенсильванского университета в Филадельфии, и Дэвис, профессор Южнокалifornийского университета в Лос-Анжелесе.

То же относится и к другим работам: упомянутые выше указатели Моргана, Аббота и многие, не отмеченные в настоящем обзоре работы вышли из-под пера американских специалистов и изданы в США.

Внимание английских специалистов, наоборот, сосредоточено в основном на учёте и описании архивных материалов. Об их успехах в этой области свидетельствует хотя бы такое грандиозное издание, как «Отчёты комиссии по историческим рукописям и приложения к этим отчётам» (Historical manuscripts commission. Reports and appendices), выходящие с 1870 года. К 1940 г. опубликованы 180 томов подробнейших описей материалов, хранящихся в архивах провинциальных городов, приходских архивах и в собраниях частных лиц.

О значительном интересе американских историков к исторической библиографии Англии свидетельствует и недавно вышедший библиографический труд по общей истории Англии: книга профессора Северозападного университета в Эванстоуне — К. Л. Гроза: «Избранная библиография по

британской истории 1660—1760 годов»². Ни по широте тематики, ни по объёму, ни по своим достоинствам труд этот не уступает отмеченным выше трём основным библиографическим работам. До московских библиотек книга Гроза дошла с запозданием по обстоятельствам военного времени. И если советские специалисты в области истории Англии давно уже ознакомились с трудами Гросса, Рида и Дэвиса, то указатель Гроза ещё мало им известен. Поэтому остановимся на книге Гроза более подробно. Как указывает сам составитель в предисловии (стр. VII), он начал эту работу с 1926 года. В 1930 г. в «Журнале по новой истории»³ он выступил с обстоятельным обзором литературы XX в. по тому же столетию английской истории, которому позднее посвятил свой крупный библиографический труд.

Интересен отбор литературы. Внимание составителя привлекли источники различных видов (от собраний документов до дневников, мемуаров, памфлетов и т. п.). Что касается литературных произведений в точном смысле слова (исследования, известнейшие и наиболее удовлетворительные работы популяризирующего назначения и т. п.), то Гроз задался целью дать в своём указателе не только новейшие труды, но и произведения начала и середины XIX в., хотя и устаревшие к настоящему времени, но знаменующие этап в изучении той или иной проблемы.

Указатель разбит на четыре основных раздела: литература, относящаяся ко всему столетию 1660—1760 гг.; литература по периоду 1660—1688 гг.; литература по периоду 1688—1714 гг.; литература по периоду 1715—1760 гг.; последующие подразделения — по систематическому признаку.

Библиографическое описание не всегда достаточно полно.

Указатель составлен единолично Грозом, привлёкшим ряд специалистов по отдельным отраслям или вопросам лишь в качестве консультантов. Гроз полагал, что единоличное составление библиографии обеспечит ей большую последовательность в отборе и критическом подходе (см. предисловие, стр. VII). Такой метод составления библиографии редко применяется в настоящее время. Обычно мы имеем теперь дело с коллективно составленными указателями.

Со времени выхода в свет книги Гроза имеется непрерывная цепь библиографических пособий по общей истории Англии от древнейших времён до периода промышленного переворота; в этом главное значение этого труда.

К. СИМОН

² Grose C. L. A select bibliography of British history, 1660—1760. Chicago. University of Chicago press. 1939. XXVI, 507 p.

³ Grose C. L. Thirty years study of a formerly neglected century of British history, 1660—1760. «Journal of modern history». 1930. Vol. II, No. 3, p. 448—471.

¹ «English historical Review». London. Longmans. 1886.

ХРОНИКА

Всесоюзное археологическое совещание

С 25 февраля по 1 марта 1945 г. в Москве происходило организованное Академией наук СССР Всесоюзное археологическое совещание.

Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, академии наук союзных республик, филиалы АН СССР, наркомпротсы, университеты, педагогические институты, центральные, краевые, областные и местные музеи, Госинспекция и Комиссия по охране памятников и другие научные учреждения страны были представлены 156 делегатами, в числе которых выдающиеся деятели нашей археологической науки.

Совещание открыл председатель Оргкомитета вице-президент АН СССР акад. В. П. Волгин. В своём вступительном слове он отметил, что организованное в дни победоносно завершающейся борьбы советского народа против дикого врага культуры и цивилизации — немецкого фашизма — совещание учёных-археологов служит ярким свидетельством не прекращающейся в условиях войны научно-исследовательской работы.

Акад. В. П. Волгин напомнил собравшимся, что ведущий научный центр советской археологии — Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра — недавно отметил своё двадцатипятилетие. Основанное по декрету В. И. Ленина первоначально в качестве Российской академии истории материальной культуры (РАИМК), это учреждение явилось преемником Археологической комиссии, существовавшей с 1859 года. Поэтому сейчас можно говорить о более чем 85-летнем существовании научной археологической организации в нашей стране.

Советские археологи бережно хранят лучшие традиции выдающихся представителей отечественной археологии. Они с благодарностью помнят имя и продолжают дело гениального учёного-революционера акад. Н. Я. Марра, который перевооружил археологию, связав изучение вещественного источника с показаниями других видов источников и в первую очередь языка. Усвоив наиболее ценное из опыта дореволюционной археологии и в то же время порывав с характерными для неё любительством и коллекционерством, советские археологи своими трудами добились того, что история материальной культуры прочно вошла в состав исторических наук. На пути этой перестройки, указывает акад. В. П. Волгин, были у наших археологов и неудачи и срывы. Однако в напряжённой исследовательской работе над конкретным материалом советские археологи преодолели эти недостатки и достигли значительных результатов.

Древнейшее прошлое нашей родины

встаёт теперь перед нами не в виде отдельных «археологических культур», которыми оперировала старая археология, но уже в виде достаточно стройной и закономерно связанной цепи последовательных этапов развития человечества от древнекаменного века — палеолита — до средневековья.

Говоря о наиболее важных достижениях советских археологов, акад. Волгин подчёркивает, что по-новому поставлена важнейшая проблема происхождения славян и их взаимоотношений с соседними племенами. Процесс образования славянства был прослежен археологами до начала нашей эры, но теперь пытливая мысль учёных проникла далее в глубь веков и уже использует в своих выводах материалы пластов бронзовых и неолитических культур. Всё с большей точностью устанавливается, как исторические корни великого русского народа соприкасаются с культурами древнего мира. Во мгле первого тысячелетия нашей эры всё ярче вырисовываются очертания мощных племенных объединений славян, сыгравших огромную роль в сложении культуры и истории Восточной и Центральной Европы. Эти исследования наносят истинно сокрушительный удар по безграмотной и наглой страшилке геббельсо-розенберговских фашистских «теоретиков».

Советские археологи, интенсивно работая и в годы войны, при этом не только разрабатывали свои постоянные темы, но и выполняли задания специального характера, принося этим известную пользу делу обороны страны против вторгшегося врага. Институт истории материальной культуры АН СССР третий год ведёт по поручениям Чрезвычайной государственной комиссии большую работу по расследованию варварских разрушений памятников культуры и старины, совершённых немецкими фашистами.

Совещание почтило вставанием память акад. С. А. Жебелёва, одного из выдающихся представителей нашей науки, скончавшегося в 1941 г. в блокированном Ленинграде; заслуженного деятеля науки В. А. Городцова, старейшего русского археолога, не дожившего до Всесоюзного совещания менее месяца, и многих друзей и товарищей, членов семьи археологов, погибших в Ленинграде во время блокады, под Ленинградом и на других фронтах Великой отечественной войны против немецкого фашизма.

С обширным докладом об итогах археологических исследований в СССР выступил акад. Б. Д. Греков.

Докладчик указывает, что интерес к памятникам материальной культуры пробудился в России давно. Уже в 1804 г. было открыто первое научное общество — Московское общество истории и древностей

российских, — поставившее своей задачей, между прочим, и «собрание древностей, медалей, монет и других памятников, служащих к объяснению разных происшествий в русской истории».

Сделав краткий обзор достижений дореволюционной археологии, докладчик указывает, что она вскрыла немалое количество памятников по древней истории народов, населявших территорию России. Классические памятники эллинической культуры на Северном Причерноморье, раскопки скифских курганов и другие материалы пролили свет на ранее не исследованные страницы отечественной истории. В значительной мере трудами археологов была создана особая отрасль исторического знания — скифология, т. е. наука о народе, предшествовавшем славянскому населению в СССР. Параллельно шло вскрытие памятников древнеславянских народов Кавказа и Сибири. Однако изучение других народов, населявших Россию, проводилось слишком ограниченно. Недостатком старой, дореволюционной археологии и было именно то, что она ограничивала свои исследования преимущественно памятниками так называемой «классической археологии».

Унаследовав от прошлого солидную базу и используя имевшиеся достижения, советская археология внесла своё новое, что изменило место этой науки в системе наук и поставило перед ней новые задачи. Для уточнения своих наблюдений и выводов археология установила прочные связи с палеоантропологией, палеозоологией, геологией, почвоведением, филологией и историей. Сейчас археология — не оторванная от истории наука со своими особыми целями; археология — та же историческая наука, разрабатывающая те же проблемы, но на своём, особом материале.

Периоды, совсем не освещённые письменными памятниками, археология раскрывает путём добывания и изучения вещественных памятников. Она конкретизирует представление о временах, даже хорошо отражённых в письменности.

За советский период возросло количество объектов исследования археологической науки. Сейчас нет в нашей стране территории или народа, которые не явились бы предметом внимания археологов.

Акад. Греков характеризует результаты археологического изучения отдельных крупных периодов истории человеческих обществ на огромных пространствах нашей страны.

В области изучения каменного века советская археология имеет большие достижения. Открыты и исследованы сотни палеолитических местонахождений. Среди них такие стоянки, как Костенко-Боршевские, Гагарино, Тимюновка, сибирские стоянки Мальта, Буреть и др. Параллельно этому разрабатывалась периодизация русского палеолита с характеристикой трёх его основных провинций — азиатской, собственно-европейской и каспийской. Эти открытия внесли много нового в имеющиеся представления о формах хозяйства палеолита, обра-

зе жизни, технической вооружённости и искусстве этой эпохи.

Неолит на территории СССР по-настоящему начал изучаться лишь в советский период. Систематическое исследование ряда областей (европейского севера, Карело-Финской ССР, Урала, Прибайкалья и др.) позволило выделить разнообразные неолитические культуры и хронологизировать их. Новые открытия, к числу которых принадлежат наскальные изображения в Карелии, Горбуновский торфяник, Олене-Островский могильник и др., осветили наименее изученную сторону неолита — религиозные представления этого времени.

Широкое развитие в советский период получило исследование эпохи раннего металла на территории СССР. Большая работа проведена по изучению материалов трипольской культуры. Раскопки по Днестру, Южному Бугу и близ Одессы (Угатово) показали различные этапы в развитии этой культуры и доказали её общность во времена III—II тысячелетий до нашей эры для всего Днепровско-Дунайского бассейна. Хорошо исследовалась эпоха бронзы на Кавказе. При этом установлено различие в бронзовых культурах Северного и Южного Кавказа: шингавитская и агубековская культуры ранней бронзы, Кубанские курганы и Элар, а также раскопки в Триалети — культуры расцвета бронзы. Для древней истории Армении богатейший материал дали раскопки Урарту. В Причерноморье и на Украине были намечены границы трёх основных культур — ямной, катакомбной и срубной, — выяснено их происхождение и исследован новый тип памятников — поселения. Установлен последний этап развития здесь бронзового века (в виде киммерийской культуры, существовавшей вплоть до скифов). В Поволжье выделены две новые культуры: полтавская (начало бронзового века) и хвалынская (конец бронзового века). В Сибири отмечено три этапа бронзового века — афанасьевская, андроновская и карасукская культуры. В Чувашии и смежных с ней районах открыта новая — абашевская — культура.

Изучение памятников скифо-сарматской культуры имеет большое значение для характеристики населения нашей страны в дославянскую эпоху и для вопроса об этногенезе славян. В советский период был произведён ряд раскопок, позволивших составить более полное представление о скифо-сарматских древностях. Принципиальное отличие от полевых исследований дореволюционного времени состоит в особом внимании к городищам и другим местам древних поселений. Новые раскопки производились на Каменском, Шараловском, Немировском городищах, на правом берегу реки Буг и на западном побережье Чёрного моря. Раскапывался также ряд скифо-сарматских могильников-курганов на Кубани, в Южном Приднепровье и других местах.

Советские археологи продолжали также раскопки античных городов Причерноморья: Ольвии, Херсонеса, Фанагории и Харакса. Кроме того начаты раскопки второстепенных античных поселений. Всё это расшири-

ло наши исторические познания о характере античной цивилизации в Северном Причерноморье.

Более глубокое понимание скифской проблемы, отмечает акад. Греков, по-новому поставило изучение взаимоотношений двух культур—античной и туземной,—подготовило почву для пересмотра вопроса огромной важности—о славянстве, в частности о восточной его ветви, об образовании в Восточной Европе обширного русского государства. Старые учёные не могли освободиться от господствовавшей ошибочной теории, согласно которой славяне являются пришельцами на восточноевропейской равнине. В наше время, благодаря главным образом успехам археологии, новые исследования блестяще подтвердили намеченную акад. Н. Я. Марром этногенетическую схему, осветив глубочайшие местные корни восточного славянства, восходящие к племенам трипольской культуры и степной бронзы, скифам и, наконец, к эпохе полей погребений. Скифские земледельческие племена Среднего Поднепровья, с одной стороны, и верхнеднепровские племена, памятники которых были впервые изучены в наши дни, являются теперь вполне определёнными составными частями славянского этногенеза.

Важнейшей темой нашей науки, продолжает докладчик, была антская проблема, разработка которой может утверждать о наличии связи антской культуры с предшествующей культурой полей погребения, её более самобытный характер и большую высоту, о чём свидетельствуют развитое пашенное земледелие, скотоводство, совершенство ремесленных изделий, крупные поселения типа городов. Центр антской культуры, несомненно, лежал в Поднепровье, в области будущих полей, и, что можно считать доказанным, культура Киевской Руси является преемницей антской культуры.

В этой связи докладчик говорит о работах советских археологов в области изучения русской культуры и в особенности древнерусских городов. Прежде всего начинает открываться «доистория» этих городов, уходящая в глубины дофеодалного периода. Таковы древнейшие городища, лежащие в основе современного Киева, поселение VIII—IX вв. на Рюриковом городище под Новгородом, культурные слои V—VI вв. в основе Псковского кремля, древнейшие слои Старой Ладуги, относящиеся к VII—VIII векам.

Собранный материал по ремеслу столь обширен, что вместе с дореволюционными коллекциями позволяет теперь рисовать детализованную картину—эволюцию городских ремёсел, их связь и взаимодействие с деревенским ремеслом, прогресс и дифференциацию техники и трудовых процессов почти каждой отрасли ремесла. Изучение, например, литейных форм, знаков ремесленников на их продукции и т. п. проливает свет и на социальное положение ремесленников, их организацию и т. д.

Особо отмечает акад. Греков работу наших археологов по истории древнерусского зодчества, открывших и исследовавших ряд

выдающихся памятников искусства глубокой старины.

Переходя к рассмотрению успехов советских археологов по территориально-тематическому принципу, докладчик указывает на значительные достижения в области изучения археологии Кавказа и Закавказья.

На Северном Кавказе впервые открыты памятники энеолита, большое количество находок относится к эпохе бронзы, а также найдены памятники периода античности и средневековья.

Памятники различных периодов эпохи бронзы дали раскопки на месте Шангавитского поселения на Шерш-Блуре и в Эларе. Особенно интересны памятники Триалетских курганов (работы Академии наук Грузинской ССР). Для эпохи древнегрузинского царства ценнейший материал дали раскопки Самтаврского могильника, около Мцхета. Для характеристики города позднеурартской эпохи новое дают раскопки на холме Камир-Блур (Академия наук Армянской ССР). В Азербайджане велись большие работы по изучению курганов и циклопических сооружений. Широко развернулось исследование средневековых городов Армении и Грузии. Все эти и многие другие раскопки дали богатый материал для древнейшей истории народов Кавказа и Закавказья и их взаимоотношений с древневосточными государствами.

Раскопки открыли в Средней Азии кельтеминарскую и более позднюю, тазабагыбскую культуры, которые указывают на исторические связи населения древнейшего Хорезма с севером (с «афанасьевской» и «андроновской» культурами) и с востоком (с культурой Анау). Всё же бронзовый век исследован в Средней Азии ещё недостаточно. Лучше исследована культура народов Средней Азии более позднего периода: Экспедиции в Шахрисяб, Ургенч и Хорезм и раскопки древнего Тараза показали существование культурных связей древнего населения Средней Азии с государствами Передней Азии.

Если в Сибири в дореволюционный период были известны только 3 палеолитические стоянки, то теперь их открыто около 60. Это дало возможность периодизации сибирского палеолита. Изучались также неолитические поселения в низовьях реки Амур, на побережье озера Байкал, по реке Ангаре, на Енисее, Илиме и др.

Исследование памятников бронзы позволило установить, когда в степях сформировалось скотоводство, появились земледелие и плавка металла. Установлены три стадии сибирской бронзы—афанасьевская, андроновская и карасукская. Распространение северной китайской бронзы вплоть до нынешних городов Молотова и Горького ставит вопрос о роли дальневосточных культурных связей, наряду с переднеазиатскими, в образовании значительного культурного единства древнего населения СССР.

В Сибири обнаружены также памятники, соответствующие скифо-сарматским памятникам юга европейской части нашей страны.

В археологии народов Поволжья и Приуралья особое внимание привлекла так называемая ананьинская культура, являющаяся связующим звеном между эпохой бронзы и формированием ныне существующих этнонародностей этих районов. В советский период начаты большие исследования по древней истории удмуртов, коми, башкир и мордовских племён.

Значительное внимание уделили советские археологи изучению культуры Болгарского царства и Хазарского каганата. Теперь восстановлена картина жизни болгарских городов Поволжья (Булгары, Сувары и др.) как в древнюю пору, так и в золотоординский период. Систематическому изучению подвергнуты памятники хазар, позволившие осветить ряд неясных сторон русско-хазарских связей и истории славянорусской колонизации юго-востока.

Исследовательская обработка вещей, всего фонда вновь открытых памятников сыграла исключительную роль в развитии исторической науки в СССР. Без археологии ранние страницы истории Булгарии, Хазарии, истории восточных славян, ещё ранее — скифов и греческих колоний на Северном Причерноморье, древней Армении и Грузии — остались бы до сих пор для нас нераскрытыми. Благодаря достижениям археологической науки расширились исторические познания и достигнуты важные обобщения в области ранней истории народов Советского Союза.

Новые открытия также обогащают драгоценными памятниками наши государственные музеи — эти сокровищницы национальной культуры народов СССР.

Однако в работе советских археологов имелись и значительные недочёты. Территория Византии, район Западного Буга и т. д. не были археологически исследованы, что важно для изучения истории докиевской и Киевской Руси. Недостаточно изучались Дальний Восток и Западная Сибирь. Неудовлетворительно было поставлено дело камеральной обработки открываемых памятников и публикации материалов, добытых археологами. Связь археологических учреждений между собой и единый план археологических работ отсутствовали.

Переходя к выводам, акад. Греков указывает, что для дальнейших успехов археологии и истории в СССР необходимо:

1. Расширить археологические разыскания в СССР, особенно в районах, до сих пор недостаточно обследованных, на основе единого всесоюзного археологического плана.

2. Включить в сферу внимания и археологического изучения территорию Византии, славянские страны Подунавья для широкого изучения связей последних с Киевской Русью и выяснения проблем этногенеза славян; с этой целью необходимо поставить вопрос о восстановлении Русского археологического института в Стамбуле.

3. Обратит внимание советских археологов на необходимость расширения камеральной обработки памятников, публикации их и составления сводных каталогов археоло-

гических коллекций советских музеев, введя работу этого рода в производственные планы институтов и музеев.

4. Признать важнейшей, подчеркнутой событиями Великой отечественной войны задачей археологов надлежащую постановку дела охраны памятников старины и в особенности восстановления в освобождённых районах исторических памятников, разрушенных фашистскими оккупантами.

В весьма содержательных прениях по докладу акад. Грекова выступило большее число работников мест. Делегаты подводили итоги археологических работ, высказывались по организационным вопросам.

С докладом о планировании археологических исследований в СССР выступил акад. И. И. Мещанинов.

Сделав подробный обзор истории вопроса о планировании деятельности археологов и указав, что несмотря на многочисленные, но разрозненные попытки до сих пор не было создано всесоюзного планирования полевых археологических исследований, докладчик переходит к нынешнему этапу работы над созданием единого плана.

Акад. Мещанинов указывает, что полученные плановой комиссией Оргкомитета Всесоюзного археологического совещания перспективные планы на 1945—1949 гг. от крупнейших археологических научно-исследовательских институтов и музеев Союза, рассматриваемые в аспекте общих задач археологии СССР, показывают ряд положительных черт, достигнутых в планировании работ.

Многие из намеченных археологических исследований, как теоретических, так и полевого характера, тесно связаны с поставленными в последние годы узловыми вопросами истории народов СССР, а большие раскопки часто предусматривают кооперацию нескольких научных учреждений.

Далее, многие из учреждений планируют свои работы, учитывая существующие «белые пятна» на археологической карте страны, и направляют свои усилия на заполнение этих пробелов. Намечается переход к систематическим многолетним работам, сплошному исследованию крупных районов. В городах, освобождённых от оккупации, где будет проводиться крупное строительство, запланированы соответствующие археологические работы и меры по охране памятников.

Однако, говорит докладчик, представленные планы имеют ряд крупных недостатков, проистекающих от отсутствия единого, общесоюзного плана археологических работ. При просмотре планов приходилось обращать внимание на разрыв между общими исследовательскими проблемами и отдельными раскопками, намеченными на ближайшие годы. Например вопрос об этногенезе славян стоит в тематике всех крупных археологических учреждений РСФСР, УССР и БССР, однако в планах полевых исследований эта тема отражена крайне слабо. Большие пробелы обнаруживаются в отношении ряда важнейших проблем. Так, отсутствуют

раскопки по изучению культуры кочевников на юге Руси, не запланированы раскопки неолитических памятников Московской, Пензенской, Курской, Орловской областей, Поволжья, Урала, Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока; по фатьяновской культуре намечены раскопки только одного могильника в Чувашии и т. д.

Интересы центральных археологических учреждений сосредоточены большей частью в относительно узких границах нескольких союзных республик: учреждения РСФСР не ставят в планы своих работ изучение, предположим, бронзовой эпохи в БССР, а учреждения, например, УССР обходят молчанием вопросы, связанные с Владимиро-Суздальской Русью. В представленных планах не отражены общность археологии СССР и сознание необходимости изучать прошлое нашей родины не краеведчески, не замыкаясь в административных границах, а во всей широте общих научных интересов народов всего Союза ССР.

В свете огромных новых задач, стоящих перед советскими археологами, одного механического согласования представленных планов и введения частных поправок в них недостаточно для создания общего плана археологических работ в СССР, подчёркивает акад. Мещанинов. В связи с этим, указывает он, в целях осуществления планирования и создания единого перспективного плана по археологии СССР, а также для учёта и охраны археологических памятников необходимо образование центрального археологического органа — Всесоюзного археологического комитета.

На этот комитет, говорит докладчик, необходимо возложить: 1. Рассмотрение тематических и полевых планов археологических исследований и разработку единого плана работ по археологии в СССР. 2. Согласование основных вопросов между отдельными организациями, непосредственно заинтересованными в проводимых раскопках на том или ином объекте. 3. Выдачу открытых листов на право производства раскопок в объектах, вошедших в единый перспективный план работ по археологии. 4. Учёт проводимых в Союзе археологических исследований и наблюдение за представлением отчётов по произведённым раскопкам и своевременная публикация их. 5. Восстановление археологических фондов музеев, разграбленных фашистскими оккупантами. Принятие (также по заранее разработанному плану) участия в восстановлении памятников старины — архитектуры и искусства, — пострадавших от фашистской оккупации. 6. Охрану (через свои органы на местах) археологических памятников на всей территории СССР и издание сводных каталогов этих памятников. 7. Планирование подготовки кадров археологов в соответствии с единым планом по археологии СССР. 8. Планирование и организацию археологических экспедиций и научных командировок в зарубежные страны. 9. Воссоздание в СССР археологических обществ — Общества советских археологов и обществ-филиалов — и сети корреспондентов

на местах. 10. Возобновление деятельности Русского археологического института в Стамбуле. 11. Регулярный созыв всесоюзных археологических съездов для подведения итогов обмена научным опытом и дальнейшего планирования работы.

Акад. И. Э. Грабарь сделал доклад на тему «Законодательство по охране и исследованию археологических памятников».

Докладчик указал, что основным тормозом к обеспечению сохранения археологических памятников и к организации полевых исследований их в царской России было право частной собственности на землю и её недра. Это препятствие было устранено Великой Октябрьской социалистической революцией. Сначала последовал ряд частных законодательных актов об охране памятников, затем были изданы в РСФСР и других союзных республиках обобщающие законоположения и инструкции. Современем эти инструкции, равно как и органы, которые должны были их осуществлять, претерпели различные изменения. В результате, как отмечает докладчик, создалась очень пёстрая картина, и в настоящее время у нас отсутствует единое законодательство как по производству археологических раскопок, так и по охране памятников старины. Законы по охране и исследованию археологических памятников в отдельных республиках различны. Органы этой охраны очень несходны по форме и составу, иногда их нет совсем. Ответственность за нарушение законов о производстве раскопок и об охране археологических памятников часто ничем не оговорена.

Неизбежные при больших строительствах разрушения памятников вызвали ряд ведомственных циркуляров об их предварительном изучении. Но общего закона об этом нет нигде, кроме Азербайджанской ССР.

Существующее местное законодательство отдельных союзных республик на деле иногда не достигает цели. Музеям поневоле приходилось охранять памятники, но они с трудом справлялись с этим из-за отсутствия у них на это соответствующих полномочий и денежных средств. Докладчик с сожалением отмечает случаи, когда памятники уничтожались или сносились в хозяйственных целях без всякого специального разрешения и предварительного исследования. Более того: даже в центре имели место случаи разрушения памятников без всякой необходимости в этом. Нередко по простому произволу производителей работ те или иные архитектурные или археологические памятники разбираются для добывания строительных материалов. Отмечены случаи добывания золота кладочискателями в древних могилах и скупки его соответствующими приисковыми трестами и антикварнатами как «бытового» золота.

Необходим ряд изменений в законодательстве для устранения этих крупных недочётов, мешающих советской археологической науке, говорит акад. Грабарь. Прежде всего необходимо учредить центральный общесоюзный Археологический комитет, который должен объединять охрану всех видов

памятников старины и искусства, рассматривать и утверждать генеральный план полевых исследований, разработанный научными институтами и музеями, и осуществлять свою работу, опираясь на комиссии при республиканских и областных советских органах, на основе единого законодательства.

Это единое, общесоюзное законодательство должно, по мысли докладчика, предусмотреть требование ко всем строительным организациям, производящим земляные работы, охраны археологических памятников или их предварительного изучения перед выполнением необходимых работ; введение и усиление уголовной ответственности за нарушение закона об охране памятников старины и искусства, обязательное участие органов милиции и прокуратуры в осуществлении государственной охраны памятников и в выполнении требований органов охраны.

После заслушания докладов академиков Б. Д. Грекова, И. И. Мещанинова и И. Э. Грабаря совещание продолжало свою работу в секциях по выработке пятилетнего плана археологических исследований в СССР и по вопросам законодательства. Состоялся оживлённый обмен мнениями по резолюциям. На заключительном пленарном заседании I Всесоюзное археологическое совещание приняло резолюции, содержащие ряд важнейших научно-организационных решений.

Постановлено ходатайствовать перед правительством о создании «Комитета по делам археологии и охране памятников». Комитет должен вести планирование и организацией археологических исследований в Советском Союзе. Его отделы и уполномоченные на местах будут осуществлять на основе обновленного законодательства охрану всех памятников культуры. Комитет должен также обеспечить своевременную информацию о проводимых археологических исследованиях изданием своего официального бюллетеня. На комитет будут возложены также подготовка и проведение всесоюзных археологических съездов, игравших огромную роль в развитии русской археологической науки.

В помещении Государственного исторического музея была развёрнута интересная выставка материалов археологических исследований в СССР.

После закрытия Всесоюзного археологического совещания состоялась большая научная сессия Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, во время которой было заслушано и обсуждено большее количество докладов учёных, работников различных научно-исследовательских организаций Советского Союза.

В. Альтман

